

Леонид
РЫБАКОВСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР

1937-1938 гг.

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-политических исследований
Российской академии наук
(ИСПИ РАН)**

Л.Л. РЫБАКОВСКИЙ

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР
1937–1938 гг.**

(К 75-летию сталинских репрессий в СССР)

Проект «Аргументы истины»

Москва –2013

УДК 323.28
ББК 63.3(2Рос)6
Р93

*Книга публикуется в авторской редакции и отдельные оценки автора
не являются мнением научного коллектива ИСПИ РАН.*

Р93 Рыбаковский Л.Л. Политический террор. 1937–1938 гг.
(к 75-летию сталинских репрессий в СССР). – М.: Экон-
информ, 2013 – 245 с.
ISBN 978-5-9506-1005-9

Это книга об одной из трагедий советского народа, происшедшей в 1937–1938 годы, трагедии, которая разыгралась в обстановке небывалого экономического, культурного и социального развития страны. Она повествует о том, что и во главе великого государства со всеми его свершениями и подвигами и одновременно небывалого политического террора против собственного народа находился один и тот же человек – Сталин.

УДК 323.28
ББК 63.3(2Рос)6

ISBN 978-5-9506-1005-9

© Рыбаковский Л.Л., 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Десять лет назад в 2003 г. в книге «Прикладная демография» нами была помещена небольшая работа с названием «Тридцать седьмые – роковые». Спустя десять лет приходится сожалеть, что, в те годы, будучи в большей мере романтиком, чем ныне, многие оценки трагических тридцатых годов мною даны, мягко говоря, не совсем точно. С появлением интернета, сделавшего доступным многое из того, что раньше не попадало в публикации, и изменение потребностей и характера занятости создало ресурс свободного времени, что позволило подготовить практически новую работу. В неё из старого материала вошло максимум 10–15%.

Учитывая, что к настоящему времени историками извлечено из архивов огромное количество документов о репрессиях того времени, а они ретражированы разными публикациями, мне ничего другого не оставалось как оценить ту информацию, которая показалась достоверной, и использовать её для описания трагического времени. Это описание дается не в порядке хронологии, а проблемно, т.е. репрессии рассматриваются с их разных сторон. Такой подход создал некоторые трудности, первая из которых, – это вынужденные повторения одних и тех же фактов, поскольку они характеризуют репрессии именно с разных сторон. Вторая трудность состоит в том, что извлеченное из архивов огромное количество информации, тем не менее, не обеспечивает устранение всех «белых пятен». Они остаются и ждут дальнейших усилий историков-архивистов.

При написании книги я отступил от обычного стиля научного работника. В книге перемежаются два стиля. Основной – сугубо научный, он используется во всех тех случаях, когда анализируется статистика репрессий, даются оценки тем или иным фактам, выявляются причины политического террора и пр. Другой стиль – журналистский, призванный внести в книгу некоторую эмоциональность и облегчить её прочтение.

В книге рассматривается политический террор не сам по себе, поскольку СССР, Сталин, НКВД и т.д. были не в безвоздушном пространстве, не вне исторического времени. Поэтому, события, действия советской власти, поведение народа и пр. в книге достаточно часто анализируются в двух дополнительных координатах, первая из которых – это то, что происходило в мире, в других странах – чуть раньше, в то же время, да и спустя некоторый срок. Вторая координата – сравнение с тем, что происходило в истории страны и происходит в современной России. Такой подход навеян пословицей, широко используемой русским народом о бревне и соломинке. Очень хоте-

лось бы, чтобы как защитники, так и противники Сталина, хотя бы изредка обращались к истории подобных явлений и почаще оглядывались на окружающий их мир, не забывая, что он очень разнообразен, в нем присутствует и черное, и белое, и смесь из этих цветов.

Не будучи наивным, к этому уже и возраст не располагает, я не надеюсь на то, что многие будут читать книгу. Ну, понятно прочтет автор, редактор, возможно двое-трое родственников и друзей. Вся надежда на то, что пройдет время поголовного увлечения интернетом с его неограниченными соблазнами и, быть может, снова обратятся к бумажным носителям информации. Тогда и понадобится эта книга.

Добавлю еще два фрагмента к настоящему предисловию.

Первое. Хотелось бы высказать искреннюю благодарность д.э.н., профессору А.Е. Ивановой и д.ф.н., профессору И.Б. Орловой за высказанные замечания и пожелания на стадии подготовки этой книги, а также генералу полиции А.П. Калининну за помощь, оказанную в получении отсутствующей в публикациях информации по тематике этой книги.

Второе. Тех, кто, возможно, прочитает предлагаемую книгу, независимо от того, согласится ли он с её концепцией или отвергнет, я отсылаю к приводимому ниже изречению античного оратора:

«Feci quod potui, feciant meliora potentes» – «сделал, что смог, пусть сделает лучше, кто сможет». (Третья Олинфская речь Демосфена).

ВВЕДЕНИЕ

75 лет назад с середины 1937 года в России, как и во всех остальных частях нашей, в то далекое время необъятной родины, – Советском Союзе, наступил многомесячный период репрессий правящего режима против собственного народа. Подобные кровавые страницы в отечественной истории были и до, и после рассматриваемого периода. Но эти месяцы несравнимы с другими ни по своим масштабам, ни по охвату различных слоев общества, ни по жестокости осуществления репрессий. Если рассматривать сообщества людей, состоящих в родстве и свойстве, то, по сути, во всех из них без исключения, включая и сообщества людей, близких к вождю, да и в сообществе самого Сталина, можно обнаружить хотя бы одного-двух репрессированных, а возможно и расстрелянных. Это было время массовой вакханалии, когда одни наслаждались муками других, часто вскоре становясь на их место.

Обо всем этом много написано и сказано. Тем не менее, и до настоящего времени остается еще много неизвестного и недосказанного о драматических событиях 1937–1938 годов, хотя уже накануне развала СССР стали известны извлеченные российскими учеными из некогда недоступных для них архивов, многие реальные факты и цифры (те же факты, только выраженные количественно) о событиях того одновременно далекого и близкого времени. О том, каково было тем, кто попадал в жернова Молоха, жутко и правдиво написано лично прошедшими сталинские лагеря: генералом А.В. Горбатовым, артистом Г.С. Жженовым, писателем В. Шаламовым и другими.

Наряду с объективной информацией о событиях 30-х годов, как и воспоминаниями тех, кто прошел сталинские лагеря в то или более позднее время, в конце 80-х – начале 90-х годов, а порой и раньше, появилось огромное количество фантастических легенд и просто вымыслов об этих трагических страницах нашей истории. Именно поэтому любая попытка докопаться до правды не должна осуждаться ни теми, кто хотел бы скрыть истинные размеры репрессий, ни теми, кто эти размеры раздувает до невероятных масштабов. У каждой из этих сторон своя, правда, а потому она – не вся правда, и не только – правда. К сожалению, правда – всегда односторонняя. Чтобы устранить неправду, надо продолжить поиск засекреченных когда-то сведений о репрессиях и одновременно бороться с неистребимым желанием тех, кто стремится любой ценой опорочить вместе с репрессиями и то время, в которое мы или наши родители жили и укрепляли государство, устоявшее перед непобедимыми до того фашистскими полчищами. Гунны не смогли сокрушить третий Рим, его развалили дети и внуки тех, кто создавал советскую власть и в полной мере пользовался ее плодами.

Обычно те, кто обличает сталинизм, часто вместе с этим «выплескивают» и все то, что было создано и достигнуто в советский период, хотя многим из него пользуются и в настоящее время. Более того, они тех, кто пытается реально представить события того времени, относят к защитникам сталинизма, чуть ли не его подельниками. Но объективно представить или выразить симпатию к режиму – это «две большие разницы». Для меня не стоит вопрос о том, нравится или не нравится мне режим Сталина, я жил при нем, и тогда было свое мироощущение, ныне – оно иное. Но суть не в этом, а в том, что при написании книги о минувших событиях, даже о трагедии народа, все равно надо оставаться вне эмоций и стараться быть объективным. Это не политика, даже не искусство, это – наука.

Продолжим. Больше всего фантазии, нет, не фантазии, а откровенной лжи высказано относительно масштабов загубленных жизней в годы великого террора. Но зачем преувеличивать цифры

репрессий, когда они и без того страшны. Чтобы вынести приговор истории тем, кто развязал и осуществлял террор, часто становясь его жертвой, не нужны преувеличения. Не нужны завышения масштабов репрессий и за счет людских потерь в годы Великой Отечественной войны. Подобное – не наша выдумка. В 1989 г. на коллегии ЦСУ СССР во время обсуждения масштабов людских потерь в 1941–1945 гг. представителями научного подразделения указанного ведомства были предприняты попытки снизить потери в войне с тем, чтобы их масштабнее представить в годы Великого террора. Это завышение жертв репрессий тем самым уменьшило бы потери, вызванные кровопролитной, длившейся 46 месяцев, войной и педантичным уничтожением нацистами на оккупированных территориях гражданского населения. Гитлеровцы, чтобы очистить жизненные пространства, планировали ликвидировать 46–51 млн. русских и другого славянского населения. Успели погубить только 27 млн. советских граждан, да еще 4–5 млн. поляков, сербов, чехов и других представителей западнославянских народов.

Благодаря решительному сопротивлению со стороны АН СССР, эта попытка занизить военные потери с тем, чтобы облегчить преувеличение масштабов репрессий, не удалась. Конечно, злодеяния Сталина и его окружения в отношении собственного народа чудовищны. Но сравнивать людские потери, вызванные репрессиями, с тем, что нацистами было уготовано советскому народу, можно лишь патологически ненавидя все то значительное, что было создано несколькими поколениями советских людей.

Добавим, что в основе попыток преувеличить объемы репрессий за счет преуменьшения масштабов гибели советских людей в годы войны лежит, скорее всего, не осознанное теми, кто это делал, пресловутое положение, высказанное еще в июне 1941 г. У. Черчиллем о том, что «нацистский режим неотличим от худших черт коммунизма». Разделяющие в России это положение, а они пишут и издают книги, вольно или невольно обеляют Гитлера и его режим, погубивший в годы Второй мировой войны только в Европе

свыше 43 млн. человеческих жизней, из которых на долю Советского Союза пришлось более 60%.

Наслушавшись и начитавшись небылиц о том, что в 30-е годы было расстреляно 20 и более миллионов человек, у автора появилось желание присоединиться к тем, кто защищает нашу историю с ее трагедиями и радостями, поражениями и победами, не скрывая то, что было и, не сочиняя того, чего не было. Работа в своем большинстве не оригинальна, т.к. очень немного можно добавить к тому, что уже сделано В.Н. Земсковым, А.Н. Дугиным и И.В. Пыхаловым, С.А. Кропачевым, А.Н. Голенковым, Н.Г. Охотиным, А.Б. Рогинским, В.П. Поповым, О.В. Хлевнюком, В.З. Роговиным, С.Г. Карамурзой, В.В. Луневым и рядом других авторов, в работах которых можно найти информацию, характеризующую различные аспекты, относящиеся к репрессиям тридцатых годов.

В дополнение к работам указанных да и других авторов, нами предпринята попытка представить весь спектр причин, повлекших репрессии не во все времена советского строя, а лишь в середине 30-х годов XX столетия, высказать собственное представление о роли Сталина, дать более или менее близкую к реальной оценку смертности заключенных (приводимые сравнения смертности заключенных с остальным населением далеки от истины). Понимая всю сложность, тем не менее, предпринята попытка распределить всех репрессированных на виновных и невинных. Одновременно нами вводится в научный оборот дополнительная информация о социальной, возрастной и этнической структуре заключенных в тридцатые годы, предоставленная Главным вычислительным центром МВД РФ. Эта информация, а также годовые сведения о количестве репрессированных и смертности заключенных, обнародованные в работах В.Н. Земскова, И.В. Пыхалова, В.В. Лунева и др., приведены в приложениях 1 и 2.

Еще раз подчеркну, что, будучи гражданином России и только России, я не мог не высказать свою точку зрения относительно тех фальсификаций русской истории, которые в связи с безудержной и

безответственной погоней СМИ за сенсациями, наводнили все информационное пространство. Я не уверен, что кто-то, прочитав работу, изменит свои взгляды. Взгляды – это такая атрибутика человека, которую он приобретает на этом свете и, как правило, с ними же его и покидает. Пусть книга останется для тех, кто через много лет, когда пройдет угар периода «бури и натиска», осядет пыль спекуляций и преувеличений, будет восстанавливать «Историю государства Российского от Гостомысла ...» до наших времен.

Глава 1

ДОМЫСЛЫ И ВЫМЫСЛЫ О МАСШТАБАХ РЕПРЕССИЙ В СССР

Много лет в советский период информация обо всем, что происходило в стране, становилась доступной в двух случаях: во-первых, если она была об успехах социалистического строительства, будь то ввод в эксплуатацию нового производства, рекордный надой молока, достижения СССР на международной арене, выступление советского балета, победа наших хоккеистов. К этой группе информации, бесспорно, относились и сведения о деятельности руководителей партии и государства: безудержное восхваление гениальных поступков и выступлений вождя всех времен и народов Сталина, потом, то же самое – относительно продолжателей дела строительства коммунизма: Хрущева и Брежнева, скоротечных вождей я опускаю.

Кроме того, существовала информация о том, что не очень то украшало нашу страну. Такие сведения были предельно дозированы и идеологически препарированы. За этим зорко следили многие организации, в числе которых позабытый в современной России Главлит. Обо всем остальном не только ни слова в СМИ, но и не безопасно было, по крайней мере, в плане карьеры, говорить и думать вслух.

По многим другим вопросам, в частности по репрессиям 1937–1938 годов, как впрочем, и остальных лет, по людским потерям в годы Великой отечественной войны (об этом разрешалось высказываться только руководителям государства), а с 1976 г. – и

по большинству аспектов демографической жизни страны (о числе рожденных мальчиков, о смертности, о миграции и пр.) в печать не просачивалось никаких сведений. Поэтому не только западные советологи, но и отечественные ученые в своем большинстве строили догадки о событиях, происходивших в СССР и получавших гриф «секретности» или «для служебного пользования». Приводимые на Западе цифры всегда были хуже, чем на самом деле, т.к. было хорошим тоном ругать советскую власть и преувеличивать негативные оценки её деятельности.

С конца 80-х – начала 90-х годов на смену сокрытию информации по столь болезненной для общества проблеме, как политические репрессии, пришли либо редкие попытки доказать с помощью архивных данных, какое на самом деле число граждан страны было репрессировано, либо массовое тиражирование выдумок о немыслимых масштабах политического террора в СССР. Эти домыслы, в основном, опирались на зарубежные мифы, дополняемые собственным восприятием этой проблемы, сложившимся часто из рассказов близких, знакомых и тех сенсаций, которыми в начале 90-х годов были забиты почти все российские СМИ. Естественно, приводимые цифры, во много раз преувеличивали и без того значительные масштабы трагедии 1937–1938 годов.

После того, как рухнул «колосс на глиняных ногах», благодаря гласности, этого единственного достижения горбачевской перестройки (что она предполагала, до сих остается неясным) в дело включились молчавшие до того российские ученые, писатели, партийные деятели и т.д. Они, словно соревнуясь друг с другом, спешили удивить вчерашних советских людей чудовищными небылицами о репрессиях в прежние годы вообще и в сталинский период, в особенности. Драматург С.С. Говорухин очень точно определил это явление: не «не могу молчать, а разрешили говорить». Многие среди них – это пострадавшая в тридцатые годы элита, жившая неплохо и в советское время, пользуясь, до того как её накрыли репрессии, наибольшими благами в нищей стране. По словам

С.Г. Кара-Мурзы в то время на политической арене большую роль стали играть родственники, и даже сыновья погибших политиков. (42). Они-то свою обиду, вполне обоснованную, и выплеснули на страницы газет и журналов, а также различных каналов телевидения, которое в те годы показало, какая профессия на самом деле самая древняя.

Кто только не приложил руку, нет, не руку, а не контролируемый ничем язык, к созданию очередных вымыслов о репрессиях 1937–1938 годов, репрессиях сталинского времени, более того, репрессиях всего советского периода, часто утверждая при этом, что социализм – это чуть ли, не исчадие ада. Хотелось бы сразу заступиться за социализм.

Социалистическая идея – высшее достижение человеческого разума. Она не умерла вместе с распадом СССР. Её просто опозорили бездарные борцы за дело коммунизма от Хрущева до Горбачева, причем, если первый пытался увлечь народ обещанием к 1980 г. построить коммунизм (не «удалось», был свергнут Брежневым, при котором главная задача сводилась к тому, что «экономика должна быть экономной»), то второй пообещал всем отдельные квартиры к 2000 г. и построить «социализм с человеческим лицом», хотя при нем полки магазинов стали напоминать леса вокруг брошенной стройки, такие же пустые и безлюдные. Все ж таки, надо уметь, чтобы довести богатую, нефтедолларовую страну до безденежья и как следствие – до голодной черты. Но вернемся к нашей теме.

Вслед за западными советологами в оценку масштабов репрессированных включилось огромное число «отечественных» специалистов и «очевидцев», размышляющих, точнее измышляющих на эту конъюнктурную, но очень выгодную в те годы тему. Среди них и журналисты, и писатели, и ученые, и партийные функционеры, и члены их семей и т.д. Это сообщество лиц с разными судьбами и профессиями, заговорившее о политических репрессиях, условно можно распределить вместе с западными советологами на четыре группы.

Первую группу, раньше всех сделавших оценки масштабов политических репрессиях в СССР, составляют зарубежные ученые, политики и наши бывшие граждане, покинувшие по разным причинам Советский Союз и оказавшиеся на Западе. Им принадлежит пальма первенства в распространении небылиц. Видимо, первые, по крайней мере, известные легенды о масштабах репрессий принадлежат бывшему советскому дипломату в Греции А. Бармину, эмигрировавшему на Запад, где позже стал сотрудником спецслужб США. В изданной в 1945 г. в Нью-Йорке работе он утверждал, что в концентрационных лагерях СССР содержится 12 млн. человек (80).

За публикацией А. Бармина последовало выступление Элеоноры Рузвельт, вдовы одного из выдающихся президентов США Франклина Д. Рузвельта. Уже в 1950 г. с ее легкой, но не профессиональной и, к тому же, политизированной руки, на одной из сессий ООН прозвучала круглая цифра репрессированных, прошедших через ГУЛАГ, в 20 млн. человек (22). Цифра 20 миллионов зачаровывает каждого, кто к ней прикоснется. Вспомнить, хотя бы, тоже заколдованную цифру людских потерь СССР в годы войны в 20 млн. человек, продержавшуюся почти 30 лет в период Н.С. Хрущева – Л.И. Брежнева.

В конце 60-х годов Р. Конквест – англо-американский советолог, автор книги «Большой террор», которая так нравится российским фальсификаторам, утверждал, что к концу 1939 г. в тюрьмах и концентрационных лагерях число заключенных достигало 9 млн. человек. Это, как правильно подметил С.Г. Кара-Мурза, пятикратное превышение реальных цифр. Р. Конквест фантастически преувеличивал многие потери СССР, в т.ч. и в годы голода. По его оценкам только в Украине погибло 20% сельского населения, т.е. до 5 млн. человек (46, с.194). Учитывая английское происхождение этого автора, следует заметить, что исправительно-трудовые учреждения Гулага и концентрационные лагеря – это не одно и то же. Но главное не в этом даже, а в том, что концентрационные лагеря – это не детище со-

ветской власти и даже не фашистской Германии. Они возникли во время Второй англо-бурской войны (1899–1902 гг.). Тогда англичане впервые создали на земле буров концентрационные лагеря, в которых погибло около 30 тысяч бурских женщин и детей, а также неустановленное количество черных африканцев (102).

Другой автор, американский историк С. Коэн, по его словам, после разговора о репрессиях в СССР с Р. Конквестом во время выгула последним собаки, а также чтения книги А. Солженицына «Архипелаг Гулаг» и бесед с бывшими узниками лагерей, в первую очередь с вдовой Н.И.Бухарина, пришел к заключению, что к концу 1939 г. число заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях выросло до 9 млн. человек по сравнению с 5 млн. в 1933–1935 гг. (28, с.10). Опять концентрационные лагеря, которые, кстати, огораживаются колючей проволокой, придуманной в 1874 г. отнюдь не специалистами из ГУЛАГа, а соотечественниками С. Коэна, которые стали её широко применять с конца XIX века. (102).

В 1990 г. на страницах, весьма правоверных в советское время «Аргументов и фактов», были опубликованы «Три цифры» И. Курганова. Под этим псевдонимом значился И.А. Кошкин, перешедший в 1942 г. на сторону фашистов и после войны перебравшийся в США. Курганов – это бывший советский доктор экономических наук по финансовой проблематике (заметим, что в то время в стране было немного докторов наук, тем более по экономическим наукам). Этот специалист по бухгалтерскому учету подсчитал, что общие людские потери СССР составили 110,7 млн. человек. Из них на войну приходится с учетом падения рождаемости 44 млн., остальные потери 66,7 – на годы гражданской войны и репрессий. Согласно оценкам И. Курганова с 1917 г. по 1959 г. (без военных потерь) только от голода и в лагерях погибло 55 млн. советских людей.

Наконец, предавший свою родину бывший офицер-разведчик Резун, скрывающийся под псевдонимом Суворов, пишет в одной из наводнивших в 90-е годы книжные прилавки России книжке, что в Дальстрой (в основном территория нынешней Магаданской области)

ежегодно завозили по 400–500 тыс. заключенных, но из-за высокой смертности их общее количество никогда не превышало 2–3 млн. (88). Во всем ГУЛАГе во все годы заключенных было меньше, чем в суворовском Дальстрое. Население Магаданской области вместе с Чукотским АО и в тридцатые годы и много позже не превышало 500 тыс. человек. В Севвостлаге (название Дальстрой появилось позже) на начало 1939 г., т.е. после двух лет разгула репрессий было всего 138,2 тыс. чел. (74, с.13). Во всех исправительно-трудовых лагерях Дальнего Востока, включая и Бамлаг, было менее 500 тыс. заключенных. Бедный Резун, то бишь Суворов, ему не дают покоя лавры классика лжи Геббельса, говорившего, что чем больше ложь, тем легче в нее поверят.

Было бы неправильно утверждать, что все зарубежные советологи завышали сведения о людских потерях Советского Союза, в том числе и от репрессий. Как отмечает В.Н. Земсков, среди зарубежных специалистов по истории СССР встречаются и объективные, добросовестные авторы, являющиеся, кстати, гражданами разных стран. Крупные специалисты по советской истории С. Виткрофт (Австралия), Р. Дэвис (Великобритания), Г. Риттершпорн (Франция) и ряд других, подвергли критике исследования большинства советологов и показали, что число жертв репрессий, голода и т.д. было значительно меньше (29, 30).

Вторую группу составляют отечественные ученые. Ряд российских историков с наступлением гласности ринулись соревноваться с западными коллегами в оценках масштабов репрессий. Один из них Я. Этингер утверждал, что «по некоторым оценкам» в лагерях находилось 3,5 млн. крестьян, что составляло 70% всех заключенных (33). Значит по Я. Этингеру, разделив абсолютное число на 0,7, окажется, что всех заключенных было 5,2–5,3 млн. Известные социологи Л. Гордон и Э. Клопов, проведя, «как им кажется, несложные демографические подсчеты», получили, что с 1927 по 1936 гг. от репрессий и голода потери составили 10–15 млн. человек (15, с.30). Ну и точность, разница 5 млн.! Кандидат философских наук В.А. Ча-

ликова, её отец погиб в карагандинских лагерях, считает, что в ГУЛАГе в 1937–1950 гг. находилось 8–12 млн. (28, с. 10).

Особо фантастичные данные о людских потерях СССР приводятся Ф. Шипуновым. Он пишет, что в 1913 г. был сделан прогноз, согласно которому население страны к 1985 г. должно было составить 400 млн., а его оказалось 280 млн. Сопоставляя эти цифры, он заключает, что недостает 120 млн. человек (107, с. 125). Здесь все неверно, кроме арифметического действия – вычитания. Слава богу, советская школа уже в первых классах давала знания по арифметике. Дело в том, что любые демографические прогнозы не сбываются, более того, для такого периода времени они бесполезны для стран, где не завершился еще демографический переход.

Выдающийся советский статистик и демограф А.Я. Боярский говорил, что место всех прогнозов населения на кладбище. Добавим, что в начале 20-х годов С.Г. Струмилин сделал прогноз на конец тридцатых годов. Его прогноз почти совпал с реальностью, невзирая на то, что в этот период была проведена коллективизация, унесшая жизнь сотням тысяч, если не миллионам крестьян, не меньше скопил голод начала тридцатых годов, затем репрессии и пр. Академик явно этого не предполагал. Совпадение же явилось случайностью именно потому, что все, что произошло в период после 1920 г., не могло никому даже присниться. В то время Сталин был еще никем. А вообще-то прогноз – это всего лишь метод предвидения того, что может произойти при осуществлении определенных условий, которые как, правило, не совпадают с теми, которые приняты в гипотезах. Далее Ф. Шипунов, любитель демографических прогнозов, утверждал, что в лагерях и ссылках погибло не менее 11–12 млн. крестьян и казаков и еще 7 млн. от голода (107, с.124). В том же 1990 г., но уже в другом журнале «Наш Север» также в третьем номере Ф. Шипунов пишет, что число погибших крестьян и казаков в лагерях, поселениях и в пути было не менее 11–12 млн. человек.

Участие в соревновании с теми, кто предложит более фантастическую цифру о репрессиях, принял и модный в годы перестройки

ярый её активист Рой Медведев. В 1988 г., прикрываясь авторитетом Народного депутата СССР, этот историк писал: «В 1937–38 гг. по моим подсчетам было репрессировано от 5 до 7 миллионов человек... Большинство арестованных оказалось в исправительно-трудовых лагерях, густая сеть которых покрыла всю страну» (28, с.10). «По подсчетам» этого борца со сталинизмом за период 1927–1953 гг. было репрессировано около 40 млн. человек, включая раскулаченных, депортированных, умерших от голода в 1933 г. и др. (56). В.Н. Земсков по поводу этой фантастической цифры замечает, что такого количества не получится даже при самом расширительном толковании понятия «жертвы репрессий». Не останавливаясь «на достигнутом», Р. Медведев в книге «О Сталине и сталинизме» утверждает, что в 1936–38 гг. было арестовано не менее 5 млн. человек (55, с.405). Такие выкладки, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, следует считать «хладнокровными идеологическими акциями, маленькими эпизодами психологической войны против СССР» (42).

Историк В.П. Попов определил число осужденных в 1923–1953 гг. в размере не менее 40 млн. человек. По его мнению, оценка «весьма приближительна и сильно занижена, но вполне отражает масштабы репрессивной государственной политики...». Он, не скрывает, что включил в состав репрессированных не только политических, но и уголовных, что видимо, он сделал для усиления эффекта (4).

Свою лепту в оценку масштабов репрессированных внес и известный демограф А. Вишневский, утверждающий, что общее число граждан СССР, подвергшихся репрессиям в виде лишения или значительного ограничения свободы на более или менее длительные сроки с конца 1920-х по 1953 г., составило не менее 25–30 млн. человек (8). Демография – сравнительно точная наука, но какое имеет значение, что количество репрессированных на 5 млн. больше или меньше. Далее по подсчетам А. Вишневского, делающего ссылку на В.И. Земскова, за 1934–1947 гг. в лагеря поступило (за вычетом возвращенных из бегов) 10,2 млн. человек. Но в работах

В.И. Земсков речь идет о движении лагерного контингента, в частности, о переводах заключенных из тюрем и других исправительных учреждений, но отнюдь не только о вновь поступивших (6).

В. Эрлихман в опубликованном справочнике утверждает, что в 1935–1941 гг. было казнено 1 млн. человек и заключено в тюрьмы и лагеря 5,5 млн., из которых погибло 2,5 млн., выслано 1,5 млн., из них погибло 350 тыс. (111, с.19). Откуда он извлек эти почти 4 млн. погибших, остается загадкой в предлагаемом «так называемом справочнике». Не дай бог им пользоваться. Наконец, Н.Г. Охотин и А.Б. Рогинский, сделавшие благое дело: они собрали и опубликовали почти полное «собрание сочинений», включающее постановления политбюро ЦК ВКП(б), приказы и другие директивы НКВД, относящиеся к регулированию численности, состава и процедур репрессирования, не удержались при этом от преувеличений масштабов репрессий, проводимых органами госбезопасности. Они утверждают, что «...с небольшими погрешностями, число репрессированных в период с 1921 по 1953 год составит около 5,5 млн. человек», а с депортированными, умершими от искусственного голода, и т.д., а также с теми детьми, которые не родились у репрессированных родителей, число жертв возрастет на порядок (4). Но, если на порядок, то это означает, что надо знак перенести и тогда будет не 5,5, а 55 млн.!! Такова математика.

Третья группа включает писателей, журналистов и представителей свободных профессий. Прежде всего, свою лепту в извращение русской истории внесли писатели, причем наиболее весомый вклад оказался у автора «Архипелага ГУЛАГ». Опираясь на воспоминания и свои наблюдения, он утверждал, что с 1917 г. по 1959 г. без военных потерь и дефицита от пониженной рождаемости только от террористического уничтожения, подавлений, голода и повышенной смертности в лагерях погибло 55 млн. человек. Еще задолго до развала СССР в 1976 г. А.И. Солженицын в интервью испанскому телевидению, ссылаясь на уже упоминавшегося Курганова, заявил, что этот профессор косвенным путем подсчитал,

что с 1917 года по 1959 г. советский режим уничтожил голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами 66 млн. человек. Кроме того, во Второй мировой войне режим погубил еще 44 млн. человек. «Итак, – резюмирует этот инженер человеческих душ, – всего мы потеряли от социалистического строя 110 миллионов человек!» (85). А.И. Солженицын предлагает и цифру, относящуюся непосредственно к нашей теме. Давая оценку численности заключенных, он пишет: «...на самом деле сидело лишь двенадцать-пятнадцать миллионов» (67, с.109). Очень доверительно и достоверно выглядит – не 20–40 млн., а всего 12–15 млн.!! Обстоятельная критика измышлений несостоявшегося пророка о жертвах социалистического строя дана в ряде публикаций. Отошлем в первую очередь к работам В.Н. Земскова, С.Г. Кара-Мурзы и др.

Вслед за А. Солженицыным с его непростой судьбой, А. Рыбаков в романе «Тридцать пятый и другие годы» утверждает, что умерших от голода, погибших в ходе раскулачивания и снижения рождаемости было 13 млн. Есть и другая цифра. В указанном романе устами героя автор сообщает, что в 30–40 годы в результате репрессий и коллективизации погибло не менее (опять магическое число) 20 млн. (24). Писательница В. Чистякова в статье «Архивный юноша» сообщает, что в течение 1936–1950-х годов в лагерях находилось 8–12 млн. человек (этакая точность, 4 млн. больше, 4 млн. меньше). За 14 лет в лагерях умерло 12 млн. и добавляет, что смертность была 10%. Значит, согласно фантазии этой дамы, в лагерях в тот период было 120 млн. человек, 10% от которых и есть 12 млн. (остальные, в основном дети, и писатели их охраняли!). Это, если смертность в 10% рассчитана ею для одного года. Но, если она исчислена на весь период, то смертность в расчете на один год составит 0,6–0,7% (6–7 промилле), а это намного меньше, чем у свободного населения, из которого в расчете на каждую тысячу в те годы умирало 10–20 человек (64). Резюме В. Чистяковой: в 30–40-е годы умерших от голода и расстрелянных было не менее, чем 20 млн. человек. Опять роковое число. Меньшую цифру и уже

не расстрелянных, а только заключенных, дает писатель Ю. Домбровский. В романе «Факультет ненужных вещей» в 1937–1938 гг. число заключенных по его «самым скромным подсчетам» превышало 10 млн. (23).

В нагромождении небылиц от писателей не отставали и их собратья по перу – журналисты и соответственно те печатные органы, для которых предназначались их выдумки. Так, одна из самых безобидных публикаций появилась в «Литературной газете» в октябре 1988 г. В ней Г. Бордюков и В. Козлов утверждали, что число арестованных за контрреволюционную деятельность в 1937 г. было в 10 раз больше, чем в 1936 г. (49). Забегая вперед, заметим, что в 1937 г. точно число осужденных было больше чем в 1936 г., но не в 10 раз, а по данным В.П. Попова всего в 2,9 раза (73) или 6,9 раза, если верить В.В. Луневу (51). В действительности же в 1936 г. было репрессировано 274,7 тыс. человек и в 1937 г. – 790,7 тыс. (74).

В «Вечерней Москве» журналист А. Мильчаков дал также волю своей фантазии. Он приводит цифру погибших от репрессий, равную 50–60 млн., и при этом, ссылаясь на писателя А.И. Солженицына, литературоведа И. Виноградова и исследования американских советологов, добавляет, что у них у всех такая цифра и «я в ней глубоко убежден» (5). Дальше – больше. В 1991 г. в «Литературной России» О. Платонов заявляет, что в 1918–1955 гг. не своей смертью погибло 87 млн. человек, в т.ч. от репрессий – 48 млн. (48). С некоторым запозданием в 1996 г. журналист Ю. Феофанов пишет о том, что только в 30-е годы от репрессий погибло 16–20 млн. (35). В хоре, распространявшем небылицы, участвуют все ведущие советские, а затем российские газеты и журналы: Дружба народов и Новый мир, Литературная Россия и Литературная газета, Известия и Комсомольская правда, Вечерняя Москва и Московские новости и т.д. и т.п. Газеты и журналы не были одиноки. Как отмечает В.Н. Земсков, вымыслы о масштабах репрессированных сообщаются дикторами радио, телевидения и т.д. Так, в «Новостях» 5 марта 1992 г. названа цифра репрессированных в 19,8 млн., из которых

7 млн. расстреляно, как «безусловно установленный факт». Эти сведения тот, кто готовил материал, взял, не раздумывая, из высказываний О. Шатуновской (см. ниже). Наконец, уже в самое последнее время в Википедии в статье «Сталин» утверждается, что в результате сталинских репрессий было арестовано около 20 млн. человек и около 7 млн. расстреляно. Ох уж эти 20 млн.!

Четвертую группу составляют руководящие в советское время деятели и их дети. Участие в создании вымыслов о количестве репрессированных приняли участие и партийные функционеры: от бывшего в первое послесталинское десятилетие лидера коммунистической партии Н. Хрущева до пострадавшей от репрессий, будучи делегатом 17 съезда и к своему несчастью членом счетной комиссии, О. Шатуновской. Первый завышал цифры репрессированных до 10 млн. человек, чтобы усилить эффект в разоблачении «культа личности». Это он делал, по словам В.Н. Земскова, чтобы помасштабнее представить собственную роль освободителя жертв сталинского режима (28).

Бывший партийный функционер О. Шатуновская, которая была членом Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и Комиссии по расследованию убийства С.М. Кирова и политических судебных процессов 30-х годов, выплескивая личную обиду на случившееся, перехлестнула самого Никиту Сергеевича. О.Г. Шатуновская, будучи деятелем КПСС весьма высокого ранга, говорит о ней С.Г. Карамурза, сознательно преувеличивала масштабы репрессий более чем в 10 раз (42). Она утверждала, что с начала 1935 года вплоть до начала войны, т.е. по 22 июня 1941 г., было арестовано 19840 тыс. (опять те же 20 млн.) «врагов народа», из которых 7 млн. было расстреляно, а большинство остальных погибло в лагерях. Это якобы взято из документа КГБ для Комиссии партийного контроля (108). В действительности, как пишет, опираясь на архивные данные, В.Н. Земсков, в 1935–1941 г. за контрреволюционную деятельность и другие государственные преступления было осуждено 2,1 млн. человек из которых 696,3 тыс. приговорены к высшей мере наказания (30).

Наконец нельзя обойти и данные председателя комиссии по реабилитации, одного из главных прорабов перестройки А. Яковлева. В своей книге «Омут памяти от Столыпина до Путина» он высказал все наболевшее на душе (112). Он, будучи вначале крупным партийным и советским функционером, а потом даже секретарем и членом политбюро ЦК КПСС, все это время «мучился», скрывая свои взгляды. С началом перестройки он разговорился. По словам А. Яковлева политическим репрессиям в СССР подверглись более 20 млн. человек (93). В другом месте он утверждает, что жертвами репрессий в стране стали 13 млн. человек. Наконец в упомянутой выше книге он пишет, что от бесконечных гражданских войн и в войнах с соседями (все-таки большевики – злые люди, не могли жить без войн) страна потеряла 60 млн. человек. Явно опираясь на это положение, журналист-эмигрант из СССР В. Снитковский пишет, что советская история – это непрерывная цепь репрессий и войн, включая Гражданскую и Великую отечественную войну, борьбу с басмачами и пр. (86). Но отбросим потери в войне 1941–1945 гг., которую опять же, по словам выше-названного Резуна – Суворова, развязал Советский Союз. Тогда на долю репрессий останется 33 млн. человек.

К партийным функционерам примыкает еще одна категория специалистов по оценке величины потерь от репрессий. Это дети бывших высокопоставленных родителей. Можно понять такого из них, как сын легендарного А.В. Антонова-Овсеенко. Сын «врага народа» был также репрессирован после ареста отца. В книге «Портрет тирана», изданной в 1994 г., он пишет, что в лагерях в 1938 г. содержалось 16 млн. человек. Повторяя домыслы О. Шатуновской, он заявляет, что с 1935 по 1940 гг. было арестовано 19 млн. 840 тыс. человек, из которых расстреляны 7 млн. (1). С сыном Антонова-Овсеенко все понятно. Но зачем сыну благополучного члена политбюро, который «прожил жизнь от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича», представителю талантливой клана – Сергею Микояну повторять вымыслы отца, взятые из его мемуаров, о

том, что с начала 1935 по 22 июня 1941 г. было репрессировано 20 млн. (68, с.30). Это, скорее всего, также повторение утверждений О. Шатуновской, поскольку и здесь делается ссылка на материалы, представленные КГБ в Комиссию партийного контроля. Возможно, источником в обоих случаях была одна и та же недобросовестно подготовленная записка КГБ в КПК при ЦК КПСС, допуск к которой был и у А.И. Микояна и у О. Шатуновской.

Что является общим для всех этих оценок масштабов репрессий? Если даже авторы искреннее верили тому, что говорили, то все они существенно завышали размеры репрессий. В этой связи С. Максудов очень тонко подметил, что люди свыклись с огромными потерями, и если их величина меньше миллиона, то считают такие потери незначительными. Вот все их и завышают, чтобы не просто напугать, а напугать, как следует.

Вообще то, когда предлагаются оценки людских потерь от тех или иных событий, будь то репрессии, голод, война и пр., всегда эти потери надо соизмерять с тем населением, для которого они делаются. Население Советского Союза в 1920 г. составляло 136,8 млн. человек, в 1926 г. согласно переписи оно увеличилось до 147 млн. и по данным «расстрельной» переписи населения в 1937 г. – достигло 162 млн. человек. В 1926 г. мужчин было среди всего населения 71 млн., а в нем численность лиц в возрасте от 20 до 60 лет – менее 34 млн. (109, с.22). Это та категория населения, которая в наибольшей мере подвергалась репрессиям. Если бы действительно из этого контингента было расстреляно не 30–40, а хотя бы 20 млн. человек, то каково стало бы оставшимся 14 млн. управляться в экономической, оборонной, воспроизводственной и иных сферах?

Отдельно от авторов всех четырех групп, завышающих истинные масштабы репрессий в СССР вообще и в роковые 1937–1938 годы, в особенности следует остановиться на одной из речей В.В. Путина. Он, будучи в 2011 г. еще Председателем российского Правительства, выступая перед участниками инновационного форума «Селигер 2011», давая оценку тоталитарному режиму, види-

мо, увлекся и сказал: «Конечно, за период сталинизма миллионы людей погибли в лагерях, это ужасно». Раньше, в советские годы для доказательства того или иного положения, для безбоязненного использования той или иной цифры не было ничего «круче» ссылок на выступления и труды вождей. Это были самые сильные аргументы. Кто же возразит, если автор ссылается на гениальное произведение И.В. Сталина, например, на «Экономические проблемы социализма в СССР», или на доклад Генерального секретаря КПСС Л.И. Брежнева на очередном Пленуме партии. К сожалению, мы еще не выкорчевали из себя оглядки на вождей, и потому в новых российских условиях руководители государства должны очень осторожно обращаться с теми фактами, по которым в обществе и среди ученых нет единодушного согласия. Это же относится и к цифрам, которые, как и факты – упрямая вещь.

В.Н. Земсков одним из первых исчерпывающе точно определил цену навязываемым обществу зарубежным и отечественным публикациям, посвященным репрессиям. По его словам, это надуманные публикации, не соответствующие исторической правде статистические выкладки, расхождения с подлинными цифрами идут у них всегда в сторону резкого завышения (28). Далее. Давая оценку подобным публикациям, В.В. Цаплин подчеркивает, что часто они основаны на воспоминаниях, сомнительных источниках и даже вымыслах (105). Вообще самое неблагодарное дело – брать цифры из воспоминаний, верить мемуарам. Хуже статистиков и экспертов врут только мемуаристы, т.к. их подводит память, и к тому же очень хочется приукрасить и преувеличить собственную роль в рассматриваемых событиях.

Конечно, трудно дать исчерпывающую оценку информации о масштабах репрессированных, тем более за длительный срок. Только правление И. Сталина продолжалось более 30 лет. Эта информация разбросана по многим архивам, не всегда возможен к ней допуск. Получение и обработка информации – это трудное и утомительное дело, которое посилено только профессионалам. От-

сюда часто в современных трудах не только тиражируются ошибки тех далеких 30-х годов, но и создаются новые. Другое дело – дать собственную оценку тому или иному вопросу. Вот пример такой легкости. Основанные, казалось бы, на армейском учете данные о числе репрессированных командиров всех уровней в Красной Армии в 1937–1938 гг. существенно отличаются у разных авторов. Приведем на этот счет подборку цифр, среди создателей которых есть и ряд высокопоставленных авторов (75, 95). Приведем авторов и числа репрессированных в 1937–1938 гг., в тысячах человек: В.Г. Клевцов – 35,2; Д.А. Волкогонов и Д.М. Проэктор – 40,0; В. Снитковский – не менее 32; Н.Г. Павленко – 36,8 (с мая 1937 по сентябрь 1938 г.); А.М. Самсонов – 43,0; Н.М. Романичев – 44,0; Ю.А. Горьков – 48,8; Г.А. Куманев – 50,0; А.Н. Яковлев – 70,0; В.Н. Рапопорт и Ю.А. Геллер – 100,0. Кроме того, Л.А. Кишнер считает, что было репрессировано 50% всего офицерского корпуса, а В.С. Коваль идет дальше всех остальных, безответственно заявляя, что был уничтожен весь офицерский корпус, не задумываясь при этом, а кто же командовал подразделениями разного уровня от взвода до фронта (75). Эти данные относятся к ведомству, где достаточно строго учитывалось движение командного состава: переводы, повышение по службе в Красной Армии и уж точно – арест и осуждение, которые сопровождались снятием с воинского учета.

К приведенным цифрам, собранным И. Пыхаловым, добавим те, что приводит А.Н. Голенков (13). Он использует данные из отчета управления кадров Наркомата Обороны от 5 мая 1940 г., где сказано, что из РККА к тому времени всего выбыло 36,9 тыс., из которых подвергнуты репрессии 9,6 тыс., из них осталось арестованными 8 тыс. и приговорены к высшей мере 70 человек, причем расстреляло из них 17. Часть арестованных была освобождена и восстановлена в армии. Другое дело, что среди расстрелянных оказались 3 из 5 маршалов и другие высокопоставленные командиры, в числе которых 15 командармов 1–2 рангов, 57 комкоров и т.д. (95). Цифры репрессированных в Красной Армии для тех лет при-

водит, сделавший выше перечисленную подборку, И. Пыхалов. Его цифры близки к данным А.И. Голенкова. Так в 1937 г. из армии было уволено 18,7 тыс. человек. До этого в 1935–1936 г. было уволено около 12 тыс., в их числе 11,1 тыс. человек исключенных из партии. В 1938 г. было уволено 4,1 тыс. военнослужащих немецкой, польской и т.д. национальности, а всего 34,8 тыс., т.е. чуть меньше, чем цифра у А.Н. Голенкова. В 1938–1939 гг., не говоря уже о времени начала войны, были восстановлены в армии свыше 10 тыс. командиров РККА. Наконец с ссылкой на архивы Военной коллегии Верховного суда СССР приводятся данные о репрессиях в Красной армии. В 1936 г. от командного до рядового состава было осуждено за контрреволюционные преступления 925 человек, в 1937 г. – 4079, в 1938 г. – 3132, в 1939 г. – 1099 и в 1940 г. – 1603 человека. При этом в 1938 г. к высшей мере были приговорены 52 человека, в 1939 г. – 112 и в 1940 г. – 528 военнослужащих (6). Вот такой широкий диапазон для выбора сведений о репрессиях в Красной армии.

Завершая этот раздел, приведем справедливое утверждение А.Н. Дугина, который заметил еще в начале 90-х годов, что «пришла пора трезвого, взвешенного, лишенного каких-либо политических пристрастий, анализа сложной и противоречивой эпохи 30–50-х годов нашей страны» (25). С началом перестройки всеобщая гласность появилась раньше, чем был открыт доступ к секретной до того информации. Для того чтобы привлечь внимание общества к кровоточащей проблеме, было, по крайней мере, оправдано появление непроверенных сведений, основанных, обычно, на воспоминаниях очевидцев, прошедших через чистилище ада. Но потом, когда стали доступны архивные данные о репрессиях, предлагать оценки, основанные на собственном воображении, это не только не разумно, но и вредно для формирования гражданского общества. Тем более что для того, чтобы сказать правду, не надо рыться во многих противоречивых источниках, достаточно найти несколько работ тех исследователей, которым можно доверять.

Главное – не ошибиться в выборе, звание академика или генерала – еще не гарантирует от ошибки. Я рекомендую тем, кто интересуется проблематикой, связанной с политическими репрессиями, читать и доверять следующим авторам.

Историк В.Н. Земсков стоит на первом месте и по количеству поднятого из архивов материала, и по времени, с которого начаты им исследования. В нашем случае наибольший интерес представляют публикации этого автора в научных журналах, прежде всего, в таких как «Социологические исследования», «Отечественная история» и некоторых других. Достаточно много сведений можно почерпнуть из его публикаций. На основании архивных данных им составлены таблицы, в которых любой непредвзятый читатель найдет информацию о численности заключенных с 1934 по 1953 гг., включая осужденных по политическим причинам; баланс лагерного населения с разделами о поступлении и выбытии контингентов в 1934–1947 гг.; национальный состав заключенных в 1939–1947 гг., их образовательный уровень в 1934–1941 гг., половой состав и многое другое.

Результаты многолетней работы в архивах обобщены в небольшой, но емкой по количеству приводимых документов, работе другого не менее серьезного исследователя А.Н. Дугина. Здесь помимо обстоятельной характеристики всей пенитенциарной системы, ее организационно-правовой эволюции в советские годы, приводится огромный, во многом дополняющий тот, что введен в научный оборот В.И. Земсковым, объем статистической информации о структуре заключенных по различным признакам, их содержании в разных исправительных учреждениях, о смертности и других формах движения лагерного населения. Важно подчеркнуть, что сведения по многим аспектам проблемы приводятся не только для 30–40-х годов, но и захватывают период от 1923 до 1958 гг. По словам А.Н. Дугина, он подверг документы ГУЛАГа критическому анализу и пришел к выводу о их достаточно высокой степени достоверности (25). Нет оснований сомневаться в сказанном.

Можно назвать среди наиболее информативных работы И.В. Пыхалова, В.П. Попова и В.В. Лунева. Правда, авторы, стоящие по разным сторонам баррикады, излишне перегрузили свои публикации политическими пристрастиями. В работе И. Пыхалова, изданной в 2001 г. не в Санкт-Петербурге, а в «Ленинграде», приводятся сведения о заключенных в лагерях НКВД в 30-е, частично в 40-е и 20-е годы, их территориальное распределение, численность заключенных в тюрьмах и колониях, ряд ГУЛАГовских документов. Его труд не менее ценен, чем и работы В.Н. Земскова и А.Н. Дугина. У В.П. Попова и В.В. Лунева читатель найдет сведения о числе репрессированных: у В.П. Попова – с 1921 г по 1953 г. и у В.В. Лунева – с 1918 г. по 1958 г., о структуре приговоров и многом другом. Все эти авторы, занимая разные ниши в политическом спектре, тем не менее, дают достаточно объективные сведения о политических репрессиях.

К числу первопроходцев темы о репрессиях относится В.В. Цаплин, бывший директор ЦГА НХ СССР. Правда его данные для оценки численности погибших и репрессированных в 1937–1939 гг. мало что дают, да и итог погибших в 1927–1936 гг., оцениваемый в 8,6 млн., также сомнителен, уже хотя бы потому, что гибель в лагерях 2,8 млн. человек, сильно преувеличена. Тем не менее, анализируемый им ряд документов тех лет, приводимых в статье, и его расчеты представляют несомненный интерес.

Обоснование причин репрессий, сведения о смертности заключенных, условиях их содержания и много другого материала, относящегося к этому времени, можно найти в работах В.З. Раговина, О.В. Хлевнюка, А.Н. Голенкова, В.Ф. Некрасова, С.Г. Карамурзы и др. Добавим к этому, что в публикациях Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского дана подробнейшая систематизация документов политбюро ЦК ВКП(б) и НКВД СССР, регламентирующих ход репрессий. Этому же посвящены работы С.А. Кропачева и В. Снитковского. В свою очередь в работе М. Джекобсона и М.Б. Смирнова читатель найдет подробнейше повествование о системе ГУЛАГ.

Анализ трудов этих авторов, даже, несмотря на противоречивость ряда приводимых ими данных, позволяет создать целостную картину политического террора 1937–1938 гг.

Резюмируя, заметим, что к настоящему времени опубликовано достаточно авторитетных научных трудов, в которых приводится достоверная документированная информация о масштабах репрессий в Советском Союзе в 30-е и иные годы, и что нет необходимости заменять статистику личными воспоминаниями, они могут лишь дополнять ее эмоциональными фактами. Человек, прошедший через лагеря, тем не менее, не может охватить все многообразие проблемы, как бы трудно ему не было, какие бы муки он не вынес. Но его воспоминания важны для воссоздания атмосферы того времени, о том, как ломались даже честные, сильные люди и становились лже-свидетелями, независимо от того, какими мотивами они руководствовались, о том, как даже в жутких, жестоких лагерных условиях у людей оставалась человечность. Трудно, конечно, пройдя все семь кругов ада, вынеся столь горькую долю, сохранить непредвзятость к той системе, которая сломала столько человеческих жизней, исковеркала судьбы миллионов людей. Тем не менее, чтобы разобраться в преступлениях эпохи, нужна статистика, а не отрывочные воспоминания собственные или знакомых.

В заключение еще раз напомним, всем понятно, что при анализе любого события и явления, а тем более такого сложного и болезненного, как репрессии 30-х годов, чем меньшим количеством информации располагает исследователь, тем больше у него возможностей для воображения и неверных оценок, как уже отмечалось, в сторону завышения. Это завышение численности, причем не просто осужденных, а чаще всего расстрелянных, связано, прежде всего, с отнесением к репрессированным разных групп населения, отличающихся характером мер принуждения. Это относится к депортациям, ссылкам и т.д. В Википедии в статье «Сталинские репрессии» справедливо отмечается, что различия в масштабах репрессий часто связаны с самим определением понятия «репрес-

сии». К жертвам репрессий разные авторы относят следующее: только осуждённые за «контрреволюционные преступления» (преимущественно по 58 статье); все осуждённые органами госбезопасности, а также сосланные на спецпоселения раскулаченные крестьяне, репрессированные народы; жертвы неоправданно жестоких наказаний по некоторым уголовным статьям (прогулы и т.п.); общее число заключённых в лагерях; количество осуждённых судами (включая наказания без лишения свободы). Критерием для включения конкретной категории служит необоснованность применённых репрессий. Суммарные оценки по всем упомянутым категориям составляют 25–30 млн., подвергшихся репрессиям в виде лишения или ограничения свободы на более или менее длительные сроки, и свыше 40 млн. – для менее суровых наказаний. Разница в оценках различными исследователями определяется, таким образом, набором категорий лиц, включаемых в понятие «репрессированный» (6).

Ряд исследователей, давая оценки масштабам репрессий, относят к ним косвенные людские потери, т.е. включают в них тех, кто не родился, якобы из-за того, что определенное количество человек, видимо, репродуктивного возраста, было лишено возможности участвовать в воспроизводстве населения. Такие оценки чисто умозрительны, к тому же среди политических заключённых преобладали люди, как правило, уже выполнившие свои репродуктивные планы. В главе 7 рассматривается половой и возрастной состав заключённых, а в главе 6 – численность жен и детей, подвергшихся репрессиям. Анализ того и другого показывает, что даже если бы удалось определить косвенные потери, то они были бы не велики.

Еще одна группа авторов завышенных цифр просто не признает извлеченные из архивов факты, заменяя их филологией типа «по нашему мнению», «по нашей оценке», «мне рассказывали», «я думаю» и пр. Наконец, есть еще группа, которая умышленно искажает известные факты, давая им собственную интерпретацию, навеянную

или обидой на советскую власть, или нелюбовью к своей родине. О последней мотивации скажем следующее: не любить политический режим и не любить свою родину – это отнюдь не одно и то же. Сделаем по этому поводу небольшое отступление. Для тех, кто жил раньше и живущих ныне в России, она всегда была их Родиной: и при Николае II, и при Сталине, и при Хрущеве, и при Горбачеве, и при Ельцине, да и в настоящее время. В годы Великой Отечественной войны изменниками часто становились не те, кто был обижен советским режимом, а те, кто не любил свою Родину или был трусом, боявшимся за свою шкуру. Бывший царский подполковник, в советское время генерал Д.М. Карбышев, будучи раненым, в бессознательном состоянии был захвачен в плен. Фашисты многократно предлагали ему перейти к ним на службу. Он был негибачем. В феврале 1945 г. в концлагере «Маутхаузен», фашисты облили его водой и заморозили. Другой пример. Царский генерал, один из руководителей белого движения, убежденный враг советской власти И.А. Деникин, рассматривая отдельно Россию и большевизм, призывал эмигрантов не поддерживать Германию в войне против СССР, тогда как плененный, выросший в советское время и считавшийся одним из лучших военачальников, командующий 2-й ударной армией генерал Власов перешел на службу к нацистам и, оправдывая себя, что он борец со сталинским режимом, возглавил Русскую освободительную армию. Повторюсь, надо разделять отношение к власти, которая приходит и уходит, и к своей Родине, которая всегда остается одной и той же.

И последнее. Если человек взялся за перо, он не должен руководствоваться личной обидой, особенно это относится к писателям. В этой связи, нельзя согласиться с В.В. Цаплиным, что писатели имеют право на ошибку. Даже писателям не допустимо статистику подменять вымыслом. Но, противореча себе, В.В. Цаплин безусловно прав, что подобные сведения возбуждают общественность, хотя и создают не всегда объективную картину. Добавим, что писатели в отличие от историков и даже политиков, – творцы и про-

пагандисты идеологии, они работают на массу и воздействуют на дух общества, им верят больше, чем другим. Именно поэтому, там, где в основу повествования положен исторический материал, ложь – вдвойне опасна.

* * *

Итак, зарубежные политики, вроде вдовы Президента США, госпожи Рузвельт, преимущественно американские политологи Конквист и др., бывшие граждане Советского Союза, покинувшие Родину в разное время, а также, после того как «разрешили говорить», – отечественные ученые (в их числе ярый активист перестройки, неутомимый Рой Медведев), писатели, эти «инженеры человеческих душ», представители второй древнейшей профессии – журналисты и вместе с ними бывшие партийные функционеры и их дети (и пострадавшие от сталинского режима, и успешно прожившие смутное время) явились основными авторами мифов о чудовищных размерах репрессий в советское время. Их небывлицы основаны на отсутствии профессионализма, нежелании изучать доступную после конца 80-х – начала 90-х годов для всех информацию о политических репрессиях, замену уже общеизвестных в то время данных о числе и структуре осужденных собственными догадками, типа «по моему мнению», обидами, которые пришлось пережить в результате политического террора, смешении отношения к своей Родине отношением к её власти, прежде всего, к Сталину.

Глава 2

ИНФОРМАЦИЯ О РЕПРЕССИЯХ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ, ЕЁ ДОСТОВЕРНОСТЬ

Многokратное преувеличение численности лиц, репрессированных в советские годы, – это лишь один домысел. Другой вымысел состоит в том, что часто всех репрессированных рассматривают, как политических, причем в значительной степени осужденных к высшей мере наказания.

Очевидно, что каждое государство (Советский Союз – не исключение) выполняет, помимо многих функций, еще две основные: оно противодействует внешним и внутренним угрозам. Любая крупная или небольшая страна обычно противостоит внешним угрозам, защищает свою независимость и территориальную целостность. И хотя это не всегда удается в силу многих обстоятельств, но, тем не менее, это не умаляет роль функции защиты отечества от внешних угроз.

К наиболее опасным внутренним угрозам, которым вынуждено противодействовать любое государство, будь оно монархией или республикой с тоталитарным или демократическим режимом, относятся действия, направленные либо против существующего экономического строя и политической системы, либо против личности и всех видов собственности. Борьба с угрозами против государства, олицетворяющей его власти, особенно актуальна в переходные периоды, когда меняется один общественный строй на другой, или одна политическая структура на другую. И в этом

смысле Россия – не особый случай. В прошлом подобные процессы совершались, причем довольно жестоко, и в Великобритании, и во Франции и во многих других ныне демократических странах. В России они просто состоялись в более позднее время и, что особо следует подчеркнуть, в направлении противоположном тому, которое к тому времени уже утвердилось в Европе и Северной Америке. Поэтому в России, сразу же после Октябрьской социалистической революции, помимо отражения интервенции 14 государств (борьба с внешней угрозой), в составе внутренних угроз большое место стали занимать угрозы в адрес нового государства, поскольку проигравшие лишились не только власти, но и собственности.

Очевидно, что советское государство должно было встать на защиту не только новой власти и созданной путем национализации общественной собственности, но и жизни, и имущества своих граждан. Эта защита не могла осуществляться без репрессий. Термин «репрессии» (лат. *repressio* – подавление, угнетение) обозначает карательные меры. Это своего рода наказание за противозаконные проступки, преступления против государства, личности, имущества. Репрессии осуществляются государственными органами. Они могут карать и за уголовные (направленные против личности и её имущества), и за политические (направленные против государства, его устоев, власти и пр.) преступления. В принятом в 1991 г. Законе РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» в первой статье определено само понятие «политические репрессии», указаны меры, в которых они проявляются, и осуществляющие их государственные и общественные органы. К репрессиям отнесены меры принуждения, применяемые исходя из политических мотивов к лицам, которые признаны опасными или неблагонадежными по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам (69).

Таким образом, политические репрессии представляют систему карательных мер, применяемых в отношении лиц, выступающих против социально-экономического уклада страны и защищающей

его политической системы с её правопорядком. К этой категории лиц в тоталитарных государствах, относят и тех, кто, не совершая никаких противоправных действий в указанном направлении, тем не менее, осуждают в различных формах то или/и другое. В таких государствах к лицам, реально представляющим опасность для существующего режима, иногда относят и тех, кто потенциально может быть ему опасен. Репрессии, осуществляемые в сравнительно больших масштабах в отношении второй и третьей групп лиц, могут быть названы политическим террором. Очевидно, что политические репрессии и политический террор отнюдь не синонимы. Применение карательных мер в отношении первой группы лиц не может считаться политическим террором. В этом смысле термин «террор» больше соответствует такому явлению как преследование во всех его формах, включая и лишение жизни невинного населения. Очень важно, поэтому, не смешивать репрессии, осуществляемые по уголовным и по политическим преступлениям. Несмотря на ряд условностей, имеющаяся статистика позволяет разделять осуждение по тем и другим преступлениям. Но более сложно среди политических выделить тех, кто осужден, как говорится «за дело», от тех, кто невинно пострадал. Отсюда термины «политические репрессии» и «политический террор» часто выступают как синонимы.

Независимо от того, на какие преступления направлены репрессии, к ним относятся арест, осуждение, высшая мера, содержание в различных пенитенциарных учреждениях (тюрьма, лагерь, колония), высылка, в т.ч. из страны и лишение гражданства, ссылка, переселение, помещение на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, привлечение к принудительному труду, иное ограничение прав и свобод и пр. К сожалению, в публикациях не встречаются данные о числе приговоренных к высшей мере, относящихся ко всем осужденным, т.е. и по уголовным, и по политическим преступлениям. Но зато во многих публикациях приведены данные о числе всех заключенных с их делением на уголовных и политических.

Преобладающая часть заключенных, т.е. осужденных и избежавших высшую меру, содержались в пенитенциарных учреждениях Главного управления исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ГУЛАГ), созданного в 1934 г. и являвшегося структурой НКВД. Сведения о численности заключенных в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) и исправительно-трудовых колониях (ИТК), т.е. основных учреждениях ГУЛАГа, во всех работах В.Н. Земскова приводятся со времени его образования. Данные для более ранних лет представлены только по ИТЛ. Информации о количестве лиц, содержавшихся в ИТК до включения их в ГУЛАГ, к сожалению, в известных мне публикациях нет. Поэтому ограничимся данными лишь за 1935–1940 гг. (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Количество всех (политических и уголовных) заключенных в учреждениях ГУЛАГа в 30-е годы XX в. (тыс. человек)*

На начало года	В целом по ГУЛАГу	ИТЛ	ИТК	Доля ИТЛ среди заключенных ГУЛАГа, %
1935	965,7	725,5	240,2	75,1
1936	1296,5	839,4	457,1	64,7
1937	1196,4	820,9	375,5	68,6
1938	1881,6	996,4	885,2	53,0
1939	2004,9	1317,2	687,7	65,7
1940	1846,3	1344,4	501,9	72,8

* (29,74)

По данным В.Н. Земскова, наибольшее количество заключенных было на начало 1938 и, особенно, 1939 годов. Приводимые архивные сведения о численности заключенных В.Н. Земсков подкрепляет данными проводившихся в предвоенные годы переписях населения. В итоговую численность населения включались сведения о заключенных. Так, в перепись 1937 г. была добавлена цифра заключенных (содержались в тюрьмах, лагерях и спецпоселениях) в 1,8 млн. человек (на 1 января 1938 г. их было 1881,6 тыс.), а в перепись 1939 г. было включено не менее 2,6 млн. (табличные данные

2004,9 тыс.). Последние две цифры вполне укладываются в логику формирования переписной численности населения 1939 г., которую специально завышали. Судя по всему, в неё добавили 600 тыс. не существующих заключенных.

К началу 1937 г. число заключенных в учреждениях ГУЛАГа превышало то, которое было на начало 1935 г., на 230,7 тыс. человек или на 24%, причем оно было меньше, чем в 1936 г. на 100 тыс. человек. Лишь к началу 1939 г., вследствие разгула репрессий в два предшествующие года, число заключенных увеличилось относительно 1935 г. в 2,1 раза, а в сравнении с 1936 г. – чуть больше, чем в 1,5 раза. Много это или мало? Чтобы ответить на этот вопрос, нужны сопоставления с другими странами или иными историческими периодами. Но эти сравнения нельзя вести, просто сопоставляя количества заключенных. И в этой связи И.В. Пыхалов поступает абсолютно правильно, сопоставляя не абсолютные числа заключенных, а их относительные величины. Так, согласно И.В. Пыхалову, на каждые 100 тыс. населения к началу 1941 г. в СССР было 1230–1260 заключенных (в январе 1950 г. – 1546), тогда как в США в конце 1999 г. насчитывалось 747 заключенных на каждые 100 тыс. населения (74). В довоенные, по крайней мере, в двадцатые годы этот показатель в России был заметно меньше, чем в США. Даже в 1937 г., когда начался массовый политический террор, в СССР на 100 тыс. населения приходилось всего 740 заключенных.

Помимо сопоставлений количества заключенных относительно численности населения страны, можно рассчитать, и сколько всего было заключенных в расчете на 100 тыс. населения Советского Союза в эпоху И.В. Сталина. В течение 1921–1953 гг. в заключении побывало до 10 млн. человек. В этом случае в расчете на среднее население страны в те 33 года через лагеря прошло чуть более 6% населения.

Как это ни парадоксально, но появлению на свет информации о политических репрессиях повезло больше, чем информации о численности всех заключенных, разбитой по годам. Связано это, види-

мо, было с тем, что тема политического террора попала в круг интересов партийного руководства страны после смерти Сталина. Отсюда и появление различных официальных документов, в которых приводятся данные о количестве репрессированных за политические преступления. Строго следуя хронологии, можно назвать те организации, которые оказались в числе заказчиков информации о политических репрессиях, а также об исполнителях этих заданий.

Сразу же после смерти вождя, уже в декабре 1953 г. архивным отделом МВД была подготовлена справка о количестве осужденных в период 1921–1953 гг. Очевидно, что заказчиком могло быть только политическое руководство страны, возглавляемое уже в то время Н.С. Хрущевым. Присвоим этому источнику номер 1 (№1).

В феврале 1954 г. за подписью Генерального прокурора СССР, министра МВД СССР и министра юстиции СССР была направлена на имя Н.С. Хрущева справка о числе осужденных за контрреволюционные преступления с 1921 г. по февраль 1953 г. (№2).

В феврале 1956 г. была создана комиссия под руководством секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии (№3).

После этого пленума, вновь публично, если считать «публикой» членов и кандидатов ЦК КПСС, данные о количестве жертв политического террора 1937–1938 гг. были оглашены на пленуме ЦК КПСС в июне 1957 г. (№4).

В 1963 г. была подготовлена справка для Президиума ЦК КПСС, подписанная членом политбюро ЦК КПСС Н. Шверником, секретарем ЦК КПСС А. Шелепиным, председателем КГБ СССР В. Семичастным и рядом других высокопоставленных лиц о количестве арестованных по политическим обвинениям с 1935 по 1953 гг. (№5).

В 1988 г. КГБ СССР, проанализировав статистику подведомственных областных управлений, получил количество арестованных по политическим преступлениям, осуществленных органами

ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ в 1918–1953 гг., выделив в них сведения для 1930–1953 гг. Эти данные увидели свет в 1990 г. (№6). Все эти источники дают общее представление о размахе политических репрессий, правда, часто для разных периодов времени (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Официальные сведения о количестве репрессированных по политическим причинам в СССР в годы сталинизма

Номер источника сведений	Период, принятый в документе, годы*	Количество репрессированных	
		Всего	В т.ч. ВМН**
№1	1921–1953	4060306	799455
	1921–1938	2944879	745220
	1939–1953	1115247	54235
№2	1921–1953	3777380	642980
№3	1937–1938	1548366	681692
№4	1937–1938	Св. 1,5 млн.	681,7 тыс.
№5	1935–1953	2760234	748146
	1930–1953	3778234	786098
	1918–1953	4308487	835194

* 1953 г. до середины года.

** высшая мера наказания.

В таблицу не включена еще одна цифра, высказанная в конце февраля 1956 г. Н.С. Хрущевым на закрытом заседании XX съезда партии. В докладе «О культуре личности и его последствиях». Н.С. Хрущев многократно завысил количество, приговоренных к высшей мере, назвав цифру в 16,8 млн. человек (86). Очевидно, что место этой цифры, как и её автору в первой главе.

Сведения о количестве репрессированных в период с 1921 по 1953 гг. в источниках №1 и №2 различаются довольно существенно: общее число осужденных в представленной в феврале 1954 г. справке от имени Генеральной Прокуратуры, Министерств внутренних дел и юстиции на имя первого секретаря ЦК КПСС (выше этого руководителя государства не могло быть), на 283 тыс. человек меньше, чем в справке архивного отдела МВД, подготовленной

в декабре 1953 г. По числу приговоренных к высшей мере первая цифра меньше второй на 156,5 тыс. Естественно возникает вопрос, какой цифре можно больше доверять? На этот счет можно высказать два соображения.

Во-первых, на подлиннике справки, составленной в 1953 г. спецотделом МВД, согласно В.Н. Земскову «неизвестной рукой карандашом сделано примечание», что 30% – это уголовники, которых 1062 тыс. человек. В.Н. Земсков, не поленился и пересчитал эти 30% от 2945 тыс. У него получилось число уголовников, равное 884 тыс. человек. Мы думаем, что на пересчет нужно взглянуть по-другому. Ведь вначале считают абсолютные числа и лишь потом исчисляют проценты. В этом случае уголовников должно было быть 36,1% или 1062 тыс. (видимо, тот, кто делал карандашную пометку, ошибся при расчете процента). Как бы там ни было в число осужденных по политическим преступлениям «затесалось» от 884 до 1062 тыс. уголовников. Поэтому, вероятно, при составлении справки для Н.С. Хрущева часть уголовников (283 тыс.) была исключена.

Во-вторых, справку Н.С. Хрущеву подписывали высокопоставленные, самые осведомленные должностные лица (генеральный прокурор и два министра – МВД и юстиции), которые прекрасно понимали, что допущенные ошибки в документе, предоставляемом первому лицу государства, могут иметь далеко идущие для них последствия. К тому же, поскольку в задачу Н.С. Хрущева входило в наибольшей мере представить Сталина как организатора массового террора, ему не надо было занижать количество жертв политических репрессий. Оба эти замечания – свидетельство большей достоверности данных в документе, направленном на имя Н.С. Хрущева, чем в справке составленной МВД в 1953 г.

Приведенные в таблице 2.2 сведения о количестве репрессированных, в целом позволяют получить довольно логичную картину. Общее число репрессированных (в тыс. человек) составило: в 1937–1938 гг. – 1548,4, в 1935–1953 гг. – 2760,2, в 1930–1953 г. – 3778,2, в 1921–1953 гг. – 3777,4 (в т.ч. в 1921–1938 гг. – 2944,9 и в

1939–1953 гг. – 1115,2) и в 1918–1953 гг. – 4308,5. Количество, приговоренных к высшей мере (в тыс. человек), соответственно выглядит так: в 1937–1938 гг. – 681,7, в 1935–1953 гг. – 748,1, в 1930–1953 гг. – 786,1, в 1921–1953 – 799,4 (в 1921–1938 гг. – 745,2 и в 1939–1953 гг. – 54,2) и в 1918–1953 гг. – 835,2.

На стыке 80–90-х годов не только обострился интерес к всестороннему анализу периода политического террора, но и появилась возможность получения объективной информации о событиях того времени. Первооткрывателем информации о политических репрессиях с разбивкой их количества по годам явился В.Н. Земсков, который в составе Комиссии Отделения истории АН СССР, получил доступ к статистической отчетности ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ, находящейся на специальном хранении в ЦГАОР СССР. Ниже, в основном, используются, обнародованные им сведения. Уже к началу 90-х годов им опубликованы архивные данные об общем числе осужденных и их распределении в зависимости от тех мер, которые им были вынесены, начиная с 1921 по 1953 гг. Спустя десятилетие, в 2001 г., опираясь на архивные данные (теперь уже ГАРФ) и публикацию историка В.П. Попова, И. Пыхалов в своей работе «Время Сталина» приводит, по сути, те же данные, что и у В.Н. Земскова. Также как и И.В. Пыхалов, уже в начале XXI в. В.В. Лунев публикует информацию о масштабах политических репрессий с 1918 по 1958 г. Эти авторы, посчитав, что «истина им дороже», чем политические предпочтения, опубликовали одинаковые, в данном случае реальные, а не надуманные сведения о масштабах репрессий во «время Сталина».

Нельзя сказать, что приводимые всеми авторами сведения о количестве репрессированных за политические преступления абсолютно одинаковы. Для отдельных лет они в чем то, отличаются. Это относится, например, к 1948–1951 годам. У В.Н. Земскова число приговоренных к высшей мере в 1948 г., составляет 1105 человек, у И.В. Пыхалова – ноль, в свою очередь у первого в 1950 г. нет приговоренных к этой мере наказания, тогда как у второго 475 человек. По

данным В.В. Лунева в 1948–1949 гг. приговоров к высшей мере не было. Все эти, как и другие подобные неточности не велики.

В отличие от В.Н. Земскова, В.П. Попова, И.В. Пыхалова и всех остальных, кто приводит статистику осужденных за политические преступления, у В.В. Лунева она дается для большего промежутка времени, т.е. не для 1921–1953 гг., а для 1918–1958 гг. Это позволяет полнее охватить исходное время начала репрессий в советский период, а также их осуществление в первые, после смерти Сталина годы. Но, к сожалению, данные В.В. Лунева существенно расходятся с цифрами В.Н. Земскова и И.В. Пыхалова для 1925, 1930, 1931, 1936, 1939 и всех последующих лет. Итоговое число всех осужденных у В.В. Лунева, если исключить 1918–1920 и 1953–1958 годы, больше чем в тот же период у В.Н. Земскова и И.В. Пыхалова на 668,6 тыс. человек. К тому же итоги за 1918–1958 гг. у В.В. Лунева не соответствуют сумме чисел за все годы. Поэтому данные из публикации В.В. Лунева взяты только за те годы, которые отсутствуют у В.Н. Земскова, а также для корректировки сведений последнего, в тех случаях, когда они вызвали сомнения. В таблице 2.3 1918–1958 годы разбиты на периоды, в зависимости от совершавшихся в то время различных событий или их отсутствия.

Несмотря на некоторые неточности и расхождение сведений о количестве репрессированных и приговоренных к высшей мере в разных источниках, тем не менее, данные таблицы 2.3 дают достаточно наглядную картину осуществления репрессивных мер во время правления Сталина, до него и после его смерти. Прежде всего, просматриваются существенные различия в масштабах репрессий в довоенные и послевоенные годы. В отличие от всех довоенных и военных лет, во время, наступившее с 1948 г., количество приговоренных к высшей мере в среднем за год измерялось сотнями, а в первые годы после смерти Сталина, десятками, тогда как в довоенные периоды – тысячами, десятками тысяч и даже сотнями тысяч.

**Распределение численности осужденных и приговоренных
к высшей мере по периодам сталинского правления,
в тыс. человек**

Периоды	Годы	Число осужденных		Число приговоренных к ВМ*	
		за весь период	в среднем за год	за весь период	в среднем за год
1. Гражданская война, интервенция	1918–1921**	98060	24515	35410	8853
2. Восстановление народного хозяйства, НЭП	1922–1929	173034	21629	13690	1711
3. Коллективизация и ликвидация кулачества	1930–1933	770347	192587	35734	8934
4. Период накануне политического террора	1934–1936	620745	206915	4403	1468
5. Годы политического террора	1937–1938	1344923	672462	681692	340546
6. Период после политического террора	1939–1941	211106	70367	12212	4071
7. Военные и первые послевоенные годы***	1942–1947	602939	86134	40613	5802
8. Последние годы правления Сталина	1948–1953****	329452	54909	3492	582
9. Первые годы после смерти Сталина	1954–1958**	10938	2188	283	57

* высшая мера

** для этих периодов данные взяты из работы В.В. Лунева, для всех остальных периодов – В.Н. Земскова.

*** К сожалению, данные за 1943 г. и за 1944 г. идентичны, одна из цифр не верна. У В.В. Лунева цифры не только больше для обоих лет, но и в 1944 г. количество осужденных заметно меньше, чем в 1943 г. Это же относится и к числам приговоренных к высшей мере.

**** В.В. Луневым приводятся сведения за весь 1953 г., у В.Н. Земскова даются данные за первое полугодие, которые И.В. Пыхалов относит ко всему году (не указывает, что это сведения на первую половину 1953 г., как это делает В.Н. Земсков). В расчет приняты цифры из работы В.В. Лунева.

Сравнительно большие масштабы репрессий приходятся на период гражданской войны и борьбы с интервентами, которые помимо собственного осуществления карательных операций, оказывали бе-

логвардейским армиям материальную помощь. Этот период на преобладающей части страны закончился в 1921 г. и сразу же количество репрессий пошло на спад. Во второй период среднегодовое число репрессированных было меньше, чем в предшествующие годы в 2,6 раза, а количество смертных приговоров – в 5,2 раза.

Решение о проведении коллективизации было принято в конце двадцатых годов, но массовые репрессии в отношении раскулачиваемых крестьян, оказывающих сопротивление этому процессу, последовали в тридцатые годы. Уже в 1930 г. количество лиц, приговоренных к высшей мере, превысило уровень 1929 г. почти в 10 раз, а их среднегодовое число в 1930–1933 г. было больше, чем даже в годы гражданской войны.

1937–1938 гг. – это период политического террора в стране. О нем будет сказано в других главах. Здесь же только подчеркнем, что ни до этих лет, ни позже, даже в годы Великой отечественной войны, ничего подобного в СССР не происходило. Среднегодовое число приговоренных к высшей мере в этот период было в 14,5 раза больше, чем среднегодовые числа в годы коллективизации, гражданской и отечественной войн вместе взятых.

Помимо представления о масштабах политических репрессий и их осуществлении в отдельные периоды истории Советского Союза, у этой проблемы есть еще один аспект – это оценка соотношений между числом репрессированных за политические и уголовные преступления. В числе первых В.В. Цаплин, попытался высказаться на этот счет. «В лагерях и тюрьмах погибали и уголовники. Но не они в те годы составляли основной контингент заключенных» (105, с.178). Это положение, к сожалению, не подкреплено цифрами, хотя его автор имел доступ к архивам.

Теоретически оценку доли политических среди всех заключенных можно сделать по двум совокупностям: по осужденным и по заключенным. Все дело – в наличии информации, а она ныне доступна либо по осужденным за политические преступления, либо по всем заключенным, находящимся в пенитенциарных учреж-

дениях. Исключение составляет лишь доступные данные о численности политических заключенных в лагерях ГУЛАГа. Используя их, И.В. Пыхалов рассчитал доли политических в общем количестве заключенных, отбывающих наказания в исправительно-трудовых лагерях (табл. 2.4).

Таблица 2.4

Численность всех и осужденных за политические преступления заключенных в лагерях ГУЛАГа в 1935–1940 гг., тыс. человек*

Годы	Общее количество заключенных в лагерях ГУЛАГа	из них:		Доля политических в общем числе заключенных, в %
		Политические	Уголовные	
1935	725,5	118,3	607,2	16,3
1936	839,4	105,8	733,6	12,6
1937	820,9	104,8	716,1	12,6
1938	996,4	185,3	811,1	18,6
1939	1317,2	454,4	862,8	34,5
1940	1344,4	445,0	899,0	33,1

* (74).

В таблице 2.4 раскрываются пропорции между двумя категориями (осужденные за политические и уголовные преступления) заключенных исправительно-трудовых лагерей. Более того, они показывают, что вследствие размаха политических репрессий в 1937–1938 гг. удельный вес этой категории заключенных возрос до 1/3, тогда как в предшествующие годы его величина составляла 13–16%.

Помимо лагерей заключенные содержались также в колониях и тюрьмах. Не очень масштабными, но все же, мерами наказания были ссылки (проживание в определенных местах) и высылки (запрет на проживание в определенных населенных пунктах, таких как Москва, Ленинград и некоторых других), а также прочие меры, включающие принудительное лечение и высылку за границу. В целом за 33 года (1921–1953 гг.) из общего числа осужденных за политические преступления, исключая высшую меру, были пригово-

рены для отбывания наказания в лагерях, колониях и тюрьмах 2634,4 тыс. человек, ссылке и высылке подлежало – 413,5 тыс., и прочие меры были применены к 215,9 тыс. человек. Всего, без приговоренных к высшей мере (799,5 тыс.), отбывали наказания различной строгости 3260,8 тыс. человек. Из них на долю ИТЛ, ИТК и тюрем приходится 80,7%, т.е. практически 4/5 всех заключенных, доля получивших ссылку и высылку составляет 12,7% и прочим мерам принадлежит 6,6%. Распределение политических заключенных в зависимости от мер наказания в 1935–1940 гг., представлено в таблице 2.5.

Таблица 2.5

Распределение осужденных за политические преступления в зависимости от мер наказания в 1935–1940 г., человек*

Годы	Всего осуждено	В том числе по мерам наказания:			
		высшая мера	Лагеря, колонии, тюрьмы	ссылка и высылка	прочие меры
1935	267076	1229	185846	33601	46400
1936	274670	1118	219418	23719	30415
1937	790665	353074	429311	1366	6914
1938	554258	328618	205509	16842	3289
1939	63889	2552	54666	3783	2888
1940	71806	1649	65727	2142	2288

* (74)

Чтобы получить соотношение между числами осужденных за политические и уголовные преступления в целом и по различным формам отбывания наказания, нужны сведения об общих числах осужденных. Из работ В.Н. Земскова и И.В. Пыхалова можно извлечь данные о численности всех заключенных, отдельно, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах для 1939 г. и последующих лет. Приведем сведения на начало года для 1939 и 1940 гг. (табл. 2.6)

Поскольку сведения об общем числе политических заключенных и их количестве, отбывающем наказания в колониях и тюрьмах, отсутствуют, то определить эти величины можно только условно. Один из способов – представить распределение политических за-

ключенных между учреждениями ГУЛАГа таким же, как оно существовало по заключенным за уголовные преступления. Тогда в лагерях в 1939–1940 гг. в среднем за год было 450 тыс. политических заключенных, в колониях – 110 тыс., в тюрьмах – 91 тыс., а всего – 651 тыс. человек. Это максимально допустимое число, т.к. политические отбывали десятилетний срок и в большей мере содержались в лагерях, чем в колониях. С другой стороны, такие меры как ссылки и высылки, едва ли, были распространены среди уголовных заключенных. Добавим, что заключенных в колониях содержалось на порядок больше, чем их было выслано или сослано.

Таблица 6

Распределение всех заключенных между лагерями, колониями и тюрьмами в 1939–1940 гг. в тыс. человек

Годы	Общее количество заключенных	В том числе, отбывающие наказания:		
		в лагерях	в колониях	в тюрьмах
1939	2004,9	1317,2	335,2	352,5
1940	1846,3	1344,4	315,6	186,3
1939–1940	3851,2	2661,6	650,8	538,8
	100,0 (в %)	69,1	16,9	14,0

Есть еще один путь определения доли лиц, осужденных за политические преступления в числе всех осужденных в период с 1921 по 1953 гг. Суть его в сопоставлении числа осужденных за политические преступления с тем количеством личных дел заключенных, которым располагал ГУЛАГ. Следует заметить, что учет численности заключенных и их движения в учреждениях ГУЛАГа и в Главном управлении в целом не мог быть плохим, ибо с этим было связано материальное обеспечение и тех, кто находился за колючей проволокой, и тех, кто их охранял. Рассматривая проблему достоверности первичных сведений о контингенте исправительно-трудовых учреждений, В.Н. Земсков предлагает учитывать два обстоятельства. Во-первых, администрация пенитенциарных учреждений не была заинтересована в занижении численности заключенных, т.к. это автоматически уменьшало бы продовольственное снабжение ла-

герей, тюрем и колоний, а во-вторых, преувеличение численности заключенных могло привести к увеличению производственных заданий, за невыполнение которых строго наказывали (29).

Так вот, в картотеке ГУЛАГа накануне войны содержались сведения о почти 8 млн. заключенных, прошедших через его учреждения (тех, кто отбыл заключение и вышел на свободу, тех, кто умер в заключении и тех, кто в это время (1940 г.) находился в заключении. В августе 1955 г. начальник секретариата ГУЛАГа МВД СССР подал записку на имя начальника этого учреждения, в которой он сообщал, что в ГУЛАГе хранится 9.5 единиц архивного материала, представляющих собой личные дела заключенных (74). Добавим, что в течение всего сталинского периода (1921–1953 гг.) через лагеря прошло примерно 10 млн. человек.

Скорее всего, в картотеке ГУЛАГа не могли храниться дела тех осужденных, которые были приговорены к высшей мере. Поэтому число осужденных для 1921–1953 гг. по политическим причинам должно быть взято без тех, кто был приговорен к смертной казни. Тогда тех, кого осудили по политическим статьям на различные сроки, ссылки, высылки и пр., будет 3260,8 тыс., а их доля в общем числе хранящихся в картотеке дел осужденных составит 34,3%.

Эта цифра не совпадение с той, что получена В.Н. Земсковым о доле политических среди заключенных в лагерях. Это цифра рассчитана для всего периода, а у В.Н. Земскова подобный процент политических среди всех заключенных относится лишь к 1939–1940 гг. В более ранние годы доля политических составляла 12–16%, а в более поздние доходила до 50–60% (в 1946 г. – 59,2%). Очевидно, что доля в 1/3 политических в составе всех заключенных, была бы вполне близка к реальной, если бы не одно обстоятельство. Это – 779 тыс. человек, приговоренных к высшей мере. С ними доля политических превышает 43%. Но ведь к высшей мере приговаривались и уголовники. Поэтому 35–40% политических в составе всех осужденных – это максимально возможная их доля.

Итак, в течение всего времени правления И.В. Сталина наиболее кровавые страницы политического террора пришлись на 1937–1938 гг., когда число репрессированных достигло 1345 тыс. человек (1/3 от всех репрессированных в течение 33 лет), а количество приговоренных к смертной казни превысило 680 тыс. Каждый 9-й из 10 приговоренных к смерти в эти 33 года правления вождя всех времен и народов, приходится на эти два года. То, что в 1937–1938 гг. в стране осуществлялся массовый политический террор – это факт и никому – ни сталинистам, ни их антиподам – не опровергнуть его. Неоспоримо, что во все советские годы осуществлялись репрессии в отношении людей, совершавших государственные преступления, действия которых представляли внешние и внутренние угрозы. В какой мере эти репрессии были оправданы (шпионаж и служба фашистам – это не единственные преступления), а в какой – нет, это отдельная проблема. Здесь лишь еще раз подчеркнем, что среди осужденных по политическим статьям, наверняка были те, кто в любом государстве оказался бы за колючей проволокой или был бы казнен.

В течение всего периода правления Сталина в пенитенциарных учреждениях страны преобладали заключенные, осужденные за уголовные преступления. Политических среди всех заключенных максимально могло быть, исключая экстремально годы, не более 35–40%. Поэтому, навряд ли стоит судить о масштабах политических репрессий по статистике всех заключенных ГУЛАГа. И без уголовников масштабы политических заключенных были велики, особенно в 1937–1938 гг.

Глава 3

ПРИЧИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА: ОБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Не только среди историков, но и среди других специалистов, занимающихся изучением смутного времени – времени политического террора, нет общего мнения относительно причин этого явления. А его и не может быть, т.к. это – не спор о реальных цифрах, например, о количестве жертв репрессий. Это – мнения исследователей, пытающихся с высот сегодняшнего времени дать оценку событиям, состоявшимся 75 лет назад, и понять, что же происходило на самом деле в те далекие тридцатые годы. Если рассматривать причины, как субъективное отношение к происшедшим объективным процессам, то их набор, естественно, у разных исследователей может быть различным.

Помимо обоснования того или иного набора причин политических репрессий, ряд авторов полагают, что события середины 30-х годов – это не отдельный кровавый период в развитии советского общества, а свойство, имманентно присущее социализму. К примеру, Ю.И. Семенов считает, что репрессии есть изначальное свойство социализма, как одного из видов тоталитаризма (82). Собственно подобной точки зрения придерживался и А.И. Солженицын, полагавший, что от социалистического строя страна потеряла 110 млн. человек.

Другая позиция сводится к возложению ответственности за осуществление политических репрессий на советскую систему. Так,

по мнению О.В. Хлевнюка – суть террора не в личных качествах Сталина и его клики, а в том, что существуют общие причины, которые определяют террор как свойство всего советского периода (99). К ним он относит удержание в повиновении людей, подавление инакомыслия, укрепление единоличной власти, принуждение к труду и т.д. Другой автор – В. Снитковский утверждает, что советская история – это непрерывная цепь различного рода репрессий. Для подтверждения этой точки зрения, он перечисляет все, что знает об этой истории. Это и все войны (два нападения на Польшу, одно на Финляндию, вторжение в Афганистан, Венгрию, Чехословакию, Великая отечественная война, причем её тоже развязал Советский Союз, участие в вооруженных конфликтах на Ближнем Востоке, Вьетнаме и пр.), а также коллективизация, депортации народов и т.д. (86).

Если придерживающиеся первой точки зрения основной причиной репрессий, у авторов которой социализм, являющийся, как известно, социально-экономическим строем общества, то вторые винят во всем советскую систему, представляющую, по сути, политическое устройство государства. Используя марксистскую терминологию, но вопреки марксистской теории, при анализе причин политических репрессии, отделим политическую надстройку от экономического базиса. Тогда при одинаковом социально-экономическом строе, например капитализме, могут быть политические системы, которые осуществляли террор и те, в которых, хотя и не всегда, и не в полной мере, но все же, соблюдались права человека. В качестве примера, в первом случае можно назвать Испанию времен Франко, Португалию при сорокалетней диктатуре Салазара, Чили в период правления Пиночета и др. Во втором случае следует вспомнить США или Великобританию в годы Второй мировой войны. В США с началом военных действий против Японии 112 тыс. граждан Соединенных штатов японского происхождения были помещены в концентрационные лагеря. Великобритания точно также поступила с немцами в Палестине, более того, у себя на родине

англичане упрятали в лагеря нацистского лидера, сэра Мосли вместе с 20 тыс. членов его партии. На всякий случай туда же они отправили еще 72 тыс. лиц, имевших подозрительные связи с Германией. Всего в английских лагерях находилось 150 тыс. человек, которых власти расценивали как подозрительных (54). Наконец, вспомним недавнее прошлое нашей страны. В 1962 г. Н.С. Хрущев устроил кровавую бойню в Новочеркасске (социализм, тоталитаризм), а в 1993 г. Б.Н. Ельцин учинил нечто подобное в центре Москвы, когда приказал расстрелять «Белый дом» из танковых орудий (переходная от социализма к капитализму экономика, демократия).

Репрессии – это не свойство социализма или других, следуя марксистской терминологии, социально-экономических формаций (конкретно, капитализма). Они – потенциально возможная функция политических систем, причем, прежде всего, в чрезвычайных ситуациях их становления и развития. Одна из наиболее радикальных чрезвычайных ситуаций – изменение экономического базиса и соответственно политической надстройки или только последней, т.е. государственного устройства. Такое изменение не может обойтись без репрессий в отношении тех, кто с этой трансформацией не согласен и противодействует процессу становления новой политической системы, а часто и социально-экономического строя.

То, что после Великой Октябрьской социалистической революции (если кому то не нравится «революция», пусть считает – переворота, путча, захвата власти большевиками и т.д.) осуществлялись политические репрессии, не написал только человек не умеющий писать. Но те, кто пишет, что репрессии – свойство социализма или советской власти, умалчивают о том, что подобные репрессии – это неизбежное следствие всяких социальных потрясений, связанных с борьбой за власть. В большинстве своем репрессии вызываются необходимостью либо защитить власть, либо осуществить кардинальные преобразования в обществе (кстати, октябрьские события 1993 г. в России – наглядный тому пример). К тому же, сравнительные масштабы репрессий в Советском Сою-

зе не больше, чем в ряде европейских стран, переживших подобные катаклизмы в XVII и XVIII веках.

В годы Великой Французской революции и последовавшего за ней периода социально-экономической и политической трансформации общества, страна потеряла в процентном отношении не меньше, если не больше своего населения: гильотина рубила головы участникам всех сторон социального конфликта. Считается, что Франция со времени начала революции до низложения Наполеона Бонапарта потеряла 20% своего населения. То же можно сказать и об Англии в период триумфа Кромвеля и реставрации королевского режима. В те времена в Англии был казнен Карл I, во Франции – обезглавлены Людовик XVI, и Мария Антуанетта. Все это было для того времени исторической неизбежностью. Именно поэтому то, что случилось в Советском Союзе и, в том числе в России, нужно оценивать с позиций того исторического периода, в который происходили подобные драматические и жестокие события, но уж никак не из современного представления о человеческих ценностях, правах личности и норм гуманизма. Каннибализм в глубокой древности и в современном мире – это отнюдь не одно и то же.

О каком гуманизме думали североамериканцы (бывшие англичане, французы и представители других «цивилизованных» народов) изгоняя индейцев с исконных земель и уничтожая их поголовно (считается, что в это время погибло примерно 1,5–2 млн. аборигенов). Профессор Гавайского университета Р. Раммел считает, что за время колонизации Америки европейцами. в результате геноцида погибло от 2 до 15 млн. индейцев. Геноцид индейцев в США дополнялся судами Линча над неграми, которых ныне стыдливо называют чернокожими, или афроамериканцами. Эти суды осуществлялись еще в течение целого столетия после отмены рабства в США (вторая половина XIX – первая половина XX веков). Европейские страны, владевшие огромными колониями, также не теряли времени даром. Чего стоит подавление в середине XIX в. английскими войсками ими же спровоцированного восстания си-

паев в Индии? Место не позволяет перечислять все расправы с угнетенными народами колоний английскими, французскими, испанскими, португальскими, и другими колонизаторами, потомки которых ныне защищают права человека в Европе и осуждают Россию за то, что происходило в стране в период её становления.

В России трагических времен также было предостаточно и при царизме, и при большевиках. Так, Николай I достаточно жестоко отнесся к служилым дворянам, которые отказались ему присягать. Представители многих родовитых семей отправились на поселение в Восточную Сибирь, а пятерых повесили. В расправе с рядовыми вообще не церемонились. Николай II вначале, в 1905 г. расстрелял январское шествие рабочих во главе со священником Гапоном (было убито свыше 1200 человек и около 5 тыс. ранено), затем в 1912 г. последовали Ленские события, где погибло 270 и ранено 250 рабочих. Наконец, гибель, главным образом, крестьян, одетых в солдатскую форму, во время позорной Русско-Японской войны 1904–1905 гг. и бесполезной для России Первой мировой войны.

В согласии с царем, «либерал» П.А. Столыпин не стеснялся вешать крестьян – участников «землеустроительных бунтов», не согласных с аграрными преобразованиями. Не зря Столыпина, сильного, но жестокого государственного деятеля, осуждали Л. Толстой, А. Блок, И. Репин и др. известные деятели культуры России. Его аграрная реформа, прямо-таки, своеобразная репетиция для будущей расправы с кулачеством в период коллективизации. А создание им военно-полевых судов, особых судов, состоящих из нескольких офицеров, внедрение правовых процедур, таких как предание суду в течение суток после совершения преступлений, разбор дел в течение не более чем двух суток, приведение приговора в течение 24 часов и пр. Только за пятилетие, последовавшее после революции 1905 г., в царской России было вынесено 5,7 тыс. смертных приговоров за политические преступления (6). Тем не менее, царская карательная система не была доведена до

такого «совершенства» какой ее сделали большевики, но многое из нее было заимствовано.

В вину советской власти вменяют репрессии, связанные с гражданской войной, но она потому и называется гражданской, что в ней противоборствуют граждане одной страны, стоящие с разных сторон баррикады: и те, кто захватил власть, и те, кто ее потерял. Жестокость присуща и тем, и другим, звезды на спинах вырезали и красные, и белые. Как результат, только в 1920–1921 гг. красными было осуждено 356,7 тыс. гражданских лиц, из которых расстреляли 6,5 тыс., тогда как белыми в те же годы только по суду были убиты 111,7 тыс. человек или в 17 раз больше. Причем, если первые мстили за свою бесправную и нищую жизнь, то ненависть вторых, была инициирована экспроприацией у них собственности

Кстати, этого не случилось после развала СССР в период реформирования России в 90-е годы XX века, потому, что те, кто оказался в нужное время в нужном месте, «приватизировали» или, по словам известного российского политика Р.Г. Абдулатипова, «прихватизировали» не личную собственность граждан, а общественную, владельцами которой, они были, по сути, лишь условно. Если бы при переходе от общественного (социалистического) строя к рыночному (капиталистическому) устройству, попытались отобрать личную собственность у российских граждан, то сегодня не пришлось бы рассуждать на эту тему. А так в угаре эйфории, в надежде на «чубайсовские ваучеры», никто и не заметил, как принадлежавшее всем достояние стало частной собственностью небольшого круга лиц. Этот процесс явился зеркальным отражением того, что происходило тысячи лет назад в эпоху трансформации первобытно-общинного строя в цивилизованную рабовладельческую формацию с её философами, патрициями, ораторами, консулами, гетерами и т.д.

Коллективизация начала 30-х годов, разорившая деревню и унесшая вместе с наступившим голодом несколько миллионов человеческих жизней, все же, как и приватизация, проводилась во

имя определенной идеи, и специально не преследовала целью уничтожение собственного народа. То, что случилось (экспроприация имущества у трудолюбивых в пользу неимущих, многие из которых не отличались прилежанием) в СССР, произошло бы и в других странах при подобных обстоятельствах. Достаточно вспомнить одно из наиболее кровавых мероприятий, направленных против собственных крестьян в Англии, когда их сгоняли с собственных земель, сжигали дома, поля превращали в пастбища для выпаса овец. Крестьяне становились бродягами, их ловили и вешали. По словам Томаса Мора «овцы съели крестьян». Вот, что такое имущественный интерес, который, как и интерес к чужому имуществу, – огромная движущая сила.

Учитывая времена Гражданской войны, годы коллективизации и, особенно, период Великой отечественной войны и связанное с нею появление сотен тысяч тех, кто изменил своей родине и по определению совершил государственное преступление, среднегодовое число репрессированных в течение 31 года из 33-х, приходящих на время правления И.В. Сталина, в 87,6 тыс. человек, в том числе приговоренных к смертной казни – 3,8 тыс., не столь уж велико. Осудив не единожды все то, что случилось во времена И.С. Сталина, обвинив эти времена даже в том, чего не было, или чего они не заслуживают, тем, не менее, уже два десятка лет продолжает разыгрываться эта конъюнктурная карта. В России – это повод для самобичевания. В это же время для США, Великобритании и других западных стран, переживших подобное, в том числе и времена сжигания сотен тысяч, если не миллионов ведьм, колдуний, еретиков и пр., – это всего лишь их давняя история. И мы еще удивляемся, что западные страны нас тоже «полощут» за все наши исторические и современные грехи.

Итак, политический террор мы относим только к двум годам нашей довоенной истории, понимая, что, хотя и в другие годы не особенно соблюдались права человека, и были невинно пострадавшие, тем не менее, человек имел равные и притом бесплатные

возможности получения образования, медицинской помощи, трудоустройства, культурного развития и т.д. Эти ценности не отменялись даже в период политического террора, вызванного разными объективными и субъективными причинами. Вместе с тем, из советской истории и тут приходится согласиться с В. Снитковским, не выбросить те трагические страницы, которые совершались либо вследствие необходимости (воссоединение с СССР в преддверии войны западных районов Украины и Белоруссии, потерянных после революции и изменение границ с Финляндией, чтобы обезопасить г. Ленинград), либо в силу бесконтрольности и недальновидности власти (вторжение в Афганистан, Чехословакию). Эти события до сих пор ставятся в укор советской власти, хотя подобные деяния (скорее тоже злодеяния) со стороны США и других стран НАТО (вторжение в Югославию, Афганистан, Ирак, кровавые события в Ливии, Египте, Сирии и пр.) выдаются за триумф западной демократии.

Таким образом, трудно отрицать, что репрессии были присущи советской политической системе из-за отсутствия демократической традиции, а главное из-за тех экстремальных условий, в которых страна находилась несколько десятилетий. Но и страны с демократическими институтами власти, давней традицией соблюдения прав человека, сразу же, забывают о них и осуществляют репрессии во всех тех случаях, когда это диктуют национальные интересы.

Конечно, суть не в советской политической системе (она могла быть и другой), а в том, что формой её проявления стал тоталитарный режим, которому свойственны однопартийность; пожизненность первого лица государства, т.е. его несменяемость законным путем на основе временного ограничения пребывания во власти; отсутствие гласности и отрицание инакомыслия; подчинение всех ветвей власти, в том числе и судебной, властвующему субъекту. Этот режим в России стал складываться сразу же после разгона учредительного собрания, а его разрушение наступило, спустя 70 лет вместе с перестройкой и её основным атрибутом гласностью.

В публикациях о политических репрессиях встречается до десятка причин, большинство из которых заслуживает внимания. Во-первых, часто к числу наиболее важных относят такую ходячую причину, как стремление государства удовлетворить потребность в «дармовом» труде или, как считает С.А. Кропачев, это было необходимо для пополнения дешевой рабочей силой строек народного хозяйства (47). По его мнению, террор имел ярко выраженный экономический аспект, многие крупные промышленные объекты созданы трудом заключенных, в т.ч. и политических. Что говорит против отнесения этой причины в разряд важных? Сразу отметим, что к началу 1937 г. были уже введены в строй такие трудоемкие объекты как Днепрогес, Магнитогорский металлургический комбинат, Беломоро-Балтийский канал, канал Москва-Волга и т.д. Во время создания этих и других сооружений, да и позже, среди заключенных преобладающее большинство составляли уголовные (на начало 1937 г. их было свыше 87%). За счет политических, а тем более интеллигенции, проблему привлечения неквалифицированной рабочей силы, а именно она нужна была для тяжелых земляных работ, нельзя было решить. В исправительно-трудовых лагерях преобладающую массу составляли рабочие и крестьяне: в 1936 г. их было 68,3% и в разгар политических репрессий, в 1938 г. – 59%.

Далее. Зачем такое огромное число лиц, осуждаемых по политическим причинам, приговаривать к расстрелу (свыше 50%), если нужна была дешевая рабочая сила? Принятию этой причины в качестве важной также противоречит регулярное проведение в сталинские времена, в том числе и при Берии, амнистий, уменьшавших количество заключенных на сотни тысяч человек. В любом случае, проблема дешевой рабочей силы для развязывания массового политического террора, приуроченного к определенному, достаточно кратковременному периоду, не могла быть причиной, по крайней мере, для И.В. Сталина.

Другая причина выглядит достаточно наивно, это обвинение сталинского режима в попытке расправиться с интеллигенцией.

Интеллигенция, сказано в «Черной книге коммунизма», еще одна социальная группа, ставшая жертвой большого террора (103). Отнюдь. Перед И.В. Сталиным стояла более узкая задача: избавиться от тех работников, в т.ч. и от интеллигенции, которые проявляли излишнюю политическую смелость, неуважительно относились к власти большевиков, пропагандировали чуждую советскому строю идеологию. В то время отсутствовала демократия в современном понимании. По-русски «Демократия» – это, когда за собственные деньги можешь говорить что угодно, а часто и безнаказанно делать все что хочешь. В ином понимании демократия, это когда на деньги общества власть делает то, что нужно обществу. Общество признает эту власть, в большинстве своем, избирая ее. Вместе с тем, интеллигенция, представляя часть общества, может не соглашаться с властью, более того, осуждать эту власть и тот строй, который власть защищает.

Во времена В.И. Ленина значительную группу не согласной с новой властью научной интеллигенции, которая пропагандировала чуждые большевизму идеи, просто выслали из страны, благодаря чему многие выдающиеся обществоведы, в т.ч. и основоположник американской и отечественной социологии Питирим Сорокин, философы И.А. Ильин, Н.А. Бердяев и др. дожили до старости. Эта акция внешне отличается от того как поступал Сталин, что видно на примере Н.Д. Кондратьева. Не высланный со всеми и оставленный в России автор теории больших циклов, известный уже в то время экономист, в 1938 г. стал жертвой политического террора. Конечно, с научной интеллигенцией можно было поступить и «демократично». Нужно было людей, ставших после 20–25 лет обучения элитой общества, просто обречь на полунищенское существование, что и было сделано в начале 90-х годов прошлого столетия. Часть этой элиты, в основном физико-математического направления, покинула страну, её с удовольствием приняли те страны, которые, в том числе и за счет российских мозгов, сделали существенный шаг в техническом развитии. Другая часть элиты, преиму-

щественно общественного и гуманитарного направлений, не получая молодого пополнения (утрачен материальный интерес), сама постепенно достигает того возраста, которому может позавидовать любой дом престарелых. Сталин, несмотря на свою гениальность, до этого не додумался.

Тем не менее, при И.В. Сталине интеллигенция, в своей массе не пострадала. Репрессиям подверглась лишь часть той группы творческих работников, которая находилась ближе всего к власти. Конечно, в составе лагерных заключенных в тридцатые годы росли численность и удельный вес интеллигенции. Но рост этот происходил не только вследствие репрессий, но и в связи с общим повышением уровня образования населения СССР (об этом в главе 7).

«Недоверие, неприязнь и даже ненависть к интеллигенции – это общая черта коммунистических вождей». Очень сильное заключение В.Н. Земскова, но отнюдь не верное. Если подвергалась репрессиям интеллигенция, так только та ее часть, которая выступала (в кругу «друзей» ругала) против советской власти. Примером может служить талантливый поэт Осип Мандельштам, пострадавший за свои едкие, а вообще то, не очень корректные стихи, в которых высмеивались, подчеркнем, физические недостатки вождя и его окружения. Тут и толстые пальцы, жирные как черви, и тараканьи усища, и полулюди, сброд тонкошейх вождей. Суть не в том, соответствуют или нет данные характеристики руководителям государства тех лет, а в том, что сказать так – это, то же самое, что посмеяться над горбатым, из-за его горба или над хромым из-за того, что у него ампутировали ногу. Таким образом, репрессии в отношении интеллигенции, а они были избирательными и в небольших дозах, не могут быть приняты в качестве сколько-нибудь значимой причины политического террора.

Третья причина, которая, по-видимому, могла иметь место, но уж никак не определяла масштабы политического террора, это превращение основного этноса, т.е. русского народа в «решающий фактор победы мировой революции». Эта причина могла возник-

нуть в связи со спецификой интернационализма и космополитизма в формировании власти (37). В 20-е годы и первой половине 30-х годов при формировании власти игнорировался национальный фактор. Это нужно понимать как несоответствие доли русских во власти и, добавим, в силовых структурах, удельному весу основного, по сути, государствообразующего этноса в общей численности населения страны. А.С. Барсенков и А.И. Вдовин считают, что причина репрессий – в необходимости изменения этого положения, т.е. выдвижение славянского этноса во власть. Борьба с космополитизмом на стыке сороковых-пятидесятых годов, последовавшее за этим «дело врачей» – вроде бы подтверждают значимость этой достаточно экзотической причины.

В самом деле, те национальности, которых в царское время ограничивали во всем, даже в местах проживания, после революции стали занимать ключевые посты в органах власти и силовых структурах. Это связано не только с их активным участием в революционных событиях, но и с тем, что евреи, по своей природе, люди деятельные, среди них много хороших организаторов и ораторов. Будучи талантливым и трудолюбивым народом, прошедшим историческую селекцию, евреи сумели выдвинуться и занять командные места в верхних эшелонах власти. По данным Ж. Тартаковского, в разные довоенные годы в руководящие органы партии (политбюро, секретариат и оргбюро ЦК ВКП(б)) входили: Зиновьев (Радомысльский), Каменев (Розенфельд), Сокольников (Бриллиант), Троцкий (Бронштейн), Л. и М. Кагановичи, Свердлов, Ярославский, Зеленский, Рухимович, Гамарник, Мехлис. Кроме того, многие лица этой национальности были членами и кандидатами в члены ЦК ВКП(б). В марте 1919 г. в состав первого постоянного политбюро, состоявшего из 5 человек, вошли Л.Д. Троцкий и Л.Б. Каменев, уже в марте 1921 г. членом политбюро стал Зиновьев, т.е. в 1921–1922 гг. из пяти членов политбюро трое были евреями (остальные двое – Ленин и Сталин). В 1922–1926 г. в составе политбюро были 7 человек, в том числе те же 3 еврея. В июне

1924 г. в состав кандидатов в члены политбюро был введен Г.Я. Сокольников. В процессе последовавшей за смертью Ленина борьбой за власть победил Сталин, и к концу 1926 г. евреи были изгнаны из политбюро. По едкому замечанию Радека (Собельзона) «Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин из Политбюро» (77, с.244). Максимальный удельный вес в ЦК евреи занимали в 1917–1918 гг. – 25%. В период с 1918 по 1939 гг. удельный вес евреев в составе ЦК колебался в пределах от 10 до 18%. Максимальное число евреев в составе ЦК в течение этого периода было в 1934 г. – 24 человека, или 17,6% (всего – 136). Затем количество евреев в ЦК резко уменьшается: в 1939 г. – 14, в 1952 г. – 5.

Такая же картина наблюдалась и в национальном составе правительства страны, и в других ведомствах. В 30-е годы заместителями председателя Совнаркома были Р.С. Землячка, Л.М. Каганович и Л.З. Мехлис, наркомы Б.Д. Ванников, С.З. Гинзбург, Н.М. Анцелович. К ним можно добавить Литвинова, Ягоду, Розенгольца, Вейцера, Калмановича, Любимова, Каминского и Беленькова. По словам А.И. Солженицына в 1936 г. в правительстве СССР было 9 наркомов-евреев. Заметное место евреи занимали в Красной Армии. Не говоря уже о первом наркоме по военным и морским делам Троцком, его заместителем был Склянский. В дальнейшем заместителями наркома обороны и начальниками Политуправления Красной Армии были Гамарник и Мехлис. К ним добавим командармов Якира, Смушкевича, Штерна и т.д. (91).

Еще разительнее картина была в органах внутренних дел, которые на практике осуществляли политические репрессии. Известно, что Дзержинский, поляк по национальности, в своей деятельности на посту председателя ВЧК единоплеменников не брал евреев к себе на службу. Но он принял на работу в ОГПУ под давлением Якова Свердлова, тогдашнего председателя ВЦИК, его дальнего родственника Ягоду. Последний, той же национальности, что и Яков Михайлович, став главой НКВД, назначил руководителями комиссариата и его основных подразделений центрального аппара-

та своих единоплеменников, среди которых были: Дерibas, Трилиссер, Шпигельгласс, Гессельберг, Берензон, Шварцман, Агранов (Сорензон), Блюмкин и др. В созданном в 1934 г. ГУЛАГе, как главным управлением, так и преобладающей частью территориальных лагерей стали руководить: Берман, Рапопорт, Коган, Фирин, Аперт, Кацнельсон, Финкельштейн, Шкляр, Полин, Фридберг, Абрампольский, Файвилович, Залигман и др. В целом единоплеменники Ягоды командовали 95% лагерей ГУЛАГа (3). В ноябре 1936 г. среди руководящих работников НКВД славян было 37%, евреев – 39%, кавказцев – 5%, латышей, поляков и немцев – 15%. К середине 1939 г. в составе руководящих кадров НКВД славян уже было 80%, евреев – 4% и кавказцев – 9%.

В состав руководства страны с 1917 по 1952 гг. входили 68 евреев, тогда как украинцев было 49, армянин – 34, грузин – 26, белорусов – 16, азербайджанцев – 14 и пр. (3). Мы объединили в одну группу украинцев с белорусами, во вторую – армян, грузин и азербайджанцев и сопоставили их по участию в руководстве страны с евреями. Оказалось, что доля украинцев и белорусов в руководстве страны в те довоенные годы была меньше, чем их доля в населении в 2,6 раза, доля народов Закавказья в составе руководящих кадров была выше их доли в численности населения этих шести национальностей в 2,9 раза, а евреев – больше в 6 раз. При этом надо учесть, что большинство из деятелей – не евреев входили в состав руководства не СССР, а своих союзных республик: Украины, Белоруссии, Армении, Азербайджана и Грузии, тогда как евреи «рулили» на общесоюзном уровне. В.В. Беспалов, резюмируя свое исследование, в котором тщательно собраны и структурированы сведения о национальном составе репрессивных органов, заключает, что «Важнейшими структурами каждого государства должны руководить представители коренной национальности, исключения возможны, но они должны быть именно исключениями» (3). С этим нельзя не согласиться. Конечно, национальная структура руководящих партийных и правительственных органов не должна

иметь такие перекосы, какие были в 20–30-е годы. Но их устранение весьма незначительно увеличило масштабы репрессированных в 1937–1938 гг. Так, доля евреев в составе заключенных к началу 1939 г. не превышала 1,5%.

Помимо этих трех, мало значимых для формирования тех масштабов осужденных за политические преступления, которые были в 1937–1938 гг., имеется еще, по крайней мере, три объективные и одна субъективная причины, не сопоставимые по своей значимости с рассмотренными выше. Первые три причины в совокупности и каждая в отдельности угрожали безопасности государства, его поступательному движению в направлении как строительства нового социалистического общества, так и наращивания экономической мощи государства, повышения уровня его социально-экономического развития.

Первая из этих причин – внешняя угроза существованию самого государства, находящегося в условиях враждебного капиталистического окружения. Об этом пишет большая группа исследователей политических репрессий (37, 51, 54, 74 и др.). Некоторые из авторов, относящих эту причину к числу важнейших, часто ссылаются на В.М. Молотова, который считал, что в надвигающейся опасности фашистской агрессии необходимо было уничтожить остатки враждебных сил в стране. То, что СССР находился в капиталистическом окружении, враждебном к первому «государству рабочих и крестьян» – не идеологический штамп, а неотвратимая реальность тех лет.

В тот период в Советском Союзе, помимо того, что он был слабым по своей оборонной, прежде всего, экономической, мощи, отсутствовало единство и сплоченность всех звеньев общества, у части населения сохранялся дореволюционный менталитет и пр. К тому же, еще свежа была в памяти, интервенция 14 государств, пытавшихся, каких-то 15–20 лет назад задушить молодую республику. Более того, в середине 30-х годов Европа дышала преддверием новой войны.

Приход в 1933 г. в Германии к власти нацистской партии означал возросшую угрозу Советскому Союзу. Гитлер в своем манифесте – книге «Моя борьба» не скрывал ненависти к Советскому Союзу, считая его будущим жизненным пространством для немцев, которое надо очистить от десятков миллионов человек. В том же году в Риме был подписан пакт четырех держав – Англии, Германии, Франции и Италии. Это был, по сути, сговор против СССР, но никто, ни на Западе, ни в новой России, за редким исключением, ныне не возмущается этим, как например, секретными протоколами Молотова – Риббентропа. В 1935 г. Италия напала на Абиссинию и поработила её. После этого Италия выходит из Лиги Наций. В это же время Германия рвет в одностороннем порядке Версальский мирный договор и развязывает себе руки в наращивании вооружений, требует изменения границ и др.

В июле 1935 г. происходит двустороннее нарушение Версальского мирного договора – заключается Англо-Германское морское соглашение. Помимо создания военно-морского флота, Германия усиленно вооружается. В 1936 г. у нее было уже 4,5 тыс. самолетов, построено 400 аэродромов, произведено 1,5 тыс. танков и пр. Летом 1936 г. началась интервенция Италии и Германии в Испанию, оказание вооруженной помощи взбунтовавшемуся против законной власти, генералу Франко. В начале 1938 г. Германия осуществляет аншлюс Австрии. В том же году в Мюнхене главы Германии, Италии, Франции и Англии (Гитлер, Муссолини, Даладье и Чемберлен) договариваются о расчленении Чехословакии, граничащей с Советским Союзом. Все это происходило на западных рубежах Советского Союза.

Подобное наблюдается и на восточных рубежах. На границах Советского Дальнего Востока еще в дореволюционное время (в 1910 г.) Корея стала колонией милитаристской Японии. В 1932 г. вблизи дальневосточных и забайкальских границ Япония создает марионеточное государство Маньчжоу-Го, а в 1937 г. захватывает Пекин и вторгается в Центральный Китай, оккупирует Шанхай,

Тяньцзинь. Эти территориальные захваты агрессивной Японии создали реальную угрозу сибирским и дальневосточным регионам СССР. То, что это не пустая декларация, показали последующие события. Япония вслед за развертыванием агитационной кампании вокруг якобы «спорных территорий» (прямо-таки сегодняшний сюжет вокруг Южно-Курильской гряды) на границе Маньчжоу-Го с российским Приморьем, в начале июля 1938 г. развязала вооруженный конфликт в районе озера Хасан. После ожесточенных боевых столкновений 9 августа 1938 г. советские войска очистили территорию от японских захватчиков. Чуть позже, в 1939 г. тоже территориальные споры, но теперь уже с Монголией, переросли в столкновение на р. Халхин-Гол, где Япония получила отпор от Монгольской народной республики, поддержанной Советским Союзом.

Таким образом, страна стояла перед возможностью войны на западе и востоке. Добавим, что Германия, Италия и Япония к тому времени уже создали «антикоммунистический блок», направленный против СССР. Усилия заключить с Англией и Францией пакт о взаимопомощи оказались напрасными из-за позиции этих государств. Последовавшее за этим заключение пакта о ненападении с гитлеровской Германией, явилось вынужденной мерой. То, что фашисты нападут на Советский Союз, не вызывало сомнений, но только когда? Надо было оттянуть время и подготовиться к обороне, одним из условий чего было обезопасить тыл от возможных рецидивов.

Победа СССР над фашистским блоком разорвала капиталистическое окружение. Эта победа достигнута совместно со странами антигитлеровской коалиции, ставшими по необходимости союзниками во Второй мировой войне. Вот что говорил У. Черчилль, выступая по радио 22 июня 1941 г.: «...Нападение на Россию – не более чем прелюдия к попытке завоевания Британских островов... Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам...». Не случайно в духе сказанного, шло умышленное откладывание открытия Второго фронта, да и

объяснимо выступление У. Черчилля в 1946 г. в американском городе Фултоне.

После разгрома фашизма на смену «враждебному капиталистическому окружению» пришел раскол мира на два, кстати, также враждебных лагеря, военные потенциалы которых стали достаточными, чтобы сдерживать друг друга от возможных столкновений. Но тогда, в предвоенные годы, этого не было, Советский Союз был, по сути, одинок. Такова история, от нее никуда не уйдешь, даже если ежеминутно призывать на помощь демократию, права человека и другие ценности, о которых сразу же забывают, как только начинают греметь пушки.

Чтобы обезопасить страну от надвигающихся угроз, еще в мае 1935 г. создается Оборонная комиссия Политбюро для руководства подготовкой страны к возможной войне с враждебными СССР державами. В последующие годы происходит перевооружение армии, пополнение военно-морского флота, укрепление границ и т.д. Вместе с тем, руководство страны, в первую очередь Сталин, судя по выше приведенному высказыванию Молотова, были убеждены, что помимо создания оборонного потенциала, необходимо также уничтожить или, хотя бы обезвредить, шпионов, диверсантов и прочие враждебные элементы.

Поскольку эти «враждебные элементы» были не явными, а потенциально возможными, началась рубка леса с плеча. А лес рубят щепки летят. Первые решения политбюро ЦК ВКП(б) уже последовали в марте 1936 г. В частности, было принято решение о мерах по ограждению СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов. Последовавший приказ НКВД разъяснял, что переходящие границу перебежчики, независимо кто они (профессиональные революционеры, политические беженцы и т.д.) – это вражеские агенты, которых надо арестовывать. В результате к сентябрю 1938 г. было рассмотрено 228 тыс. дел лиц, перешедших границу. Из их числа осуждено 219,7 тыс., в т.ч. из них получили высшую меру 172,8 тыс. человек, т.е. почти

80% (37). Избежали наказания, если судить по разности цифр между теми, на кого были заведены дела и теми, кто был осужден, примерно 8 тыс. человек.

1937–1938 годы – это время репрессий против тех национальностей, этнические корни которых находились в сопредельных с Советским Союзом странах. Часть этих стран, к примеру, Польша, были враждебны к СССР, другие, хотя и не граничили с Советским Союзом (Германия), но не скрывали своих намерений уничтожить не только его вместе с коммунистическим режимом, но и очистить жизненное пространство от нескольких десятков миллионов славян, т.е. советских людей.

С июля 1937 г. как из рога изобилия посыпались директивы и приказы НКВД, строго следовавшие указаниям партийного руководства в лице политбюро ВКП(б). В июле 1937 г. НКВД приказывает в 5-дневный срок арестовать всех германских подданных, в том числе и политических эмигрантов, работающих или ранее работавших на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, а также на железнодорожном транспорте. Это опасение можно понять, но ведь вслед за арестами этих бывших или настоящих германских подданных, работавших на оборонных объектах стали арестовывать и тех, кто был занят в таких сферах как хранение зерна, животноводство, водопроводы, энергетика, научные организации, занимающиеся микробиологией и пр. пр. По словам того же Ежова, враг проник во все сферы государственного управления и отрасли народного хозяйства.

Это же относится и к аресту лиц других национальностей, которые ныне называются не титульными. В августе 1937 г. предписывается начать операцию, направленную на полную ликвидацию местных отделений «Польской организации войсковой» и закончить её в 3-месячный срок; одновременно приказано провести «румынскую операцию» в отношении эмигрантов и перебежчиков из Румынии в Молдавию и Украину. В ноябре издается директива НКВД о проведении операции в отношении перебежчиков из Лат-

вии, активистов латышских клубов и обществ; в декабре приказано провести операцию в отношении греков и распространить репрессии по «латышской линии» на эстонцев, литовцев, финнов, а также болгар. Далее в январе 1938 г. следует директива НКВД об «иранской операции», а в феврале – о «национальной операции» в отношении болгар и македонцев и чуть позже об арестах по «афганской линии». Наконец, в июне 1938 поступает директива Наркомата Обороны об увольнении из РККА военнослужащих тех национальностей, которые не представлены на территории СССР.

По всем этим директивам было осуждено свыше 210 тыс. немцев, поляков, греков, румын, латышей, эстонцев, финнов, литовцев, болгар, македонцев, афганцев и некоторых других. Из этого числа к высшей мере были приговорены свыше 161 тыс. человек или 76% всех осужденных, причем свыше половины из них приходилась на поляков (52,4%), а вместе с немцами – 2/3 всех приговоренных к высшей мере. Среди всех осужденных в 1937–1938 гг., доля этих национальностей, попавших в компанию по борьбе с диверсантами, шпионами и террористами, составляет 15,8%, тогда как среди всех приговоренных к высшей мере – 23,6%. Причем, если доля, приговоренных к высшей мере среди всех осужденных, равна 51%, то среди лиц этих национальностей, как уже сказано, достигала 76% (6).

По данным, которые приводит С.А. Кропачев, лиц, указанных национальностей было репрессировано не 210 тыс., а в 1,7 раза больше, т.е. 366 тыс. человек, из которых 173 тыс. были приговорены к высшей мере (47,3%). В их числе немцев было осуждено 54,8 тыс., в т.ч. к высшей мере приговорено – 41,9 тыс., поляков соответственно 139,8 и 111,1 тыс. и т.д. (47). Эти цифры показывают, что доля лиц не титульных для СССР национальностей в общем числе осужденных в 1937–1938 гг. достигала 27,2%, а приговоренных к высшей мере – 25,4% (47). Перепись, проведенная в 1937 г., зафиксировала в составе населения СССР 2227 тыс. поляков, немцев, греков, финнов, латышей и эстонцев. Их доля в насе-

лении составляла -1,4%, а среди всех осужденных согласно первому источнику – 9,5%, второму – 16,4% и, соответственно, приговоренных к высшей мере – 7,3 и 7,8%. Независимо от разноречивости цифр, во всех случаях интенсивность репрессий лиц не титульных национальностей, намного превышает подобное относительно других народов Советского Союза. Это же относится и к доле приговоров к высшей мере в составе осужденных.

К национальностям, представляющим по логике сталинского режима поголовно потенциальных шпионов, диверсантов и террористов, а также перебежчикам границы СССР, кроме того была приравнена многотысячная группа «харбинцев». Еще в 1935 г. советское правительство продало Манчжоу-Го Китайско-Восточную железную дорогу. Многие её работники вернулись в СССР и тут же попали в разработку органов госбезопасности. В сентябре 1937 г. в соответствии с приказом НКВД, направленным против «террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из так называемых харбинцев» начался их арест. В 1937–1938 гг. практически все «харбинцы», а их было 52,9 тыс. человек, были арестованы (47). По другим данным в течение 1937 г., на который была намечена операция по «ликвидации террористической деятельности, диверсий и шпионажа японской сети репатриированной из Харбина», было репрессировано 19 тыс. человек (103). Еще по одному источнику «харбинцев» было осуждено почти 30 тыс., из которых 19,3 тыс. приговорены к высшей мере (7). Наконец, В. Снитковский утверждает, что в 1937–1938 гг. по «харбинской линии» было осуждено 46,3 тыс. человек, в т.ч. приговорено к расстрелу – 31 тыс. (86).

Высшая мера и лагеря – были не единственными репрессиями, выпавшими на долю этих народов. Та часть из них, которая проживала в приграничной полосе и относилась к титульным народам сопредельных стран, подверглась принудительному переселению в удаленные от границ районы страны. Еще в 1936 г. из Украины в Казахстан было переселено примерно 45 тыс. поляков

и немцев. Затем уже в 1937 г. с Дальнего Востока, его южных регионов, граничащих с подчиненным Японии государством Маньчжоу-Го, были переселены в Казахстан и Узбекистан 172 тыс. корейцев. Часть из них после победы над Японией, возвратилась на Дальний Восток, где пополнила оставшееся после японцев на Южном Сахалине корейское население. В него вливались интеллигенция и руководящие кадры, «приводные ремни» советской власти в Сахалинской области.

На декабрь 1937 г. пришелся процесс ликвидации национальных автономий (районов, сельских советов) и различных культурно-образовательных учреждений. Чуть позже, после воссоединения западных районов с Украиной, Белоруссией и Молдавией, находившихся в составе Польши и Румынии, началась высылка с этих территорий польских граждан. А.С. Барсенков и А.И. Вдовин приводят данные о том, что выслано было около 200 тыс. человек (37). Завершает эти предвоенные переселения, мотивированные необходимостью обезопасить приграничные районы, осуществленная в 1941 г., уже после начала военных действий, депортация немцев из Саратовской и Сталинградской областей. В августе была ликвидирована республика Немцев Поволжья. Было предписано переселить из городских и сельских поселений 479,8 тыс. лиц немецкой национальности, включая и членов ВКП(б). Местами их расселения выбраны были Казахстан (подлежало переселению туда 125 тыс. человек) и Сибирь (Алтайский и Красноярский края, Новосибирская и Омская области).

Здравый смысл подсказывает, что в то время, когда фашистские войска рвались к Волге, эта мера была жизненно необходима и для государства (обезопасить от возможного использования нацистами советских немцев в войне), и для советских немцев (отказ от службы фашистам мог стоить им жизни). Но по окончании войны советское государство, а это все тот же, Сталин, должно было разрешить (а возможно и помочь) выселенным немцам вернуться в свои исходные места. Но такой шаг в сталинские времена – это не-

правдоподобная фантазия, оставшееся такой же, и для последующих лет, включая и период горбачевской перестройки, когда объединения советских немцев пытались хоть что-то вернуть в своем довоенном положении. Не вышло, и тогда многие из них поехали в Германию.

Итак, резюмируя, отметим, что примерная цифра осужденных из числа потенциальных, так называемых, шпионов, диверсантов и террористов, к которым относятся перебежчики из-за границы, лица тех национальностей, которые проживали в приграничных районах с теми государствами, откуда их этнические корни, а также «харбинцы», т.е. бывшие работники КВЖД, объявленные агентурой японской разведки, достигает по разным источникам 450–600 тыс., в числе которых к высшей мере приговорено примерно 350–400 тыс. человек. В рамках 1937–1938 годов это составляет в среднем по этим цифрам 40% всех репрессированных и 55% всех приговоренных к высшей мере.

Другая причина политических репрессий, не менее важная, чем обезопасить страну от проникновения шпионов, диверсантов и террористов, состояла в необходимости уничтожения «пятой колонны», внутреннего врага, представители которого, по мнению Сталина и его клики, проникнув во все сферы жизни советского общества, создав контрреволюционные организации и осуществляя вредительскую деятельность в различных отраслях хозяйства, представляли «социально опасный элемент».

Выдвигая эту идеологическую догму, Сталин не был оригинален. До него многие её придерживались. Еще Демосфен в одной из своих речей говорил, чтобы быть непобедимым, надо устранить внутренних врагов. Но у Сталина эта догма, кстати, широко пропагандируемая средствами культуры (к примеру, талантливый фильм «Большая жизнь»), опиралась на его же постулат, что «уничтожение классов достигается не путем затухания классовой борьбы, а путем её усиления», или происходит «усиление классовой борьбы по мере завершения строительства социализма». Отсюда важней-

шая задача – уничтожить остатки эксплуататорских классов, а также и их приспешников.

Эту часть населения, подлежащую репрессиям, с большой долей условности можно разделить на две группы, первую из которых составляли представители бывших эксплуататорских классов. К середине 30-х годов в населении Советского Союза еще оставался большой слой тех, кто до революции относился к господствующему классу или находился у него на службе. В их числе оставались бывшие военнослужащие белой армии, не покинувшие страну, полицейские, жандармы, церковные деятели, муллы, участники антисоветских вооруженных выступлений, т.е. все пострадавшие в недалеком прошлом в результате революции. Часть из них была занята в жизненно важных для государства сферах. Так на начало ноября 1936 г. среди руководящих работников НКВД «бывшие», т.е. выходцы из служащих, помещиков и мелкой буржуазии, составляли 52%. К июлю 1939 г. их доля сократилась до 10%. Очевидно, что часть из «бывших», проживая на своей исторической родине, не признавала новую, чуждую им советскую власть.

В числе этой группы особенно досталось священнослужителям от зверствующих атеистов. В 1937–1938 гг. было арестовано 165,2 тыс. священнослужителей, из которых 106,8 тыс. – расстреляно. Пострадали не только православные служители культа, но и католические, исламские, иудейские и др. священнослужители. Большая часть репрессий приходится на 1937 г., когда из 136,9 тыс. осужденных 2/3 были расстреляны (7). А.С. Барсенков и А.И. Вдовин считают, что общее число пострадавших работников культа вместе с мирянами в 1937–1938 гг. составило 200 тыс. человек, из которых половина была казнена (37).

К первой группе репрессированных можно отнести также и кулачество, которое советское руководство считало последним эксплуататорским классом. Он и стал первой крупной жертвой политического террора, причем раньше, чем массовые репрессии затронули другие слои общества. В июле 1937 г. политбюро прини-

мает решение «Об антисоветских элементах», на места поступает распоряжение взять на учет всех возвратившихся в родные места кулаков и уголовников (в решениях о репрессиях кулаков уголовники упоминаются везде как приравненные к ним), а наиболее враждебных расстрелять. В конце месяца утверждаются списки этих и других антисоветских элементов, сроки проведения операции, её финансирование, определяются новые лагеря для их содержания и т.д. К лету было осуждено 818 тыс. кулаков, в т.ч. приговорены к высшей мере – 436 тыс. человек (4, с. 86).

Суммарно количество лиц не титульных для СССР национальностей, служителей культа и кулаков, осужденных в годы террора, согласно тем источникам, которые использованы при анализе осуществленных в отношении них репрессий, не укладываются в общую сумму репрессированных в 1937–1938 гг. (она равна 1345 тыс., а этих категорий репрессированных – свыше 1,2 млн.), причем количество приговоренных к высшей мере выходит за всякие рамки (всех приговоренных – 682 тыс., а указанных лиц – свыше 700 тыс.). Трудно сказать, какие цифры насколько завышены. Скорее всего, они завышены и по национальностям и, особенно, по кулакам, в число которых, видимо, включены те, кого репрессировали в более ранние сроки. Поэтому приведенные масштабы репрессий по этим категориям осужденных, не будучи сколько-нибудь точными, характеризуют лишь порядок цифр.

Вторая группа репрессированных включает представителей либо бывших партий, в той или иной мере сотрудничавших в разное время с большевиками (меньшевики, эсеры, анархисты), либо из тех, кого исключили из рядов ВКП(б), значительную часть которых составляли лица, когда-либо поддерживавшие различные оппозиционные блоки. С 1933 г. до конца 1934 г., затем возобновленная в мае 1935 г., в стране проводилась генеральная чистка ВКП(б). К началу чистки в партии состояло свыше 1,9 млн. человек. Из этого состава было исключено 18,3%. Продолжившаяся после чистки проверка партийных документов добавила к числу ис-

ключенных еще примерно два десятка тысяч. Наконец, с января по сентябрь 1936 г. была проведена замена партийных билетов, результатом чего явилось исключение еще 18% членов партии (74).

Исключенные, а тем более, бывшие оппозиционеры, едва ли, сохранили «любовь» к своей бывшей партии. Не случайно в феврале 1937 г. начальник Управления кадров ВКП(б) Г. Маленков сообщал в записке И.В. Сталину, что в результате чисток образовался слой, примерно в 1,5 млн. человек, озлобленных и представляющих для страны опасность. Уже в марте 1937 г. фабрикуется дело о японо-троцкистских диверсионных группах в нефтяной промышленности, а апреле – в военно-химической промышленности и прочих отраслях, в сельском хозяйстве и других сферах занятости. В июне 1937 г. НКВД принял решение во исполнение указания политбюро выслать из Москвы и еще 5 городов, в их числе Сочи, где отдыхали вожди и по соседству была резиденция Сталина, лиц, вычищенных из партии, и семьи репрессированных.

Говоря об этой группе, следует заметить, что её численность не могла быть столь значительной как количество кулаков или даже лиц тех национальностей, которые не были титульными для страны. Об этом свидетельствуют, по крайней мере, два факта, широко представленные в публикациях. Во-первых, арестованных и высланных из ряда городов жен «врагов народа» было не более двух десятков. Да и среди заключенных их доля в 1937–1938 гг. увеличилась не более чем на 1,5 процентных пункта. Надо думать, что большинство репрессированных бывших партийцев были людьми женатыми. Во-вторых, Сталин просматривал списки осужденных, заботясь, чтобы не пропустить никого из своих недругов. В эти списки попало 44 тыс. осужденных, из которых 39 тыс. получили высшую меру. Списки с инациональными лицами, перебежчиками, кулаками и пр. едва ли, его интересовали.

Третья причина достаточно тесно переплетается с предыдущей, в частности с репрессиями по отношению к бывшей партийной, советской и хозяйственной номенклатуре. Ряд историков, как

отмечает О.В. Хлевнюк, считают, что основной целью репрессий была кадровая замена – уничтожение старых функционеров и замена их молодыми, преданными вождю работниками (99). Не вызывает сомнений, что нужно было заменить устаревшие кадры, причем во всех звеньях народного хозяйства. Объективно такая задача, хотя и не в таких чудовищных формах, но обязательно встала бы перед любым другим лидером Советского Союза во времена, когда государством предпринимались героические усилия вырваться из отсталости и выйти в число развитых стран мира и не оказаться беспомощной жертвой в мире, в котором всю первую половину XX века происходили военные конфликты, кульминацией которых явились Вторая мировая война и вероломное нападение фашистской Германии со своими сателлитами на Советский Союз.

Ко второй половине 30-х годов состарившаяся и не соответствующая по профессиональным, а многие – и моральным качествам, номенклатура являлась, тем не менее, опорой советского строя. Этот слой составляли члены партии с большим партийным стажем, в т.ч. и дореволюционным. Среди них были руководящие кадры партийных, советских, хозяйственных организаций, командный состав Красной Армии и НКВД. В их глазах Сталин не являлся непререкаемым авторитетом, они помнили о провалах строительства нового общества в 30-е годы, о ленинском «завещании» и пр. В моменты острых кризисов, как, например, во время голода 1932–1933 гг., вызванного коллективизацией, у части руководителей проявлялось недовольство сталинским руководством, они в ряде случаев стали саботировать указания, исходившие из Москвы. Со временем, многие из обюрократившейся номенклатуры, к тому же, как отмечает О.В. Хлевнюк, некомпетентной и развращенной властью, стали предпочитать спокойную, материально обеспеченную жизнь, окружать себя еще менее чем они сами, способными помощниками из своей родни, друзей и пр. (99). Помимо клановости в подборе кадров и борьбы различных группировок, в их среде процветало барство, тратились огромные средства на собственное обустройство и т.д.

Одни из исследователей этой проблемы считают, что Сталин хотел эту устаревшую номенклатуру напугать в преддверии 18 партсъезда и выборов в Верховный Совет СССР, другие, – что он хотел положить конец борьбе кланов и группировок внутри руководства СССР, третьи, – что Сталину надо было укрепить свои позиции, т.к. он не обладал абсолютной властью и ему часто противостоял Коминтерн, где крутились (прямо-таки сегодняшняя терминология) огромные деньги. Как бы то ни было, но в этих людях, бывших в прошлом опорой политического строя, а ныне обиженных властью, Сталин и его окружение усматривали питательную среду для всевозможных оппозиций, особенно в условиях обострения «классовой борьбы» или военных столкновений.

Помимо политического, был и не менее опасный экономический аспект. К середине 30-х годов экономика СССР столкнулась с кадровыми трудностями. После революции к руководству всех звеньев хозяйства пришли вчерашние комиссары, командиры и партизаны, т.е. люди, умевшие хорошо стрелять и рубить шашкой, но, как привило, не имевшие образования и профессиональных навыков. «...«Академиев» я не проходил, – говорил, воспетый Д. Фурмановым легендарный В.И. Чапаев, – я их не закончил...» (98, с.80). Завоевав власть, большинство из них не хотело учиться новому ремеслу. Во времена моего студенчества в Куйбышевском плановом институте, декан промышленного факультета, доцент Д.Е. Кравцов рассказывал, как бывшие комиссары сдавали ему экзамены. Они приходили, садились напротив преподавателя и, выложив на стол маузер в деревянном футляре, молча, смотрели в глаза экзаменатора. Попробуй в такой обстановке не поставь «удовлетворительно». У теперешних студентов, обучающихся на коммерческой основе в российских вузах, такая же ситуация. Правда, в их взаимоотношениях с ВУЗом, а порой и с преподавателем, ныне используется не маузер, а нечто посильнее.

С такими кадрами невозможно было войти в число техниче-

ли, причем значительно раньше, чем занялись арестами лиц не титульных для страны национальностей. К марту 1937 г. было арестовано в аппаратах наркоматов тяжелой промышленности 585 человек, просвещения – 228, легкой промышленности – 141, путей сообщения – 137, земледелия – 102 и т.д. (9, с.206.) Эти аресты стали возможными, поскольку уже в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) в стране было подготовлено 107,4 тыс. инженеров и 623 тыс. специалистов средней квалификации. В эти годы из числа рабочей молодежи, прошедшей обучение на рабфаках и институтах, выросли многие талантливые руководители, такие, к примеру, как Н.А. Вознесенский (в 35 лет стал председателем Госплана СССР) или А.Н. Косыгин (в том же возрасте назначенный наркомом текстильной промышленности СССР) и др.

Смена кадров привела к тому, что в 1939 г. четверть в руководящем составе номенклатуры была в возрасте 20–29 лет, 45% – в возрасте 30–39 лет, а старше 50 лет было всего 6,5%. Замена кадров шла и по другим ведомствам. Если в ноябре 1936 г. среди руководящих работников НКВД высшее образование имели 15%, среднее – 45% и начальное – 35%, то в июле 1939 г. эти цифры соответственно составляли 38, 36 и 19%. Кстати, эта структура, осуществлявшая политический террор, в наибольшей мере и пострадала от него. С приходом в НКВД Ежова были репрессированы 2273 сотрудника НКВД за контрреволюционные преступления, а вернее за то, что были людьми репрессированного наркома Ягоды. С приходом Берии к ним прибавилось еще 937 человек, уже людей Ежова. В течение 1937–1938 гг. всего было репрессировано 20 тыс. сотрудников этого ведомства. Позже часть из них была восстановлена в органах (74).

Другой вождь или в других условиях мог бы мягко провести замену одних руководителей другими. Но к этому времени Сталин уже пережил состоявшийся в 1934 г. XVII съезд партии. Сталину не нужна была новая оппозиция, тем более состоящая из авторитетных, опытных в борьбе за власть людей. Особенно это относи-

лось к силовым структурам. Заметим, что он менял не одних отставших от жизни в прошлом боевых соратников на таких же других, а заменял их новыми, выросшими уже в советское время. На смену лозунгу «техника решает все» пришел новый – «кадры решают все» И это был не только лозунг. Это было руководство к действию, и НКВД действовал.

Значимой, если не самой главной является еще одна, субъективная причина, личная для Сталина. Этим собственно и вызван был, если не сам политический террор, то уж бесспорно срочность его проведения, т.е. начало и завершение в течение менее чем двух лет. Эта причина – борьба за власть. И.С. Сталин не был уверен в лояльности всех старых руководящих кадров, причем, особенно той части военачальников и гражданских чиновников, с кем ему пришлось встречаться в годы, предшествующие его избранию генеральным секретарем: в дореволюционное время и в период гражданской войны. Тогда будущий вождь занимал не очень высокую нишу в руководящей иерархии. К примеру, будущая жертва репрессий М. Тухачевский занимал более высокий пост, чем Сталин, и хорошо знал, что тот собой представляет. Сталин был членом военного совета тех частей Красной армии, которые, наступая на Варшаву, потерпели сокрушительное поражение от польских войск (десятки тысяч красноармейцев попали в плен и там погибли). Позор, да и только, для будущего вождя.

Подобное относилось и к Троцкому, Каменеву, Зиновьеву, ряду других признанных вождей революции и их сторонников. Сталину вплоть до 1922 г. до их уровня и положения было очень далеко. К тому же, они знали, какую незавидную, а часто и неблагоприятную роль (занимался экспроприацией денег для содержания партийных лидеров) играл он в дореволюционные годы, да и последовавшее за ними время. «Террорист», да и только, а они «вожди», причем по своей натуре не честнее и лучше Сталина. Он в отличие от них не страдал самонадеянностью и знал себе цену. А вот что о его недавнем соратнике, наиболее реальном конкуренте, счи-

тавшем Сталина посредственностью, говорил, к примеру, Черчилль: «...у Троцкого звериная жестокость Джека Потрошителя» (89). Кстати, не Сталин или Ленин, а именно Троцкий учредил институт заложников из родственников царских офицеров. Будучи политиками, все они, и Каменев, и Зиновьев и другие, были не только безжалостными, но и беспринципными людьми, достаточно почитать их покаянные речи, в которых они восхваляли победившего их Сталина. Свидетели его восхождения к власти были не нужны, тем более что они представляли не столько бывших соратников, сколько реальных соперников в борьбе за власть.

В истории борьбы за власть в России есть один любопытный момент. В стране, где преобладающее большинство населения – русские, за власть боролись отнюдь не они. На самом вершине пирамиды, о чем говорилось выше, вначале находились кроме Ленина, Троцкий, Каменев, Зиновьев. Затем верхнюю нишу стали осваивать Сталин, Орджоникидзе, Микоян, Енукидзе и т.д. Эту диспозицию хорошо передал Константин Симонов. Во времена его учебы в ФЗУ в начале 30-х годов, в училище ходил по рукам листок, в котором была нарисована река с высокими берегами. «На одном стоят Троцкий, Зиновьев и Каменев, на другом – Сталин, Енукидзе и не то Микоян, не то Орджоникидзе – в общем, кто-то из кавказцев». Под этим текст: «И заспорили славяне, кому править на Руси» (83). Они и их сторонники боролись за власть, и кто-то должен был проиграть. Издавна известно, что существует три вида страсти: любовь, деньги и власть, последняя из них самая страшная и жестокая. Она для побежденных бывших соратников завершилась высшей мерой.

После смерти Сталина дважды происходили схватки за власть. Сперва Н.С. Хрущев и другие члены политбюро ЦК КПСС спасали свою жизнь в смертельном противоборстве с Л.П. Берией и его окружением, а затем Л.И. Брежнев и его сподвижники бескровно отобрали власть у Н.С. Хрущева. В начале 90-х годов российская история вновь повторилась, но в более мягких формах: «демократ» Б.Н. Ельцин, о чем уже упоминалось, обстрелял из танковых орудий

засевших в центре Москвы, в «Белом доме», бывших своих соратников, а теперь противников, тоже «демократов» А.В. Руцкого и Р.И. Хасбулатова. Чем не фарс, напоминающий ту трагедию, которую разыграл И.В. Сталин со своими бывшими соратниками?

1937 год стал началом массового террора потому, что на XVII съезде партии против Сталина проголосовало вопреки партийному менталитету немислимое число делегатов съезда. Драматург Э. Радзинский в своей книге о Сталине, ссылаясь на выживших после этого «съезда победителей» председателя счетной комиссии Затонского и члена комиссии Шатуновскую (вождь явно не доглядел!), пишет, что против Сталина проголосовало 270–290 делегатов. На самом деле проголосовало 289 делегатов. После вскрытия уже в постсталинские времена пакета с бюллетенями того съезда, хранившегося в партийном архиве, оказалось, что в нем не хватает 166 штук. Легенда приписывает Сталину афоризм (нравится многим нынешним политическим деятелям), что не важно, как голосуют, важно как подсчитывают голоса. Итак, среди делегатов, а среди них были многие руководители разных уровней, уже существовала скрытая оппозиция. Конечно, верить во всем творческой личности, драматургу трудно, но в его рассуждениях есть железная логика. Не случайно, что из 139 партийных руководителей, присутствовавших на 17 съезде партии и избранных членами и кандидатами ЦК ВКП(б), своей смертью умер 31 человек (77). Всего из 1966 делегатов съезда было арестовано 1103, из которых расстреляно 848 человек.

К началу 1937 г. до нового XVIII съезда партии оставалось всего два года. Надо было спешить. Иначе при таком раскладе можно и потерять власть. Сталин, как бы к нему не относиться, был одаренный, с железной волей, выдающийся государственный деятель XX века. Но одновременно Сталин был жестоким, мнительным и мстительным человеком, человеком, умевшим дожидаться своего часа. И он затаился. Не в 1935, не в 1936 гг. разгула репрессий не было. Наоборот, количество политических заключенных в 1936 г. даже сократилось. Прежде всего, нужно было обновить руководящие кадры.

Постепенно освобождать их от работы, причем в массовом порядке было опасно. Сделать это надо было быстро, за 1,5–2 года.

Таким образом, важнейшими причинами репрессий, масштабы которых в течение 1937–1938 гг. превзошли все, что было до и после этих двух роковых лет, сводятся к необходимости обеспечить любой ценой безопасность государства, уничтожить во имя построения социализма остатки последнего эксплуататорского класса и обновить кадровый состав во всех хозяйственных и партийных сферах. Этим, как это не банально выглядит, была прикрыта жестокая, бескомпромиссная борьба за власть. При такой версии, объясняющей репрессии, можно дать вполне логичный ответ на резонно возникающий вопрос: почему для начала массовых репрессий избран был 1937 год и как только были устранены основные противники и их сподвижники, а также повышена безопасность государства, они сразу же прекратились.

* * *

Итак, среди всех причин, обусловивших масштабы да и сроки начала политического террора, основными, по нашему мнению, являются: во-первых, необходимость, находясь во враждебном капиталистическом окружении, обезопасить страну от надвигающихся внешних угроз (отсюда в каждом инациональном для страны человеке видели шпиона, диверсанта или террориста); во-вторых, боязнь консолидации всех обиженных результатами то ли революционных преобразований (бывшие, кулаки), то ли меж- или внутрипартийной борьбы, особенно в период возможных экстремальных ситуаций; в-третьих, требование, в интересах дальнейшего партийного строительства и хозяйственного развития осуществить в кратчайшие сроки замену не соответствующих новым техническим условиям работников, несмотря, а скорее даже вследствие их революционного прошлого; и, наконец, боязнь Сталина и его ближайшего окружения утратить власть (последнее явилось лейтмотивом для всех остальных причин).

Глава 4

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР, ЕГО ПЕРИОДИЗАЦИЯ И СОПУТСТВУЮЩАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНЕ

Во второй главе было показано, что несопоставимо огромная часть репрессий в течение 33-х лет правления И.В. Сталина пришлась на 1937–1938 гг. В то двухлетие было репрессировано 33,1% всех осужденных за время его правления, причем 87,5% – приговорено к высшей мере. Именно поэтому, существует полное единодушие относительно того, что эти два года и есть время «Великого» террора». Однако относительно сроков кульминации политических репрессий и периодизации времени их осуществления существуют разные мнения. Прежде всего, надо назвать Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского, сделавших подборку документов о репрессиях, принятых политбюро ВКП(б) и соответственно – НКВД с 1936 по 1939 г. (4). На основе анализа этих документов они распределили трехлетие 1936–1938 гг. на 4 периода:

– 1-й с октября 1936 г. по февраль 1937 г. (осуществлялась установка на чистку партийной и прочей элиты, необходимой в условиях надвигающейся «империалистической агрессии», для перестройки карательной системы);

– 2-й с марта 1937 г. по июнь 1937 г. (декретирование борьбы с «агентами иностранных разведок», продолжение чистки элиты и разработка операций против кулаков, национальных диаспор и т.д.);

– 3-й с июля 1937 г. по октябрь 1938 г. (реализация массовых репрессий – кулацких, национальных, членов семей изменников родины, участников военно-фашистского заговора и т.д.);

– 4-й, его начало относится к ноябрю 1938 г, а завершение – к 1939 г. (прекращение массовых репрессий, устранение большинства механизмов внесудебной расправы, частичное освобождение арестованных и пр.).

Эту периодизацию без каких-либо уточнений приводит также В. Снитковский, называя четвертый этап «бериевской оттепелью» (86). Можно поставить в заслугу Н.Г. Охотину и А.Б. Рогинскому попытку периодизации времени политического террора. Более того, за океаном, скорее неведомо для них, нашелся последователь. И, тем не менее, нельзя принять эту периодизацию как конструктивную для анализа процесса политического террора. Дело в том, что в каждом процессе, а политический террор также процесс, имеются три различных по назначению этапа или стадии, которые приурочены к тому или иному времени. Прежде всего, стадия подготовительная, когда создаются предпосылки и условия для осуществления тех задач, ради которых этот процесс происходит. За первой стадией следует вторая, основная, когда собственно и решаются намеченные задачи. Третья стадия – завершающая, когда процесс либо сам затухает, либо создаются условия для его завершения. Исходя из такого представления о процессе, политический террор 30-х годов также может быть разделен на три стадии, имеющие свои границы и время наступления и окончания. Свод материалов, приводимых Н.Г. Охотиным и А.Б. Рогинским, а также С.А. Кропачевым, заимствованный из архива Сталина(50), позволяет выделить время подготовки, проведения и завершения политического террора.

Очевидно, первое, что надо напомнить, почему массовые репрессии начались в 1937 г., а не раньше, хотя задолго до этой даты было и «враждебное капиталистическое окружение», и борьба с левым и правым уклоном, и шло «обострение классовой борьбы», и кадры хромали на обе ноги? До самого конца 1934 г., пока не за-

вершился период ломки крестьянского хозяйства, создания колхозов и преодоления во многом связанного с этим голода, только безответственный руководитель решился бы на массовые репрессии. Сталин таковым не был, ему не нужна была ситуация с «перегретым паром», когда клапаны не выдержали бы напора, тем более, что в те годы и оппозиция представляла еще реальную силу.

Собственно в первой половине 30-х годов И.В. Сталин не чувствовал себя еще полноправным хозяином. Это он ощутил, как уже отмечалось, по окончании работы XVII съезда ВКП(б), когда при избрании руководящих органов партии, против И.В. Сталина проголосовало почти 15% делегатов съезда. Ко всему, в том же году был убит С.М. Киров. И.В. Сталин понимал, что все, и он в том числе, «ходят под богом», что если при отсутствии какой-либо подготовки одиночка смог совершить убийство первого секретаря Ленинградского обкома партии, то, что можно сделать в других обстоятельствах. Кстати, во время открытия канала Москва-Волга было сфабриковано дело о заговоре с целью покушения на Сталина и Ежова во время посещения ими этого мероприятия. А ведь подобное могло быть и в самом деле.

Другой вопрос состоит в том, почему начало политического террора не было перенесено на более позднее время, например, на 1939 г.? Дело в том, что в декабре 1937 г. должны были пройти выборы в первый Верховный Совет СССР в соответствии с положениями новой Конституции, и что, особенно важно, на весну 1939 г. был намечен очередной XVIII съезд ВКП(б). И.В. Сталин, несомненно, понимал, что если среди делегатов XVII съезда партии, а среди них были многие руководители разных уровней, уже существовала скрытая оппозиция, то, что может случиться, если они окажутся в числе делегатов XVIII съезда ВКП(б)?

Для того чтобы одним махом решить все политические проблемы, единожды и навсегда устранить опасность для единоличной власти, еще раз отметим, что нужны были определенные предварительные условия и создать их нужно было не позже 1939 г.,

т.е. ко времени очередного съезда ВКП(б). Прежде всего, нужно было обновить руководящие кадры. Постепенно освобождать их от работы, причем в массовом порядке было опасно. Сделать это надо было в течение 1.5–2 лет. Это относилось, в первую очередь, к партийным руководителям, особенно, присутствовавшим на XVII съезде партии. Уже говорилось, что из числа бывших делегатов съезда, партийных руководителей своей смертью умерла лишь 1/5 часть (77). К началу 1937 г. обновился руководящий состав НКВД. Ягода, руководитель НКВД, в сентябре 1936 г. был заменен партийным функционером Ежовым, бывший меньшевик Вышинский, стал прокурором СССР и т.д. Проведенная в партийных рядах чистка заменила старых аппаратчиков новыми людьми, не столько преданными, сколько обязанными Сталину за свою карьеру. Оппозиция, хотя и не была полностью физически уничтожена, но потеряла руководящие посты: Троцкий давно был выслан из страны, Каменев и Зиновьев задолго до этого лишились своих постов руководителей Москвы и Ленинграда, ключевых в советско-партийной иерархии того времени. Бухарин занимал второстепенный пост, был редактором «Известий». Сопrotивление было сломлено, но надо было завершить разгром бывших соратников.

После периода коллективизации с её раскулачиванием и последовавшим голодом, надо было дать передышку стране и подготовить условия для осуществления массовых политических репрессий. Для их начала был выбран 1937 г. К этому времени нужно было радикально изменить ситуацию в стране, укрепить её международные позиции и, естественно, И.В. Сталину поднять свой статус вождя всего советского народа. В те годы он еще не назывался «вождем всех времен и народов», о нем еще как «о Сталине мудром, родном и любимом прекрасные песни...» не слагал народ. Все это требовало времени и усилий. И они тратились в полной мере. По существу все 30-е годы были временем международного признания СССР, создания в стране мощного промышленного потенциала, ломки старых устоев и формирования основ социалисти-

ческого общественного строя, демонстрации успехов и достижений на всех фронтах хозяйственного и культурного строительства.

Прежде всего, с первой половины 30-х годов, несмотря на стремительное ухудшение военно-политической ситуации в мире, а может быть и вследствие этого, стали заметно укрепляться международные позиции Советского Союза, страна постепенно выходила из почти пятнадцатилетней изоляции (к примеру, еще в начале 30-х годов в США, Канаду, Францию и Бельгию был запрещен ввоз товаров из Советского Союза). В 1933 г. устанавливаются дипломатические отношения с США, признавшие при президенте Франклине Рузвельте Советский Союз. В том же году были установлены дипломатические отношения с Испанией, в следующем году – с Чехословакией и Румынией. В 1934 г. в связи с ростом угроз со стороны фашистских Германии и Италии, а также милитаристской Японии многие страны стали искать возможности сотрудничества с СССР. После обращения тридцати стран к Советскому Союзу, он вступил в Лигу наций, хотя руководство страны отдавало себе отчет в слабости этой международной организации (будущий прообраз ООН). Её еще в 1933 г. покинули Германия и Япония, а в 1937 г. выйдет из неё также Италия. В мае 1935 г. СССР заключает с Францией договор о ненападении и взаимной помощи против возможного агрессора. Подобный договор в том же месяце заключается с Чехословакией, в следующем году – с Монголией и в августе 1937 г. – с Китайской республикой. Советский Союз постепенно становился равноправным международным игроком: с ним устанавливали дипломатические отношения, заключали договора о взаимной помощи, приглашали в международные организации.

Наряду с успехами на международной арене, все тридцатые годы страна была насыщена значимыми политическими событиями. Были проведены: первый Всесоюзный съезд писателей, Второй съезд колхозников-ударников (в это время колхозам передали земли в бессрочное, т.е. вечное, пользование), первое Всесоюзное совещание стахановцев, приняли новую Конституцию. Она закрепила победу

социализма в стране, декларировала обеспечение всем гражданам, независимо от пола, национальности, расы, вероисповедания, право на труд, отдых, образование, материальное обеспечение в старости, в случае потери трудоспособности и пр., гарантировала свободу слова, печати, собраний и митингов, неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки (статья 125). Подобная конституция годится для любой демократической страны даже в настоящее время! Выполнять бы её, – вот в чем вопрос!

Новая Конституция была принята в 1936 г. и сопровождалась созданием в стране праздничной обстановки, она, помимо декларирования прав и свобод граждан, определяла также характер предстоящих в 1937 г. выборов в новый высший орган власти – первый Верховный Совет СССР. Но, по сути, Конституция, закрепив «победу социализма в одной отдельно взятой стране», явилась ширмой, «дымовой завесой», призванной скрыть чудовищные преступления власти, совершавшиеся против «неприкосновенности личности» и тех прав, которые эта власть гарантировала.

В это же время в экономике страны разнонаправленно совершались два процесса, первый из которых – медленный прогресс деградировавшего сельского хозяйства, где проведение коллективизации вызвало не только недовольство самого большого класса – крестьянства, сопротивление кулаков и репрессии по отношению к ним, а часто и к середнякам, но и подрыв земледелия и животноводства, с чем связано наступление голода в аграрной стране. Особенно сильно было подорвано животноводство, успешно развивавшееся в двадцатые годы, предшествующие колхозному строительству. К примеру, если в 1928 г. в стране насчитывалось 60,1 млн. голов крупного рогатого скота (в 1922 г. – 40,9 млн.), то после окончательной победы колхозного строя, в 1933 г. да и в 1934 г. – 33,5 млн., т.е. почти наполовину меньше. К концу тридцатых годов так и не было достигнуто количество поголовья, которое было накануне коллективизации, в 1939 г. поголовье составляло 53,5 млн. голов (59). В результате коллективизации и более широко вследствие всей аг-

рарной политики Сталина еще многие годы после смерти кормчего крестьянские избы в центральной части страны оставались покрытыми соломой и отапливались «кизяком», а трудодень оставался теоретической формой оплаты труда (конечно, и война внесла свою лепту в разорение крестьянства).

Противоположно направленным был процесс индустриализации, создание промышленной базы и на её основе рост высокими темпами промышленного производства. В первой половине 30-х годов в стране создаются два крупнейших завода тяжелого машиностроения – Уральский и Новокраматорский, строятся электростанции, автомобильные, тракторные, станкостроительные заводы. Только во второй пятилетке (1933–1937 гг.) построено 4,5 тыс. заводов, фабрик и т.д. К их числу относятся 145 угольных шахт, 19 крупных электростанций, часть из них с мощностью 100–200 тыс. кВт, налаживается производство редких металлов, еще раньше вошли в строй Днепрогэс, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Уралмаш и многие другие народнохозяйственные объекты. В те годы открываются новые нефтяные месторождения и создаются крупные нефтяные районы, в частности, «Второе Баку», основной поставщик нефтепродуктов для фронта и тыла в годы Великой отечественной войны. Выработка электроэнергии с 13,5 млрд. кВтч в 1932 г. увеличивается до 36,2 млрд. кВтч – в 1937 г. и до 48,6 млрд. – в 1940 г. и т.д. Новые предприятия и реконструированные старые обеспечивают небывалый для мировой практики рост промышленного производства. В 1937 г. по сравнению с 1932 г. объем продукции всей промышленности возрос в 2,2 раза, а в 1940 г. – даже в 3,2 раза. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в эти годы превышали 15,5%. Ко второй половине 30-х годов, по сравнению с их началом, заметно улучшилась жизнь в стране. Голода и массового мора больше не было, уже несколько лет как карточная система была отменена (с 1935 г.), в стране царил трудовой и политический энтузиазм. В 1936 г. с мотивацией, что в обстановке улучшения народного

благополучия происходит и демографический рост, были запрещены аборты. Одновременно с этой акцией была принята обширная программа строительства родильных домов, яслей, молочных кухонь, детских садов. Расходы на эти цели были увеличены с 875 млн. руб. в 1935 г. до 2174 млн. руб. или в 2,5 раза. Помимо этого, вводилась материальная помощь многодетным семьям. В 1937 г. таким семьям было выдано пособий на сумму свыше одного млрд. руб. Для сравнения, в 1940 г. сумма всех вкладов в сберегательных кассах страны составляла всего 700 млн. руб., а среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих – 33,1 руб. (60).

В эти годы страна не только преодолевала неграмотность, но и наращивала темпы подготовки специалистов высшей квалификации: число студентов высших учебных заведений, составлявшее в 1927/28 г. 168,5 тыс., к 1932/33 г. увеличилось до 504,4 тыс., а в 1940 г. достигло 812 тыс. Это был тот человеческий капитал, который проявил себя в годы войны, создавая современное для того времени оружие для Красной Армии, а после неё позволил уберечь народы Советского Союза от атомной угрозы.

Проведенные в 1926 и 1939 гг. переписи населения, позволили определить интегральный показатель, характеризующий социальную динамику в целом, т.е. ожидаемую продолжительность жизни. За это время этот показатель возрос на 3 года, с 44 до 47 лет (это много для пропаганды, а она в тот период была умелой). Кстати, в те годы разница в продолжительности жизни мужчин и женщин составляла 5 и затем в 1939 г. – 6 лет (ныне – 12–13 лет) В тридцатые годы в развитых капиталистических странах Европы ожидаемая продолжительность жизни в начале периода составляла 61–62 года, а к 1940 г. увеличилась на 3–4 года и достигла 64–65 лет. (61). Уровень и динамика ожидаемой продолжительности жизни в СССР, конечно, далеки были от мировых показателей, к тому же они свидетельствовали об отставании развития социальной сферы от экономического роста.

Выбор времени проведения политических репрессий связан также с тем, что ближе к середине 30-х годов страна стала жить в

обстановке неподдельного патриотического энтузиазма, питательную среду для которого давали события, происходившие в то время. Прежде всего – это беспосадочный перелет В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова и А.В. Белякова в Америку. В СССР их чествуют не с меньшим восторгом, чем первого космонавта Ю.А. Гагарина в начале 60-х годов. Подобный перелет совершили также М.М. Громов, А.Б. Юмашев и С.А. Данилин, а женский экипаж (П.Д. Осипенко, В.С. Гризодубова и М.М. Раскова) беспосадочно долетел до Дальнего Востока. В тот период внимание населения было приковано к работе первой полярной станции – «Северный полюс -1», дрейфовавшей в Северном ледовитом океане. Экспедиция во главе с И.Д. Папаниным высадилась на льдину в нескольких десятках километрах от северного полюса. В 1934 г. экспедицию, возглавляемую О.Ю. Шмидтом, находящуюся на пароходе «Челюскин», затерло и раздавило льдинами. 194 человека, в том числе женщины и дети, оказались на дрейфующей льдине и зимовали там, около 5 месяцев. Вся страна переживала за «челюскинцев». Все слушали сообщения о том, как «челюскинцев» снимали с льдины летчики А. Ляпидевский, С. Леваневский, М. Слепнев, Н. Каманин, В. Молоков, И. Доронин и М. Водопьянов и вывозили их на большую землю. Эти летчики стали первыми героями Советского Союза. Все это – эпизоды освоения северного морского пути. Летом 1937 г. состоялось открытие канала Москва – Волга, который вместе с Беломоро-Балтийским каналом (открыт в 1933 г.) превратил Москву – столицу СССР в порт пяти морей и снял с повестки дня вопрос обеспечения москвичей питьевой водой.

Во второй половине 30-х годов, в частности в 1938 г. произошло вооруженное столкновение с японцами в районе о. Хасан в Приморье, Эта стычка подвернулась как никогда вовремя. В разгар политического террора разгром японских самураев был подан как триумф Красной Армии и, конечно, тов. Сталина. Чего только стоят в кинофильме тех далеких лет «Трактористы» слова популярной песни «...когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый мар-

шал в бой нас поведет». Тут еще в разгаре испанские события, в которых принимали (об этом – строго секретно) участие советские военные специалисты (в фильме «Парень из нашего города» показано как им приходилось скрывать свою принадлежность к СССР). Все это способствовало созданию морально-политического единства советского народа. Страна жила общими победами и подвигами. Надо заметить, что созданная Сталиным политическая система, с одной стороны, подавляла любое инакомыслие, а, с другой, поощряла народное творчество во всех сферах жизни, в том числе и в кинематографе, но только в рамках дозволенных властью. К примеру, лишь после просмотра фильмов вождем, они допускались на экраны клубов и кинотеатров. Тем, не менее, в этих условиях рождались шедевры вроде «Веселых ребят», «Волги-Волги» и народ веселился.

Все то, положительное, что происходило в те годы в стране, за исключением, пожалуй, «полной и окончательной победы социализма», было объективно. Причем все, что было достигнуто трудом советских людей, одновременно представляло мощные пропагандистские акции, славившие ленинскую партию и великого вождя. Чем-чему, а пропаганде Сталин уделял внимания гораздо больше, чем когда-либо и кто-либо во все времена российской истории.

И.В. Сталин, будучи выдающимся пиарщиком, еще задолго до того, как это понятие стало политической обыденностью, чтобы подготовить общество к массовым репрессиям, напугать его и воодушевить, поскольку арестовывались отнюдь не самые бедные, дал отмашку на проведение открытых судебных процессов.. Еще в августе 1936 г. в Москве проходит процесс по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», участников которого обвинили в покушении на С.М. Кирова – любимца партии (и не только партии, но и женщин) и подготовке покушения на И.В. Сталина. В итоге 16 «заговорщиков» были приговорены к высшей мере. Подобные процессы провели в ряде регионов, где осудили 160 человек. В октябре того же года по указанию политбюро проводятся новые региональные процессы, которым предпи-

сано осудить 585 членов того же центра (37). В январе 1937 г. в Москве новый процесс – теперь уже по делу «Параллельного анти-советского троцкистского центра». 13 человек приговорены к высшей мере. В сентябре ЦК потребовало от регионов, чтобы были проведены по 2–3 показательных процесса над вредителями в хранении зерна. Было предложено осужденных приговорить к высшей мере и расстрелять, о чем опубликовать в местной печати.

Итак, самым подходящим временем для политических репрессий были 1937–1938 гг. Два предшествующих года должны были обеспечить сравнительно спокойное, разогреваемое народным энтузиазмом, время улучшения Советским Союзом своей международной и внутренней ситуации. Эта подготовка захватила также и первую половину 1937 г. Лишь с июля – августа начался 15–16 месячный период политического террора, длившийся до конца 1938 г., точнее до ноября месяца, когда масштабы репрессий сошли на нет. Имеющаяся статистика, даже без помесечной разбивки, а лишь приуроченная к целым годам, тем не менее, достаточно наглядно представляет эти три стадии: подготовительную, собственно этап репрессий и заключительную сцену народной трагедии (табл.4.1).

Таблица 4.1

Количество осужденных и приговоренных к высшей мере за политические преступления в 1935–1940 гг., тыс. человек

Годы и периоды	Всего осуждено	В том числе:	
		К высшей мере	к другим формам наказания
1935	267,1	1,2	265,9
1936	274,7	1,1	273,6
1935–1936 – 1 стадия	541,8	2,3	539,5
1937	790,7	353,1	437,6
1938	554,3	328,6	225,7
1937–1938 – 2 стадия	1345	681,7	663,3
1939	63,9	2,6	61,3
1940	71,8	1,6	70,2
1939–1940 – 3 стадия	135,7	4,2	131,5

Число осужденных в 1937–1938 гг. было в 2,5 раза больше, чем в предшествующие два года, но при этом количество тех, кто был осужден к другим мерам наказания (лагерь, колония, ссылка и т.д.) превышало всего на 23%. Такое могло случиться только в одном случае – в приговорах превалировала смертная казнь. В 1937–1938 гг. количество приговоренных к высшей мере было больше, чем в 1935–1936 гг. в 296 раз! Да собственно, и количество арестованных в 1937–1938 гг. намного превышало все то, что было до этих лет. Так в 1937 г. было арестовано больше, чем в 1936 г. в 10 с лишним раз (918,7 и 88,9 тыс. человек).

Понятно, что 1939 г. – это год завершения репрессий, причем достаточно резкого прекращения арестов и особенно вынесения смертных приговоров. Если в 1935–1936 гг. было арестовано 203,4 тыс. человек, то в 1937–1938 гг. – 1548,4 тыс., т.е. в 7,6 раза больше. Но уже в следующие два года число арестованных снизилось в 9,2 раза и составило 168,9 тыс. человек. Более того, с 1939 г. наступило время частичной реабилитации, амнистии и разгрузки мест заключения. В 1939–1940 гг. было осуждено (не арестовано) почти в 10 раз меньше, чем в предшествующие два года, когда осуществлялись массовые репрессии. В 1935–1936 гг. доля смертных приговоров в общем числе политических осужденных составляла 0,4%, в 1937–1938 гг. – 50,7%, т.е. из каждых двух осужденных, один приговаривался к расстрелу. В 1939–1940 гг. число приговоренных к высшей мере в сравнении с двумя предшествующими годами стало меньше в 162 раза. Доля приговоренных к высшей мере в общем числе осужденных в завершающую стадию снизилась до 3,1%, что в 6,4 раза меньше, чем была доля приговоренных к смертной казни в составе всех осужденных в течение 33 лет сталинского правления и в 16,4 раза меньше по сравнению с 1937–1938 гг. С данными таблицы 4.1 тесно корреспондируются сведения о движении лагерных контингентов в 1935–1940 гг. (табл. 4.2).

**Движение контингента заключенных в лагерях ГУЛАГа
в 1935–1940 гг. тыс. человек***

Годы	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Наличие на 1 января	725,5	839,4	820,9	996,4	1317,2	1344,4
Прибыло в данном году	524,3	626,1	884,8	1036,1	749,6	1158,4
Выбыло в течение года	410,4	644,6	709,3	715,3	722,4	1002,3
Прирост (сокращение)	113,9	-18,5	175,5	320,8	27,2	156,1

* (28. с.14)

В 1935–1936 гг. лагеря ГУЛАГа (в них в основном находились политические заключенные, избежавшие смертной казни) пополнились на 1150,4 тыс. человек, соответственно выбыло из них 1055 тыс. Общее увеличение составило 95,4 тыс., причем в 1936 г. даже сократилось на 18,5 тыс. человек. В 1937–1938 гг. наблюдалась уже другая картина. Пополнение составило 1920,9 тыс., а выбытие – 1424,6 тыс., что обеспечило рост лагерного контингента почти на полмиллиона (496,3 тыс.). В 1938 г. прирост составил свыше 320 тыс. В 1939–1940 г. прибытие сохранилось на уровне предшествующих двух лет (1908 тыс.), но вместе с тем, выбытие превысило 1,7 млн. (1724,7 тыс.), что дало прирост всего в 183,3 тыс., причем в 1939 г. прирост исчисляется лишь в 27,2 тыс. человек.

Анализ данных таблиц 4.1 и 4.2 показывает, что если распределить процесс политического террора на стадии только по целым годам, то получится, что 1935–1936 гг. – это подготовка к проведению политического террора, 1937–1938 гг. – годы террора и завершение его приходится на 1939–1940 гг. Но начало крупномасштабных политических репрессий приходится не на первые месяцы 1937 г., а на середину года. К сожалению, помесечных данных о масштабах репрессий нет (историкам предстоит выяснить, имеются ли подобные сведения в архивах), но есть сведения о решениях на проведение массового политического террора, более того, сведения о разрядках и по составу, и по количеству тех, кого надо арестовать, а из их числа – расстрелять.

В работе Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского (4), а также С.А. Кропачева (47) и некоторых других дается перечень постановлений политбюро ЦК ВКП(б) и приказов НКВД о репрессиях. Непосредственно определению объемов, состава, сроков проведения, выносимым мерам наказания и другим подобным вопросам было посвящено свыше трех десятков заседаний политбюро ВКП(б). Кроме того, проводились еще Пленумы ЦК, отправлялись на места письма, телеграммы и пр.пр. Можно все эти решения и указания распределить по тем периодам, которые составляют стадию подготовки, проведения и завершения политического террора.

К периоду подготовки репрессий следует отнести решение политбюро в марте 1936 г. о мерах ограждающих проникновение на территорию СССР шпионов, диверсантов и террористов. Были ужесточены процедуры получения разрешений на въезд в СССР зарубежным коммунистам, производится переучет политэмигрантов и т.д. С целью очистки приграничных районов Украины от неблагонадежных элементов принимается решение об их переселении в Казахстан и пр. Сентябрьским постановлением ЦК партии в том же году троцкисты из передового отряда международной буржуазии переqualифицируются в шпионов, диверсантов и фашистских вредителей. В декабре на пленуме ЦК заслушивается отчет НКВД о выявленных троцкистских группах. СНК СССР принимает решение о высылке из приграничных местностей Азербайджана в Иран и отдаленные районы страны неблагонадежных элементов. В феврале–марте 1937 г. проходит пленум ЦК, посвященный обоснованию начавшихся репрессий в партийно-комсомольской среде. На этом пленуме выступил И.В. Сталин с докладом «О недостатках партийной работы и о мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников». В конце марта политбюро предписывает уволить из РККА всех лиц, исключенных из партии по политическим мотивам. В июне И.В. Сталин вносит предложение о высылке жен осужденных руководителей. За его подписью в районы ушли 2 шифротелеграммы – о выселении корейцев и об аресте всех латышей,

подозреваемых в шпионаже, и одна почтотелеграмма – о репрессировании греков. Добавим два закрытых письма (первое – о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР и второе – о террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из «харбинцев»). В конце июня на пленум ЦК вынесен доклад НКВД о заговоре, существующем во всех звеньях партии и государства. Заключительным аккордом подготовительного периода явилось июльское постановление политбюро ЦК ВКП(б) 1937 г. «Об антисоветских элементах». В свете этого решения в региональные партийные органы рассылается директива за подписью Сталина и Молотова, которая предусматривает меры борьбы с «врагами народа». Все эти и другие указания вождя и партийного руководства затем обретали конкретику в директивах, циркулярах, приказах НКВД и прокуратуры, в которых подробно расписывалось сколько, кого, к каким мерам приговорить и т.д. Судя по охвату репрессиями лиц разных национальностей и социальных групп, Сталину не под силу было упомянуть всех возможных «врагов народа», ему в этом деле помогали члены политбюро, обсуждая принимаемые решения. Это был плод «коллективного руководства». Но об этом ниже.

В директивах, принимаемых в подготовительный период, следует отметить два момента. Во-первых, почти все решения высшей партийной власти как бы мобилизовывали общество на борьбу с внешним врагом – шпионами, диверсантами и их агентурой, проникшей в различные звенья партии и государства. Внешний враг всегда сплачивает наш народ. «Важная сторона «сталинских репрессий», – отмечает С.Г. Кара-Мурза, – заключается в том, что действия власти получали массовую поддержку» (42). Добавим, что власть умела получать от населения нужную поддержку.

Во-вторых, до июля 1937 г. не было установок относительно общего числа лиц, подлежащих осуждению, включая вынесение высшей меры. Для отдельных групп такие цифры устанавливались,

как, например, по лицам тех или иных национальностей, но общей разрядки не давалось. Лишь решением июльского политбюро были установлены нормативы, материализованные в приказе НКВД. Предусматривалось репрессировать 268950 человек, из которых 75950 человек (1 категория) расстрелять и 193 тыс. (2 категория) подвергнуть другим мерам наказания. Если не обращать внимания на аптекарскую точность относительно того, сколько надо расстрелять (не 76 или 75 тыс., а именно 75950), то видно, что предлагалось соотношение между 1 и 2 категориями как 1 к 2,6. В действительности же получилось 1 к 1-му. (табл. 4.1). Органы НКВД, как впрочем, и партийное руководство, на местах старались.

С начала августа началась вакханалия «Великого» террора, длившаяся вплоть до ноября 1938 г. Это – месяцы безумия власти, её подельников, пресмыкателей и доносчиков, вписавших кровавые страницы в российскую историю. В эти 15 месяцев принимались решения по следующим вопросам: о составе комиссии ЦК ВКП(б) по судебным делам, об утверждении положения об Особом Совещании, об утверждении руководителей особых троек, о продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности, о создании особых троек и т.д.

Другую группу составляли решения об аресте тех или иных национальностей, перебежчиках, работниках репрессируемых национальностей в разных отраслях народного хозяйства. В частности, были приняты решения об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах, о выселении корейцев из Дальневосточного края, об аресте баев и мулл, об иранских гражданах, о переселении китайцев с Дальнего Востока, об аресте всех перебежчиков, о кадрах оборонной промышленности («очищали» от лиц немецкой национальности) и др. Как уже говорилось, доля репрессированных по национальному признаку в общем числе репрессированных в 1937–1938 гг. составляла примерно 1/3.

В этот период политбюро не забывало принимать решения и о выселении из Москвы, Ленинграда и Киева троцкистов, зиновьев-

цев и др., о выселении семей троцкистов и правых, о заключении в лагеря жен осужденных изменников родины, об антисоветских элементах, об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии бывших кулаков, уголовников и активного антисоветского элемента и т.д. и пр. Эти меры относились в основном к «бывшим», т.е. остаткам от дореволюционного прошлого, к тем, кто был в иных, кроме коммунистической, партиях, к лицам «вычищенным» из ВКП(б), и особенно к кулакам и уголовникам. В эту разношерстную группу осужденных попало 865 тыс. человек (864,8 тыс. – это разность между общим числом осужденных в эти два года и их количеством, осужденном по национальному признаку). К высшей мере было приговорено 317 тыс. человек. В этой группе доля приговоренных к высшей мере была ниже, чем в группе, собранной по национальному признаку. Добавим, что в числе решений политбюро был его любимый вопрос, который рассматривался каждые полтора месяца. До 10 раз в повестке политбюро был «Вопрос НКВД», где заслушивался отчет о работе карательной системы и давались ей новые наставления. НКВД согласовывал с политбюро и докладывал ему о количестве репрессированных по двум категориям: высшей мере и другим мерам наказания.

В январе 1938 г. состоялся пленум ЦК «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии» Ему предшествовало решение политбюро о перегибах в Куйбышевской области. Но это еще не было сигналом к завершению репрессий, ибо в то же время принимается постановление политбюро о продлении операции по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из национальностей, не являющихся народами страны; об утверждении дополнительного лимита по «кулацкой операции» на Дальнем Востоке; О дополнительном лимите по «кулацкой операции» для Украины; О дополнительном лимите по «кулацкой операции» для Читинской области; О передаче «оставшихся нерассмотренных следственных дел на арестованных по контрреволюционным национальным контингентам» на рассмотрение «Особых троек» на местах.

Понятно, что арест лиц не титульных для СССР национальностей из приграничья и перебежчиков представлялся, как благое намерение обезопасить страну от шпионов и диверсантов. Это было как-то понятно населению, хотя масса не причастных к этому людей и страдала. Но устранение возможной оппозиции, старых кадров, особенно уничтожение кулаков, ставших из зажиточных аграриев обездоленной массой, а также запугивание собственного населения – это все делалось исключительно для укрепления власти вообще и «лично тов. Сталина» в особенности. Страх – это великая сила, форма уважения власти, пресмыкательства перед ней, её почитания.

Одновременно разжигалась ненависть к тем, кого арестовывали, они были из слоя зажиточных в нищей в то время стране. Секретари райкомов, председатели гор/райисполкомов, директора предприятий, военачальники и пр. в те далекие времена жили лучше, чем колхозники, рабочие и другие трудящиеся категории. Повторим, народ относился без особой любви к бывшим высокопоставленным деятелям, вроде Зиновьева или Каменева, и осуждал их во время громких процессов.

В тот период репрессии явились мощным вкладом в формирование такого типа человека, главное свойство которого – боязнь не только верховной, но и любой власти. Это закладывалось в течение тысячелетия: 300 лет монгольского ига, а также всевластия в последующие столетия князей, царей, бояр, помещиков, партийных руководителей, всевозможных директоров и других начальников. После непродолжительного раскрепощения в двадцатые годы (в то время появилась масса позже запрещенных книг) народ вновь почувствовал «десницу божью». Добавим, что Сталину повезло: пока капиталистические страны боролись с Великой депрессией (1929–1933 гг.), спадом производства и многолетней безработицей, в СССР полным ходом шла индустриализация, вклад в которую вносили и приглашенные иностранные специалисты, осуществлялась коллективизация, на болезненные стороны которой Запад не реаги-

ровал по той же причине и в связи с назревающим в Европе перераспределением политических сил. Затем с приходом в Германии к власти Гитлера, Европе стало не до того, что происходило в СССР. К тому же мир не мог быть достаточно информирован о том, что происходило в СССР в условиях закрытости страны. Об этом говорят восторженные высказывания «о государстве рабочих и крестьян» известных писателей и публицистов, посещавших его. Среди них – такие знаменитости как Бернард Шоу (Великобритания), Лион Фейхтвангер (немецкий писатель, мигрировавший в США), Ромен Роллан (Франция) и др.

В октябре 1938 г. состоялось решение политбюро о создании комиссии для разработки проекта постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия. Не торопясь, почти, что за полтора месяца был подготовлен этот документ, утвержденный политбюро 15 ноября, а уже 17 ноября 1938 г. было принято постановление партии и государства по этому вопросу. Признав допущенные перегибы со стороны органов НКВД, в тот же день был освобожден от должности Ежов, на которого вскоре взвалили всю вину. В годы репрессий, после замены Ягоды Ежовым, его значимость стала искусственно раздуваться. До войны было принято в шутку или всерьез пугать «ежовыми рукавицами», причем эти рукавицы воспринимались как должные меры. Ежова на посту наркома внутренних дел сменил его заместитель Берия, которого ряд авторов считают (в их числе И.В. Пыхалов) чуть ли, не предтечей демократии и перестройки (74). Вопрос только в том, мог ли Берия что-либо сделать без согласия или указания Сталина? Это даже не вопрос. Дело в том, что Сталин почувствовал перебор, а Берия, получив указание вождя, как талантливый менеджер, успешно справился с этой задачей и приобрел, соответственно, за это часть лавров.

Во исполнение принятого ЦК и СНК решения, НКВД отменяет все приказы и директивы о проведении массовых операций, все следственные дела, находящиеся в производстве, передаются в су-

дебные органы и Особое совещание. Декларируется возвращение к «нормам социалистической законности» Аналогичный приказ рассылают и прокуратура. В НКВД принимается директива – считать утратившими силу все приговоры внесудебных органов, если они не приведены в исполнение или не были объявлены осужденным до 17 ноября. В декабре ЦК ВКП(б), СНК СССР и ВЦСПС меняют уголовные наказания на административные взыскания за опоздания на работу и прогулы.

О.В. Хлевнюк, комментируя начало этого заключительного этапа, пишет, что карательные операции как и начинались централизованно, так же и завершились по указанию сверху (99). С этого времени прекращается деятельность всех чрезвычайных судебных органов, (в частности, ликвидированы тройки), запрещено проведение массовых операций, указано аресты производить только по решению суда и санкции прокурора. Начался период «торжества» социалистической законности. В середине ноября в местные партийные организации поступила директива ЦК ВКП(б) об очистке органов НКВД от враждебных людей, проникших туда обманным путем. Очистка органов НКВД от «враждебных», а точнее ненавистных народу «опричников», могла бы карательную систему оставить полностью без её сотрудников, если бы Сталин в начале января 1939 г. не отправил на места телеграмму, взяв их под защиту.

Итак. В течение двух лет политического террора (точнее за 15–16 месяцев) относительно численности населения СССР в 1939 г. (до включения в него присоединенных западных регионов), составляющей 170,6 млн. человек, в стране было подвергнуто репрессиям 0,8%, и чуть меньше 0,4% было приговорено к высшей мере наказания. Это, конечно, не политические репрессии, затронувшие каждую отдельно живущую семью, тем более – не расстрел (вдвое меньшее число). Но все это, учитывая существующее между людьми родство, свойство, дружбу, знакомства, было для всех и предупреждением, и наставлением на будущее.

Тем не менее, не надо думать, что советское общество находилось в обстановке кромешного страха. Это было бы, по словам Марка Твена, сильным преувеличением. Ведь в деревне репрессиями затрагивался не самый большой слой крестьян, а его меньшая часть, к тому же самая зажиточная. Середняки и особенно бедняки вступали в колхозы, в которые вливалось не только их, но и имущество кулаков. То же самое и в городе, рабочих особо-то не затронули репрессии. Кому они были нужны. А подрастающим поколениям с каждым новым процессом, учителя в школах объясняли, кто такие «враги народа». И все это происходило на фоне торжества социализма, роста экономики, повышения уровня жизни и сплывающих народ песен, которые писали Лебедевы-Кумачи, Дунаевские и др.

* * *

Итак, политический террор не был спонтанным явлением, он — тщательно подготовленная акция, для которой был выбран наиболее подходящий момент. К этому времени Советский Союз помимо укрепления своего международного статуса, добился существенных результатов в развитии экономики, по крайней мере, её промышленного сегмента. В стране шло постепенное улучшение благосостояния трудящихся, до того подорванное коллективизацией и развалом сельского хозяйства. Страна гордилась достижениями в строительстве каналов, дорог, крупных промышленных объектов, освоении Арктики, развитии авиации и пр.

Наряду с этим создавались необходимые условия для начала массовых репрессий: были приняты соответствующие постановления политбюро ЦК ВКП(б), укреплена карательная система, проведены показательные процессы над «врагами народа», доведен до нужной точки кипения энтузиазм народа, подогреваемый достигнутыми успехами и истерией вокруг шпионов, диверсантов и вредителей, проникших во все сферы жизни страны. К тому же, наступ-

пило время, когда больше нельзя было откладывать нанесение удара по мнимым и реальным противникам режима. Лишь когда была устранена та часть элиты, которая в наибольшей мере беспокоила вождя, укреплявшего свою власть, наступил конец политическому террору. Если на подготовительной стадии было репрессировано 542 тыс. человек, а в годы террора – 1345, то по завершении этой акции было осуждено всего 136 тыс. человек. Еще нагляднее вынесение смертных приговоров во время этих трех стадий: 2,3 тыс., 681,7 тыс. и 4,2 тыс., соответственно.

Глава 5

СТАЛИН КАК ВДОХНОВИТЕЛЬ И ОРГАНИЗАТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Историки, политологи и ученые других профилей, не говоря уже о специалистах «по всем вопросам», давая оценку политическим репрессиям, отмечают несколько наиболее принципиальных, вызывающих непримиримые споры проблем. Одна из них – определение масштабов политических репрессий в сталинское время вообще и в период 1937–1938 гг. в особенности, рассмотрена в двух первых главах настоящей книги. Проблема оценки масштабов политического террора, имеющая политический привкус, тем не менее, является статистической, а её муссирование происходит, либо вследствие, незнания архивных данных, которые, как уже отмечалось, давно ввели в научный оборот В.Н. Земсков и ряд других исследователей, либо из-за упорного нежелания признавать отчетность НКВД – МВД, поскольку она официальная. К тому же, зачем менять мнение по этой проблеме, тем более, что это мнение наше («по нашему мнению», «нам кажется» и пр.).

Другая проблема, имеющая нравственный, политический, да и исторический аспекты, – это споры о роли в процессе политических репрессий И.В. Сталина, как первого лица в государстве, возглавляемом им в течение 33 лет. Здесь речь идет уже не о том, признается или нет имеющаяся статистика. Здесь споры идут между устойчиво сложившимися позициями тех, кто пытается выяснить

роль Сталина в российской истории. Очевидно, что когда пройдет 150–200 лет от того времени, в которое еще оставались живыми те, кто пострадал от политического террора, или их дети, ощутившие на себе, что значит быть детьми «врагов народа», то о Сталине скорее всего, будут судить просто как об исторической личности. По словам маршала А.Е. Голованова Сталин в одной из бесед заметил: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет её» (104).

Естественно, что Нерон, Калигула или Гитлер так и останутся нарицательными персонажами в человеческой истории, но Сталин в силу того исторически важного, что сделано под его руководством, вероятно, присоединится к Цезарю, Александру Македонскому или даже Наполеону, которые при всем своем величии, также проявляли неоправданную жесткость и губили массу невинных людей. Возьмем, к примеру, более близкие к нам по времени военные баталии Наполеона. В тех случаях, когда ему упорно сопротивлялись, он просто напросто вырезал целые города. Так в марте 1799 г. во время египетского похода ему отказался сдаться г. Яффа. Взяв город штурмом, Наполеон разрешил солдатам не только его разграбить, но и приказал перебить всех жителей, включая женщин и детей. Более того, дал указание расстрелять 4 тыс. защитников, которые сдались ему под честное слово, что им сохранят жизнь (90). Это – одно из многочисленных доказательств того, что завоевателей стран и народов спустя сотни лет почитают, как великих полководцев, государственных деятелей, забывая, что вместе с покорением стран, они уничтожали сотни тысяч, а порой и миллионы невинных людей (кстати, во время похода Наполеона в Россию, было уничтожено 2 млн. её жителей). Подобные «подвиги» можно назвать и во внутренних деяниях. Следует только вспомнить, сколько было загублено крестьянских жизней, чтобы возвести град, названный именем Петра Великого. Подобных «деяний» сотни, если не тысячи, в мировой истории и в России, в том числе. Словом Сталин был не одинок.

Именно потому, что Сталин – сложная, неоднозначная личность, в оценке его роли в политическом терроре в современных публикациях существуют две непримиримые крайности. Первая из них – стремление поставить на одну доску Сталина и Гитлера. Небезызвестный Збигнев Бжезинский утверждал, что Сталин был большим убийцей, чем Гитлер (52). Ему в какой-то мере вторит журналист-эмигрант В. Снитковский, по мнению которого во Второй мировой войне Сталин совместно с Гитлером привели к смерти десятки миллионов людей (86). Более мягким выглядит такое показательное название достаточно глубокого исследования о судьбе советских людей, превращенных фашистами в оstarбайтеров, как «Жертвы двух диктатур» (72). Подобное название – не просто перебор, это очень большой перебор. И дело даже не в том, что Сталин был главой государства, внесшего основной вклад в разгром гитлеровских армий и в освобождение Европы от фашизма, а в том, что преступления нацистов настолько чудовищны и по идеологии, и по масштабам, и по способам их проведения, что им нет равных в мировой истории.

Чтобы отвергнуть эту точку зрения, обратимся к немецким ученым. Они считают недостойным проводить параллели между «Архипелагом Гулаг» и Аушвицем (81). К Освенциму можно добавить Майданек, Бухенвальд и сотни других фабрик убийства людей и промышленной переработки их останков. Одно дело – безжалостное отношение к части собственного народа (менее одного процента населения страны), другое – идеологически мотивированное уничтожение помимо собственных инакомыслящих граждан в несопоставимо больших масштабах неугодных народов. Только евреев в годы войны было истреблено 6 млн. человек. Крематории работали не отывая. Если к евреям добавить русских, поляков, сербов, белорусов, немцев и других, то эта цифра перевалит за два десятка миллионов.

Другая крайность в оценке роли Сталина в политических репрессиях сводится к тому, что инициатива их проведения исходила не от него, а от партийной элиты, в частности от Хрущева, Эйхе

и пр., и что с трибуны XX съезда КПСС запущены «гнусные мифы» о якобы «сталинских репрессиях», что, наоборот, «... в интересах всех народов СССР, Сталин хотел начать подлинную демократизацию страны, провести свободные выборы на альтернативной основе и тем самым мирным путем удалить от власти сложившуюся партократию, ...заменяя их уже выросшими при Советской власти профессионалами. Он мечтал вернуть страну к спокойной жизни и проводить внешнюю и внутреннюю политику, сообразуясь лишь с национальными интересами России (СССР)» (54). Это даже не позиция автора, это шедевр «для всех времен и народов».

Для пущей важности этот защитник Сталина перекладывает его вину не только на партийную элиту, но и на Ленина, называя его палачом, который развязал террор против русского народа. Причем для подкрепления сказанного один историк – А. Мартиросян ссылается на другого историка – В. Кожина, который немного не мало, а доказал, что с 1918 по 1922 гг. погибло в 30 раз больше, чем в 1936–1938 гг. Сразу подчеркнем, что В.И. Ленин не нуждается в защите, оставаясь одним из самых величайших политических деятелей XX века, сумевшим в труднейших условиях, когда все партии и общественные силы расписались в своем бессилии, захватить и удержать власть, разгромить все соединения белой армии (Юденича, Деникина, Врангеля, Колчака и др.), отразить интервенцию 14 государств, в числе которых были США, Великобритания, Франция, Япония и т.д. Интервенты захватили Мурманск и Архангельск (Европейский Север), Владивосток и Северный Сахалин (Дальний Восток), Одессу, Николаев, Херсон и Севастополь (юг Украины). Каратели-интервенты ограбили и без того нищую страну (вывезли почти 3 млн. тонн различных грузов), истребили десятки тысяч человек (только в Архангельской тюрьме расстреляли 8 тыс. человек). В.И. Ленин не только смог отразить внутренние и внешние угрозы от молодого государства, но и в отведенное ему короткое время сумел заложить основы нового в истории человечества общественного строя. И не он виноват в том, во что превра-

тили этот строй продолжатели его дела. Нравится это кому то или нет, но факты, – как говорил В.И. Ленин, – упрямая вещь. Не надо только забывать, что было в мире в то далекое время, почти 100 лет назад. Демократии в современном представлении тогда в мире не то, что не было, ею еще не пахло даже.

Другое дело цифра погибших от террора, о ней можно спорить. У В. Кожина она должна составить 20,5 млн. человек (в 1936–1938 г. было приговорено к высшей мере 682,8 тыс. человек, у него – в 30 раз больше). Не говоря уже о том, что террор был двусторонний, таких фантастических цифр не могло быть по определению, сокращение же численности населения в начале 20-х годов по сравнению с дореволюционным временем связано с рядом обстоятельств, в том числе и последствиями Первой мировой и гражданской войн, отделением от будущего СССР тех территорий, которые вновь вошли в него перед Великой отечественной войной и пр.

Итак, чтобы дать ответ на вопрос: какая точка зрения ближе к истине, нужно выяснить какую роль сыграл И.В. Сталин в проведении политических репрессий в период, когда он возглавлял страну, и тем более в 1937–1938 гг. И чтобы Сталина не отрывать от исторической действительности, надо начать с его характеристики, как личности, как государственного деятеля. Но вначале следует вспомнить о том, какие в те довоенные годы в других странах были политические режимы, хотя бы в Европе, и кто их возглавлял? Осмыслить надо и то, какова была до Сталина, сохранялась при нем и осталась после него в нашей стране традиция отношений между простыми людьми и теми, кто был выше их по социальному статусу, служебной лестнице и имущественному положению.

Для характеристики первой координаты вспомним следующее. По окончании Первой мировой войны большевики стали создавать в России новый общественный строй (социалистический) и соответственно новую политическую систему (советскую), преодолевая внутреннее сопротивление свергнутых эксплуататорских классов и одновременно испытывая международное давление и неприятие

происходящих в стране преобразований (отсюда – дипломатическое непризнание, экономическая блокада и т.д.). А в это время в мире, особенно в Европе во многих государствах устанавливались в разных формах, включая и фашизм, тоталитарные режимы, причем надо заметить, не в социалистических (их кроме СССР, просто не было), а в капиталистических странах или, как ныне их называют псевдодемократы, в странах с рыночной экономикой.

В 1922 г. впервые фашизм победил в Италии, затем диктаторскими государствами, некоторыми из них с разной примесью фашизма стали Болгария, Албания, Польша, Португалия, Литва, Австрия, Эстония, Латвия, Греция, Румыния, Венгрия, Финляндия. В 1933 г. к власти в Германии пришел нацистский режим, а после 1937 г. Испания надолго стала профашистским тоталитарным государством. Диктаторы во всех этих странах, начиная с Италии и заканчивая Испанией (Муссолини, Цанков, Зугу, Пилсудский, Салазар, Сметона, Дольфус, Пяте, Ульманис, Метаксас, Антонеску, Хорти, Маннергейм и Франко) не стеснялись в проведении политических репрессий, правда их масштабы были поменьше, как и сами страны относительно Советского Союза.

Конечно, среди этих стран только фашизм в Германии по своим зверствам и масштабам уничтожения не только политических противников, но и людей «низшей», не арийской расы, не имеет мировых аналогов. Число жертв политического террора во всех перечисленных странах вместе с Советским Союзом во много раз меньше, чем на счету Гитлера и его нацистской клики. Слава богу, этот факт не оспаривается, хотя то, что происходило в других европейских странах, постарались забыть, а потому остался в памяти только Сталин с его кровавым режимом.

Собственно так было всегда. По разным оценкам при Иване IV за 35 лет его правления было казнено 3–4 тыс. человек (это 0,02–0,03% населения России, которое в тот период составляло примерно 16–17 млн. человек), тогда как лишь в одну Варфоломеевскую ночь в Париже было перебито от 4 до 12 тыс. гугенотов. В те же

времена в Голландии за короткий срок с жизнью рассталось 100 тыс. человек (42). Добавим, что в период реформации в Западной Европе было сожжено около миллиона «ведьм». Кроме ведьм были еще алхимики, еретики и другие жертвы инквизиции. Однако в исторической памяти только Иван IV стал Грозным, кровожадным зверем. Не повезло и Сталину. Он, конечно, не был ангелом и даже не был овцой, но он был таким, каким был не один. Сталин мало чем отличался от диктаторов других стран. Все это говорится не в его защиту, а ради справедливости, имеющей, как и многое другое, двойной стандарт даже в новейшей истории. Свидетелями чего мы и являемся в наш XXI демократический и цивилизованный век, где между декларациями о соблюдении прав человека, уважении чужого суверенитета, сохранении человеческих жизней и реальностью – «дистанция огромного размера». Во имя экономических (особенно – нефтяных) и геополитических интересов, не задумываясь, свергают неудобные режимы (Сербия, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, Египет, Тунис и т.д.), точно бомбят террористов, но попадают в мирное население, в посольства других держав (как в китайское в Белграде), создают тайные тюрьмы, в которых содержат и пытаются побежденных (к примеру, американская тюрьма «Гуантанамо» на Кубе). На таком «демократическом» фоне Сталин выглядит не таким уж кровожадным.

Вторая координата, необходимая для исторического анализа деятельности Сталина, – это традиция относительно достоинства человека, его права на самовыражение. Население России за свою тысячелетнюю, во многом трагическую историю многое пережило. Это и 300-летнее пребывание под монгольским игом, затем унижение и истребление от поляков, французов и немцев, закончившееся, в конечном счете, победой над захватчиками. К этому необходимо добавить, то, что в течение 4–5 столетий в России существовало крепостное состояние абсолютной массы населения, когда продать или убить бесправного крепостного было проще, чем выпить рюмку водки. А чего стоят 70 лет идеологической обработки советского чело-

века, приучение его к единомыслию и единообразию, естественно, идущему от главного лица в государстве. Только в таких условиях могла родиться поговорка; «ты начальник, я – дурак».

В силу всех этих исторических обстоятельств, а, возможно, и вследствие самобытности русского человека и окружающих его народов, за века выработалось богобоязненное отношение к верховной власти, будь он царь всея Руси или император, он всегда был помазанником божьим. Собственно, заодно с почитанием верховной власти, укоренилось и раболепие перед любым начальником, который распоряжался жизнью человека, его душой и телом в большей мере, чем сам владлец этих атрибутов. «Российская империя, по словам Э. Радзинского, – крестьянская страна с вековыми традициями рабства...» (77). Даже отмена крепостного права не принесла поголовно безграмотной массе крестьянства освобождения от чиновничества и веры в царя. Во всяком случае, 60 лет после отмены крепостного права, давшей крестьянам свободу, вплоть до революции 1917 г. не внесли радикальных изменений в менталитет народа. «...Россия – страна вековой покорности... нужно только захватить власть – и общество покорится» (77).

Вождизм и раболепие были созданы до Сталина, он не был исключением в этой вакханалии почитания, но Сталин стал кульминацией этого обожествления. Уничтожив в основном (в те годы все было в основном, даже построенный социализм) тех, кто был до революции в других партиях, а также тех, кого причислили к левому или правому уклону (по выражению вождя, оба уклона хуже), и наконец, тех, кого «вычистили» из ВКП(б), Сталин привил советскому народу понимание, что безопасно, не абсолютно, конечно, можно чувствовать себя только в правящей партии, и то, лишь в том случае, если строго выполнять её предначертания, т.е. следовать курсу, задаваемому партией, а точнее её лидером, каким и являлся Сталин. Скандирование в честь любимого «вождя» – лучшее доказательство преданности ему. К этому стали приучать уже в детских садах, продолжая в школах и т.д. Кстати, в довоен-

ные годы в школьных учебниках обильно присутствовали, не только портреты Сталина, но и других более мелких вождей. Но как только они становились «врагами народа», их тотчас же, либо вырезали из книг, либо, как поступал и я, замазывали чернилами. Добавим, что без исполнения песни «...о Сталине мудром, родном и любимом прекрасные песни слагает народ...» в первые послевоенные годы не обходился ни один смотр студенческой художественной самодеятельности. В таких условиях, даже уже в 30-е годы кто бы рискнул поспорить с вождем, тем более наблюдая за тем, как расправлялись с теми, кто был не согласен с курсом партии, назначенным «Великим Сталиным».

В завершение добавим мнение относительно «культы личности» Сталина, создаваемого уже в 30-е годы, окрепшего в годы войны и достигшего в послевоенный период небывалых масштабов. Д.А. Волкогонов пишет, что «...можно утверждать, что если бы пребывание Сталина на посту генсека было определено конкретным уставным сроком, культового уродства почти наверняка бы не было» (9, с.145). Наивный генерал, хоть и профессор, доктор наук, кто бы рискнул предложить такую норму в устав партии? Даже, если бы эта норма и была прописана, то все равно первым лицом оставался бы Сталин. Римские консулаты или французские директории показали, что рано или поздно первый консул и первый директор становятся единственными. Провозглашаемое много раз коллективное руководство в политбюро всегда оставалось ширмой для единовластия того, кто был первым. Наш народ всегда это хорошо понимал. Не случайно, после принятия «брежневской конституции» родилась шутка о том, что в лесу все звери равны, но самым равным среди них является лев. Даже не будь Сталин «львом», обладай он другими нравственными качествами, ему все равно пришлось бы очень трудно в тех условиях не стать тираном. Но он им был по своей природе.

Нет необходимости рассматривать автобиографию вождя. Об этом имеется огромное количество публикаций. Отошлем к достаточно объективной и доступной по изложению книге Д.А. Волко-

гонова (9). Любителям словесности можно порекомендовать книгу драматурга Э.С. Радзинского (77). В нашем же случае лишь отметим основные черты, характеризующие личность и деятельность «вождя всех времен и народов».

Прежде всего, Сталин, как бы к нему не относиться, был выдающимся государственным деятелем XX века, не уступающим по своему уровню ни Черчиллю, ни Рузвельту, ни кому-либо другому. Это признавали указанные и многие другие политики. Вот одно из высказываний У. Черчилля, остававшегося всю свою жизнь принципиальным врагом Советского Союза: «Я прибыл в Кремль и впервые встретился с великим революционным вождём и мудрым русским государственным деятелем и воином» (97, с.258). А вот характеристика, данная Черчиллем Сталину в 1959 г. в связи с 80-летием, т.е. уже после его смерти: «Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин» (77, с.10). Под руководством Сталина страна в довоенные годы преодолела вековое отставание от передовых стран и превратилась в индустриально развитое государство, сумевшее в годы войны обеспечить нужды фронта всем необходимым (вооружением, горючим и т.д.) притом, что в оккупации находилась территория, где проживало примерно 40% населения СССР. По завершении войны в течение 4–5 лет была восстановлена разрушенная экономика, отменена карточная система (1946 г.) и началось ежегодное снижение цен, значительно выросших во время войны. Как можно было не верить после этого обещаниям вождя.

Сталин, вместе с тем, был архитектором нового, не известного миру общественного строя. Помимо технического перевооружения экономики и подготовки для неё кадров, вывода страны из культурной отсталости, он, исходя из своих представлений о социализме, реформировал экономический базис. Будучи, в отличие от Ленина, догматиком и проектируя создание нового строя по теоретическим эскизам, он не считался с меняющимися реалиями и вначале уничтожил достижения Нэпа, а затем, и это главное, погу-

бил успешно развивающееся крестьянское хозяйство. Уже отмечалось, здесь лишь повторим, что за 6 лет (1923–1928 гг.) поголовье крупного рогатого скота в крестьянском хозяйстве возросло почти в 1,5 раза. Но для Сталина не это было главным, а торжество социалистической собственности и ликвидация последнего эксплуататорского класса – кулачества, невзирая на неэффективность подобных преобразований. Безответственность правителей перед обществом позволяет им проводить эксперименты над собственным народом, условиями его жизни. К сожалению, это черта не только тоталитарных режимов, в т.ч. и сталинского, но и других, часто имеющих демократический окрас.

Надо иметь в виду, что Сталин как личность формировался в специфических условиях. Он в качестве политической фигуры вступил в революцию по оценке Д.А. Волкогонова «малозаметным функционером-исполнителем, умевшим не просто ждать своего часа, но и не жалеть себя (и других – конечно), выполняя задания Ленина и партии» (9, с.8). Его не очень-то воспринимали основные сподвижники Ленина. Троцкий, по словам А. Антонова-Овсиенко, «со своим гипертрофированным самомнением», к примеру, считал Сталина «посредственностью». Да и сам Ленин, не желая усиливать и без того сильные позиции Троцкого, Зиновьева и Каменева, выдвинул в генеральные секретари самого не авторитетного, по его мнению, наркома по национальным делам.

Став руководителем партии, Сталин, помимо необходимых для укрепления его власти кадровых решений, сразу же после смерти Ленина умело воспользовался своим положением. На траурном митинге он без всяких политтехнологов и пиарщиков подготовил и произнес речь, из которой стало ясно, кому Ленин завещал дело коммунистического строительства. Он, повторюсь, в отличие от «признанных вождей революции», не страдал самонадеянностью и знал себе цену. Прежде всего, он понимал, что с его знаниями руководить такой огромной страной как СССР нельзя. Он чувствовал свою отсталость в теоретических вопросах марксизма-ленинизма и

слабость в полемике с такими львами красноречия как Троцкий и др. Учиться, учиться и еще раз учиться, как завещал Ленин.

Одаренный, обладающий железной, что там железной, дьявольской силой воли, он настойчиво учился. Д.А. Волкогонов в своей книге «Триумф и трагедия», к названию которой больше подходит «триумф вождя и трагедия народа», пишет о широте сталинских интересов, судя по списку литературы, которая была в его трех библиотеках (в квартире, в загородном доме и в Кремле). В книгах сделано множество пометок на полях и притом часто повторенных галочек, восклицательных знаков и пр. Прочитанное в книге Д.А. Волкогорова об этих подчеркиваниях, напомнило мне о посещении в январские дни 1955 г. сталинского дома, находящегося вблизи ст. Матвеевская. Придя на работу лектором в Южно-Сахалинский ГК КПСС, я сразу же был послан на месячную учебу в Москву, где таких же, как и я, собрали со всего Советского Союза примерно 200 человек. Нас поселили в доме, где раньше проживала охрана этого дома вождя. С огромным трудом мы добились, чтобы нам разрешили его посетить. Опуская все остальное, скажу только, что меня больше всего поразили эти подчеркивания и знаки на полях в книгах, особенно в сочинениях Ленина, всевозможные закладки. Обладая невероятной памятью и природным аналитическим умом, поразительной работоспособностью, умением быстро схватывать суть проблем, Сталин, перечитав огромное количество книг, стал эрудитом и хорошим полемистом, человеком, умеющим лаконично формулировать свои мысли и доносить их до слушателей. Об этом пишут в воспоминаниях о Сталине Г.К. Жуков, А.М. Василевский и др. (9). Добавлю, что во время посещения загородного дома все мы обратили внимание на ту скромность и самой постройки, и убранства, в которых проходила большая часть жизни первого лица государства в течение почти 22 лет.

Ко всему сказанному добавлю два штриха. Сталин не выдавал из себя знатока всего сущего. Он умел находить тех авторитетных людей, данными которых он пользовался в своих выступлениях.

Так в отчетном докладе XVIII съезду ВКП(б), говоря о заготовках зерна, он публично называет имя академика В.С. Немчинова, который рассчитал товарность сельского хозяйства и находится в зале. Другое. Будучи студентом, в 1950 г. в вузовской программе по истории партии, я обнаружил в списке рекомендуемой литературы – И.В. Сталин. «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Видимо, поторопились приписать эту работу перу Сталина. В издаваемом в то время собрании его сочинений эта работа отсутствовала. Видимо, не нашлось смелых самоубийц, которые предложили бы Сталину стать единоличным автором этого коллективного труда, в котором ему принадлежала, даже не глава, а лишь один из параграфов.

Будь только такие черты в личности Сталина, был он ангелом, что там ангелом – богом. Но он, скорее всего, по своему характеру был дьяволом. Он был человеком беспредельной жестокости, мстительный, ничего не прощавший, с маниакальной подозрительностью. Он не испытывал ни малейшей капли жалости, что там к чужим, даже к своим, когда-то близким людям. Известно, что в 30-е годы четверо были репрессированы по линии его первой жены (Е.С. Сванидзе), пятеро – по линии второй жены (А.С. Аллилуевой) и в довершение репрессии не обошли и жену старшего сына Якова. Интересно кто бы попробовал поднять руку на этих лиц в той или иной мере связанных свойством со Сталиным, да еще на мать его внучки Гали.

Сталин, скорее всего, был антисемитом, что ему, видимо, приходилось скрывать. С этим в какой то мере, связан такой масштабный накат репрессий на евреев, занимавших в довоенное время достаточно много руководящих постов в партийном аппарате, в НКВД, армии и т.д. Вместе с тем Сталину чертовски не везло. Старший сын Яков женился на еврейке. У дочери Светланы в бытность её молоденькой девушкой первый возлюбленный был сорокалетний еврей, талантливый сценарист, поплатившийся за свою любовь к дочери вождя дважды: сперва отправился в ссылку в

Воркуту, а затем в лагерь в Инту. Собственно и её первый муж оказался евреем, под нажимом Сталина их развели.

Завершая неполную картинку о «вожде всех времен и народов», стоит сказать, что он был и непревзойденным интриганом, специалистом по стравливанию своих политических противников. Вначале с помощью Зиновьева и Каменева он сбросил с пьедестала Троцкого – второго по авторитету вождя после Ленина. Затем с помощью любимца партии – Бухарина устранил этих двух лидеров московской и ленинградской партийных организаций, с одним из которых – Каменевым он коротал время в туруханской ссылке, заявив во всеуслышание на Пленуме ЦК ВКП(б), что не дадим крови Бухарина. Но вскоре, после того как борьба с левым уклоном переместилась на правый фланг, потребовалась и кровь Бухарина, который, оказывается, по определению Ленина, был не только любимцем партии, но путаником, никогда серьезно не учившимся.

Такой человек как Сталин не мог по определению не быть вдохновителем и организатором «всех наших побед», включая и политический террор. Он был и сценаристом, и режиссером и постановщиком политических репрессий. Замыслы его будущих «побед» в этой сфере оформлялись постановлениями послушного ему политбюро. С.А. Кропачев, как и два других автора – Н.Г. Охотин и А.Б. Рогинский, приводят перечень всех постановлений политбюро ЦК ВКП(б), приказов НКВД, различного рода директив и разного рода писем и телеграмм отправляемых политбюро и подписываемых лично Сталиным на места, в которых рассматриваются вопросы политических репрессий (4, 47, 50).

Анализируя этот список, создается впечатление, что с января 1937 г. до декабря 1938 г. другой работы в политбюро и органах НКВД не было, кроме как готовить директивы по выявлению шпионов, диверсантов и «врагов народа». За это время было принято 31 постановление политбюро (1–2 в месяц) и отправлена в регионы масса телеграмм, писем и т.д. Политбюро ЦК ВКП(б) возглавлял Сталин, он, скорее всего, инициировал и в любом случае

давал согласие на те или иные решения так называемого коллективного органа власти. Во исполнение постановлений политбюро было принято 36 приказов НКВД (по 3 в два месяца), детализирующих те решения, которые были санкционированы высшим партийным органом. К этому списку надо добавить также решения февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б), в выступлении на котором Сталин сформулировал направления и меры борьбы по ликвидации троцкистов и иных двурушников. Им же было предложено заменить Ягоду на Ежова с прибавкой, что сделать это опоздали на 4 года. Будучи знатоком человеческих душ, Сталин заранее предусмотрел, кого обречь на роль козла отпущения. Анализ документов показывает, что Сталин принимал не только самое активное участие в разработке директив по проведению репрессий среди разных групп населения, но и в детализации этих директив. Более того, политбюро при его участии утверждало списки, приговоренных к высшей мере. Таких списков обнаружено 383, в которых значатся фамилии 44 тыс. руководящих работников, из этого числа приговорено к высшей мере 39 тыс. (99). Подпись Сталина, утверждающая высшую меру, стоит на 362 списках (47). Значит, на 21 списке стоят только подписи его подельников – членов политбюро. В июле 1937 г. политбюро, читай Сталин, не только дало отмашку на начало массового политического террора, но установило первые его количественные нормативы. Было предписано осудить 268950 человек, из которых 75950 человек расстрелять. На этом заседании были утверждены не только исходные лимиты, но и сроки проведения репрессий, подпадающие под репрессии контингенты, внесудебные органы, ассигнования на это мероприятие и т.д. Недоработки не допускались!

Непосредственно Сталину посылались протоколы допросов членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), а также секретарей региональных парторганизаций. Ничего не предпринималось без согласия вождя. Так в ноябре 1938 г., когда волна репрессий уже пошла на убыль Ежов направил Сталину записку для получения

резолуции, утверждающей высшую меру. Сталин и Молотов, поставили резолюцию и свои подписи, «За расстрел всех 3167 человек». И последнее. На предложение Берии освободить накопившихся за годы войны более чем 100 тыс. неизлечимо больных заключенных, указал, что он согласен, кроме врагов народа, как особо опасных преступников. Д.А. Волкогонов замечает, что «Для «вождя» было безразлично, как умрут несчастные» (9, с.134).

В своем патологическом рвении уничтожить всех тех, кто потенциально мог быть ему опасным, Сталин был не одинок. Рука об руку с ним и под его руководством «трудились» верные соратники, не говоря уже о таких поделниках как Ежов. Сталин, затевав крупномасштабный политический террор, в своем окружении был уверен и уже не боялся потерять власть. На это было несколько причин.

Прежде всего, все, кто ему был опасен, кто не считал его абсолютным лидером, кто знал о его деятельности раньше и, главное, мог возглавить операцию по лишению Сталина власти, либо были уничтожены, либо находились «в местах не столь отдаленных». Выскажу крамольное предположение. Сталину в меньшей мере нужны были массовые репрессии, чем устранение с политической арены той части ближайшего окружения, которая могла претендовать на власть в стране и хорошо знала не очень-то выдающуюся деятельность нынешнего вождя в прежние времена. Не говоря уже о Троцком, Каменеве, Зиновьеве, которые ставили Сталина ниже себя, такие деятели как Рыков (после Ленина председатель СНК) и Томский (руководитель профсоюзов) тоже не признавали в Сталине бесспорного лидера. Сюда же надо отнести маршалов М.Н. Тухачевского и А.И. Егорова, а также И.С. Уншлихта и Р.И. Берзина, бывших в 1920 г., как и И.В. Сталин, членами военных советов армий, наступавших на Варшаву. Все вместе, включая и Сталина, оставив полякам десятки тысяч пленных, бежали из-под Варшавы. Зачем вождю свидетели той позорной военной компании? Массовые репрессии явились хорошим фоном, чтобы скрыть личные ин-

тересы Сталина по уничтожению не очень преданных или скорее наоборот, свидетелей его восхождения к власти.

Во-вторых, авторитет Сталина как вождя народа вырос до такой степени, что он не боялся, что кто-то рискнет ему возражать даже в мелочах, не говоря уже о том, чтобы его устранить силой. Вообще в российской истории за три последних века случаев радикальной замены первых лиц государства было немного. Первое радикальное изменение власти произошло, когда Екатерина II (Софья Анхальт-Цербстская), в истории – Великая, а на самом деле хитрющая, развратная немка, захватившая русский престол, после убийства её любовником Петра III (Карла Петра Ульриха), создала себе ореол великой, просвещенной императрицы, благодаря тому, что смогла убедить в этом французских просветителей Вольтера и Дидро.

Другой раз подобная смена произошла, когда с молчаливого согласия внука любвеобильной бабки Екатерины II, был задушен её нелюбимый сын Павел I, которого и при жизни, и после смерти представляли чуть ли не шутком гороховым, мнение сохранилось и до настоящего времени. В конце концов, когда-то наступит историческая реабилитация этой царственной особы. При смене власти в том и другом случаях, по сути, жертвы в отличие от их преемников-убийц, не имели поддержки в обществе (царедворцах и гвардейских офицерах).

Третья наиболее радикальная замена власти происходила в результате революции: сначала, правящая верхушка общества вынудила слабовольного Николая II отречься от престола, затем власть утратил «главноговорящий» А.Ф. Керенский. Сила была на стороне организованной партии большевиков, которые с помощью жизненно важных для большинства российского народа обещаний, привлекли его на свою сторону.

Сталину некого было бояться, т.к. он обладал железной волей, твердостью характера и предусмотрительностью, которой не оказалось у его преемников. Поэтому лишь после его смерти произошла в четвертый раз не добровольная смена власти. Впервые власть

мирно перешла от зарвавшегося и утратившего поддержку тех, кто ему был обязан своим карьерным ростом, Н.С. Хрущева к его бывшим соратникам, ставшим противниками и сумевшим объединиться во время нахождения на отдыхе первого лица государства.

Третья причина состояла в том, что окружение Сталина было настолько ниже его по интеллектуальному уровню, силе воли и общественному авторитету, что среди них не могло быть кого-то достойного. Сталин сам непрерывно учился, а часть его подельников в основном довольствовалась старым капиталом. В этом отношении показательны маршалы, не попавшие вместе с другими в мясорубку репрессий. Не говоря уже о провале финской компании, когда на одного убитого финского военнослужащего приходилось по 5–6 советских красноармейцев (нарком обороны – К.Е. Ворошилов), их отсталость в полной мере проявилась сразу же, в первые недели наступления фашистских войск. С севера на юг тремя оборонительными направлениями командовали легендарные для времен гражданской войны маршалы Ворошилов, Тимошенко и Буденный. Э. Манштейн ехидно замечает в своей книге, что немецкие генералы следили не за тем, какой маршал будет отступать, а за тем, какой из них быстрее всех побежит (96). Но притом, эти люди были преданы и обязаны Сталину своим положением. Иное дело маршал Блюхер, который показав свою неспособность во время столкновения с японцами в районе оз. Хасан тем самым обрек себя стать жертвой репрессий.

Помимо этого, и это главное, Сталин, с одной стороны, умел «опускать» тех, с кем ему приходилось работать, двое из них – вторые после Сталина лица в государстве М.И. Калинин и В.М. Молотов находились в подвешенном состоянии, их жены, одна – Екатерина Йогановна Лоррберг с 1938 г., другая – Перл Семеновна Жемчужина (Карповская) в послевоенное время находились в ГУЛАГе. Сюда же надо добавить трудоголика Кагановича, брат которого был репрессирован. В отличие от него, С. Орджоникидзе, брата которого расстреляли, покончил жизнь самоубийством, то ли

опасаясь за себя, то ли чтобы не служить этому режиму. С другой стороны, вождь не брезговал использовать тех, кто в революционные годы приобрел такое пятно в биографии, за которое всегда была возможна высшая мера (Микоян, Вышинский и др.).

При таком составе руководящего слоя в стране, не говоря уже о находящихся на более низких ступенях власти, никто не был защищен от репрессий. Только один человек оставался вне, что там вне, над всей этой вакханалией. Это благодушно улыбающийся с пышными усами и дымящейся трубкой Сталин, инициатор и организатор политического террора в стране победившего социализма.

Какие уж тут заговоры, тем более что на ниве политического террора все стали поделщиками. За постановления политбюро по вопросам репрессий голосовали все его члены. Расстрельные списки подписывал не только Сталин, но и его соратники: подпись Молотова стоит на 373 списках, Ворошилова – на 195, Кагановича – на 101, Жданова – на 177, Микояна – на 62 (47, 38). Члены политбюро совершали регулярные поездки на места с целью проведения чисток в республиканских и областных партийных организациях. Известны «командировки» Л.М. Кагановича в Челябинскую, Ярославскую, Ивановскую области, Донбасс, А.А. Жданова – в Башкирию, Татарию и Оренбургскую область, А.А. Андреева – в Узбекистан, Таджикистан, в ряд областей и краев Поволжья и Северного Кавказа, А.И. Микояна – в Армению (103).

Завершая анализ участия Сталина в политическом терроре, еще раз подчеркнем, что он был и вдохновителем, и организатором этой кровавой драмы советского народа. И, хотя в годы Великой отечественной войны, людские потери в 35–40 раз превысили количество тех, кого приговорили к высшей мере наказания в мирные 1937–1938 гг., тем не менее, мы должны всегда помнить, что в годы политического террора советские люди гибли не от внешнего врага, а от собственной власти, которую возглавлял «родной и любимый» тов. Сталин.

И самое феноменальное состоит в том, что абсолютное большинство народа в те лихие годы (многие – и по сей день) не верило, что Сталин как-то причастен к политическим репрессиям. Дело в том, что иницируя политический террор, Сталин избегал демонстрации своей причастности к репрессиям. Он все время оставался в стороне от публичности, тем более – от НКВД. Но он не только всегда «был за кадром», он еще и в нужное время выступал с осуждением перегибов партийных функционеров на местах, злоупотреблениях работников НКВД, включая их руководителей.

По завершении политического террора его инициатор и руководитель, будущий «отец народов» остался, как всегда, весь в белом, или, как ныне принято говорить, весь в шоколаде, а исполнители репрессий – по уши в дерьме. Виновником репрессий оказался Ежов, которого обвинили в сотрудничестве с иностранными разведками и террористической деятельности. В начале 1940 г. его приговорили к высшей мере и, как было принято в то время, на следующий день расстреляли. В свою очередь Сталин, по словам авиаконструктора Яковлева, вспоминая в 1941 г. период репрессий, назвал Ежова мерзавцем, разложившемся человеком, пьяницей, который загубил многих невинных людей, за что и сам был расстрелян (7).

В оценке виновников репрессий все произошло, как и в случае с коллективизацией. В марте 1930 г. Сталин публикует в «Правде» статью «Головокружение от успехов», в которой обвиняет региональных партийцев в перегибах, в том, что на местах не соблюдаются два принципа коллективизации: не учитывается разнообразие районов и нарушается добровольность. Сталин отругал их не только за искривление линии партии, но и за недостойные угрозы в адрес крестьянства и даже (учиться надо у него!) за снятие колоколов с церкви.

Но самое удивительное в том, что многие отсидевшие и даже те, кто не дождался своего освобождения, считая свой арест ошибкой, относили её на умысел и злоупотребление местных властей.

Муж сестры моей матери, т.е. мой дядя, после возвращения с Колымы убежденно доказывал, что Сталин не ведал, что творили его подчиненные. Многие столь же убежденные в том, что репрессии творят местные руководители, писали Сталину до последних дней своей сломанной жизни. А в это время вождь, выступая с «Отчетным докладом на XVIII съезде партии», гордо заявлял: «Разгромив врагов народа и очистив от перерожденцев партийные и советские организации, партия стала еще более единой в своей политической и организационной работе...» (87, с.632). Ничего другого не остается, как добавить – долгие и продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.

* * *

С возникшей эйфорией свободы в российском обществе в конце 80-х и начале 90-х годов часть ученых, писателей, политиков стала соревноваться в безудержном очернении всего того, что связано с советским временем. Отсюда появились высказывания, что репрессии – это имманентное свойство социализма или советской системы. Вместе с тем, при оценке роли И.В. Сталина в осуществлении массовых репрессий в СССР сформировались две крайние точки зрения: одна из них, высказанная еще З. Бжезинским, сводится к тому, чтобы его поставить в один ряд с Гитлером, другая, противоположная, полностью реабилитирует вождя, относя организацию репрессий на счет других деятелей советского государства.

По нашему мнению, Сталина надо рассматривать в ракурсе тех реалий, которые были в то историческое время. Сталин не был демократом, но он в мире был не одинок. Во многих европейских странах в тот период существовали тоталитарные режимы, о которых, за исключением, пожалуй, фашизма в Германии, на Западе предпочитают не вспоминать, участвуя вместе с российскими критиками в обвинении Сталина в тоталитаризме.

Несомненно, что Сталин явился вдохновителем и организатором политического террора в СССР. При этом он, с одной стороны, руководствовался тем, чтобы обезопасить страну от внешних угроз и завершить в ней социалистические преобразования, а, с другой стороны, с целью удержания и укрепления личной власти, он безжалостно уничтожал своих реальных и мнимых противников. В этом Сталину помогало его окружение. Поэтому историческую вину надо возложить не только на Сталина, но и на его подельников. Но уж такова российская традиция – первое лицо всегда является единственным, а остальные – безликим его окружением.

Глава 6

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР В 1937–1938 ГОДЫ, ЕГО ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

Политический террор второй половины 30-х годов XX столетия в Советском Союзе, направленный преимущественно против собственного населения, многими своими чертами напоминает такое историческое явление, как инквизиция, которая свирепствовала в Европе в течение нескольких столетий в эпоху средневековья. Конечно, доносы, пытки, произвол, скорая и жестокая расправа – это атрибуты не только инквизиции, этим сыта история Европы и Америки, Африки и Азии. Многие развитые страны, в числе которых и США (наш образец для подражания и почитания), еще совсем недавно «не брезговали достижениями инквизиции». Помните, давно ли исчезли суды Линча в США, унесшие по разным оценкам с конца XIX века по первые десятилетия минувшего столетия (суд Линча состоялся даже в 1951 г.) примерно 5 тыс. в основном чернокожих граждан. В ряде стран, даже у наших соседей на постсоветском пространстве и в настоящее время, не говоря уже о первой половине XX века, можно встретить методы устрашения собственных граждан, близкие к тем, которые культивировались во времена Томаса Торквемады.

Политический террор в СССР, в отличие от религиозного в католической Европе, культивировался не духовной, а светской властью, руководители которой столь же ревностно служили идее коммунистической, сколь служители бога были яркими защитниками

чистоты учения Христова. Началом массовых, не выборочных, политических репрессий послужили июльские решения высших политических органов страны. Среди них: постановление политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах», во исполнение которого за подписью первых лиц государства И.В. Сталина (генеральный секретарь ЦК ВКП(б)) и В.М. Молотова (Председатель СНК СССР) в региональные партийные организации была направлена директива, обязывающая «взять на учет всех возвратившихся в родные места кулаков, уголовников и наиболее враждебных из них расстрелять». Чуть позже политбюро постановляет арестовать всех немцев, работающих на оборонных заводах, часть из которых выслать за границу. Кульминацией явилось решение политбюро 31 июля 1937 г. об утверждении приказа НКВД «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» (4). В директиве указывалось, сколько человек нужно репрессировать и осудить как по 1 категории (высшая мера), так и по 2-й (различные другие меры). Этим постановлением политбюро и конкретизирующим его приказом НКВД была дана отмашка началу массового политического террора. Все, что было до этого, – было цветочками, за которыми посыпались как из рога изобилия смертоносные ягоды.

НКВД, обобщив поступившие с мест данные о «врагах народа», своим приказом, согласованным с политбюро, обязал, начиная с августа 1937 г., арестовать в течение 4 месяцев 268950 человек, из которых на долю тех, кого надлежало расстрелять, приходилось 75950 тыс. человек. Люди изначально, без суда и следствия, были обвинены в политических преступлениях. Приказ устанавливал исходные лимиты, в частности по Московской области – 35 тыс. человек, по УССР – 28 тыс., по Западно-Сибирскому краю – 17 тыс., по Ленинградской области – 14 тыс., по Азово-Черноморскому краю – 13 тыс., по БССР – 12 тыс., по Свердловской области – 10 тыс. и т.д. (99). В перечне отсутствовал целый ряд регионов, что дало основание О.В. Хлевнюку сделать заключение, что установ-

ленные общие лимиты были не полными. Определение этих лимитов, да еще в виде круглых цифр, свидетельствует о том, что речь шла не о выявлении реальных «врагов народа», а о квотах на их выявление. Изучение документов о механизме формирования этих разрядок, как отмечает О.В. Хлевнюк, показало, что массовые аресты проводились первоначально на основе картотек НКВД, а затем на основе «показаний», выбитых следствием (99). Проще говоря, шел подбор «нужных» лиц и их осуждение, неважно, виновные они или нет. Что уж тут статья 127 «Сталинской Конституции», гарантирующая гражданам СССР неприкосновенность личности.

НКВД не мог без согласования с политбюро увеличивать лимит, но получил право на его уменьшение и замену одной категории на другую. Вместе с тем, своим приказом НКВД разрешил регионам обращаться с просьбами на увеличение лимитов. И уже с конца августа 1937 г. от местных руководителей посыпались в Москву просьбы на увеличение лимитов. Ходатайства о даче им дополнительных лимитов, как правило, удовлетворялись НКВД по согласованию с ЦК ВКП(б). В частности, Ежов в августе 1937 г. направляет письмо Сталину, в котором пишет, что в виду большой засоренности колхозов, совхозов и промышленных предприятий Западной области беглым кулачеством и другими контрреволюционными элементами, необходимо увеличить число подлежащих репрессированию по этой области до 9 тыс. человек. А вот образец просьбы: «Для очистки Армении просим разрешить дополнительно расстрелять 700 человек. ...Разрешение, данное на 500 человек первой категории, уже исчерпывается... Микоян...». К приведенной просьбе добавим пример ответа на такую просьбу: «Дать дополнительно Красноярскому краю 6600 лимита по первой категории. И. Сталин» (51). На просьбу Кировского обкома ВКП/б/ увеличить лимит по первой категории (расстрел) на 300 и по второй (заключение) – на 1000 человек, Сталин красным карандашом написал: «Увеличить по первой категории не на 300, а на 500 человек, а по второй категории – на 800 человек» (7).

С августа по декабрь 1937 г. политбюро в ответ на просьбы региональных властей дополнительно увеличило квоты на 39,3 тыс. человек. В январе 1938 года по предложению НКВД политбюро утвердило еще лимит в 57,2 тыс. Предполагалось все операции завершить в марте того же года. В феврале увеличен лимит по кулакам для Украины на 30 тыс. человек, а в августе – на 20 тыс. для Дальнего Востока. Любопытно, что Дальнему Востоку в расчете на 1000 населения дополнительный лимит был выделен в десять раз больше, чем Украине. В конце августа установлен последний дополнительный лимит по кулакам в 3 тыс. человек для Читинской области. Местные власти, которые за прошедшее время несколько раз подвергались обновлению, решили продемонстрировать свое рвение и в течение февраля–августа 1938 г. политбюро утвердило дополнительные цифры на 90 тыс. человек. В итоге первоначальный лимит под напором региональных властей возрос почти на 200 тыс. человек (103).

Итак, согласно архивным данным, приводимым В.Н. Земсковым, В.П. Поповым, И.В. Пыхаловым и др., в течение 1937–1938 г. всего было осуждено за политические преступления 1345 тыс. человек (30, 73, 76). Если допустить, что в первой половине 1937 г. масштабы репрессий оставались на уровне 1936 г., то их величина составила бы примерно 140 тыс. человек (в 1936 г. всего осужденных было 275 тыс.). Следовательно, на вторую половину 1937 г. пришлось 651 тыс. репрессированных, что вместе с осужденными в 1938 г. дает свыше 1,2 млн. человек. Получается 70 тыс. в месяц. Для сравнения, за весь 1939 г. было репрессировано менее 64 тыс. человек.

Снежный ком репрессий образовался в связи с тем, что местная власть, получая разнарядки сверху, тут же спешно принимала «встречные планы». В отличие от тех, которые были в брежневские времена и обычно оставались на бумаге, что порождало массу анекдотов на эту тему, «встречные планы» тех времен, как показано выше, перевыполнялись с лихвой. Соревнование местных властей в погоне за увеличением им лимитов на репрессии обуслови-

валось тривиальными причинами. Среди них: стремление доказать свою лояльность и выслужиться перед руководством страны и лично тов. Сталиным (эта практика не изжила себя), боязнь, чтобы не обвинили в мягкотелости в борьбе с «врагами народа», желание расправиться с неугодными сослуживцами или «подсидеть» вышестоящего чиновника с тем, чтобы самому продвинуться по службе, и т.д. Надо сказать, что низменные стремления местных начальников поощрялись сверху.

По завершении времени террора ряд высокопоставленных деятелей государства, а также многие местные большие и не очень руководители партийных, советских, правоохранительных, хозяйственных органов либо оказались на более высоких должностях, либо сами стали жертвами репрессий. Для наглядности повторим, находящиеся на слуху примеры. Так в системе НКВД вначале расстреляли Ягodu с его сослуживцами, которого заменил Ежов, последнего заменил Берия, устранив при этом тоже большую часть сослуживцев Ежова. Сам Берия чуть позже также был расстрелян, а вместе с ним и ряд высокопоставленных чинов МВД. Другой пример. Из восьми человек, входивших в специальный судебный орган, который выносил приговор М.Н. Тухачевскому, И.Э. Якиру, И.П. Уборевичу, Р.П. Эйдельману, В.К. Путне, Б.М. Фельдману, В.М. Примакову и Я.Б. Гамарнику, пятеро: В.К. Блюхер, И.П. Белов, П.Е. Дыбенко, Я.И. Алкснис и Н.Д. Каширин были вскоре также расстреляны. Остались живыми С.М. Буденный, В.М. Шапошников и В.В. Ульрих. И те, кого судили и те, кто их судил, хорошо знали друг друга, но «пожирали сами себя». Все они боялись противодействовать Сталину, опасаясь не только за свою жизнь, но в еще большей степени за жизнь своих родных и близких. Вообще, это было время, когда бывшие друзья, хорошие соседи, нередко работавшие вместе многие годы, тотчас же отрекались от тех, кому не повезло, кто стал жертвой репрессий. Что уж там, Сталин и Бухарин жили вместе в кремлевских квартирах, досконально знали друг друга, скорее всего, у их семей были добрые отношения и,

тем, не менее, первый «сожрал» второго. Это же относится и к Каменеву, который вместе со Сталиным отбывал ссылку в Туруханском крае и оказал ему не только существенную поддержку в укреплении власти, но и способствовал разгрому Троцкого, на сестре которого он был женат. Такова была логика борьбы за власть.

Политический террор начинался вначале организованно по схеме: руководство страны устанавливает регионам лимиты, а местная власть, сообразуясь с «потребностями», запрашивает их увеличение. Но власть не учла, с одной стороны, «стахановского» рвения местных властей, а с другой, таившегося до времени «энтузиазма» трудящихся, а потому вскоре террор принял характер эпидемии и вышел из-под контроля. Власть разбудила в массовом масштабе одну из худших низменных страстей у населения. Так же как и во время инквизиции в средние века, начавшийся политический террор в первой половине XX в., породил волну доносов. Вот что пишет о доносах в период инквизиции автор обстоятельной монографии И.Р. Григулевич. Подавляющее большинство доносов было основано на вымыслах и нелепых подозрениях. Люди спешили исповедаться перед инквизитором, в надежде оградить себя от обвинений в ереси, использовали доносительство как возможность мести, сведения счетов с недругами, конкурентами, соперниками, из корыстных побуждений, т.е. с целью получить от еретика часть состояния. Много доносов было анонимных, которые также учитывались (16).

Даже не хочется повторяться, поскольку все примерно так же было и в 1937–1938 гг. Сталин развязал репрессии на благодатной для них почве. Столь массовое доносительство было бы невозможным, если бы не осуществлялось в стране, где испокон веков оно было инструментом сведения счетов и возможностью поживиться за счет других. Еще русские князья ездили в Золотую орду с доносами друг на друга. Соавтор Козьмы Пруткова А.К. Толстой так отреагировал на это явление тех лет: «Что день, то брат на брата в Орду несет навет; земля, кажись, богата – порядка ж вовсе нет» (92. с. 309).

Доносы были всегда. В начале XVII века даже герои «смутного времени» не брезговали доносами. Так называемая «элита» начала XVII века (бояре, князья и т.д.), а вместе с ними остальные, включая и казаков, по несколько раз переходили из одного стана в другой, донося врагу друг на друга. Спустя три с половиной века, уже в сталинский период, также поощрялось доноительство на близких людей. Хрестоматийный, злополучный Павлик Морозов. Большевики бытовую уголовщину превратили в политический фарс, а «демократы» из несчастного несмышленища сделали пособника коммунистического режима.

В 1937–1938 гг. сама власть открыто призывала население доносить. Так в совместном приказе двух наркоматов – юстиции (Вышинский) и внутренних дел (Ежов) военнослужащие освобождались от обвинений в участии в контрреволюционных и вредительских фашистских организациях в том случае, если они добровольно явятся и без утайки сообщат о своих сообщниках. В октябре 1937 г. НКВД утверждает директиву об освещении в печати фактора проявления трудящимися бдительности, читай доносов. В конце года Ежов разослал на места указание с требованием сообщать о заговорах, которые были вскрыты с помощью рабочих и колхозников (7). В том же году принимается решение об усилении агентурно-оперативной работы среди исключенных из партии (получать от политически уязвимой части населения доносы на себе подобных), чуть позже принимается подобная директива об усилении агентурного наблюдения за родственниками осужденных, прежде всего, за детьми старше 15 лет. В октябре 1937 г. прокуратура издала приказ об ужесточении наказаний за разговоры, осуждающие власть, дав еще один повод для доноительства. Шутники с такими прибаутками, как в «Правде» нет известий, а в «Известиях» – нет правды, могли легко распрощаться со свободой. Призывами проявлять бдительность (враг не дремлет), т.е. быть доносчиками, пестрят страницы газет.

Начавшееся массовое доноительство, быстро приняло характер эпидемии, распространившись по всей необъятной стране. Пы-

таясь уцелеть, люди на собраниях, митингах с энтузиазмом клеймили вчерашних друзей, нынешних «врагов народа», дети (порой и другие родственники) отказывались от родителей «врагов народа». В каждом политическом деле находятся «документы» – доносы сослуживцев, знакомых, лжесвидетельства, выбитые с помощью уже разрешенных пыток, работниками НКВД и других подобных ведомств. К примеру, на не признававшего себя виновным генерала армии А.В. Горбатова, 10 человек, уже осужденных к тому времени, дали ложные показания (14). По словам Э. Радзинского, в верхах царила паника (77).

Мотивы доносов были банально просты. В условиях тотальной бедности, нищеты испытывалась зависть к тем, кто жил лучше. На почве неприязни к соседу, а коммунальные квартиры – благодатная почва для этого, можно было свести счеты. Общая кухня – великолепное поле для бытовых склок, пьяных руганей. В такой обстановке можно было и в сердцах выругать советскую власть, и как результат – политическое дело. Вот уж точно по М. Булгакову, москвичей, да и не только их, испортил квартирный вопрос. Добавим, скорее, довел до лагеря. Имущество арестованных разворовывалось теми, кто проводил аресты и обыски, ведь они тоже были людьми, тоже не были богаты и также испытывали зависть к тем, кто жил лучше. Сестра моей матери, тетя Тина, в гражданскую войну – партизанка, всю свою оставшуюся жизнь после реабилитации её мужа, бывшего председателя горисполкома (жили зажиточно), добивалась, чтобы ей вернули хотя бы часть её манаток, т.е. вещей. Увы!

Доносы в условиях общей истерии прикрывались благими намерениями: выявить затаившихся «врагов народа». Анонимки рассматривались как исходные документы. На допросах люди под пытками и из-за боязни за близких проявляли слабость и трусость, давали чудовищные, фантастические показания на любого, предложенного следователем, человека. В этом смысле сталинская карательная система ушла «далеко вперед» по сравнению даже со

средневековьем. В те века инквизиция делила доносчиков на две категории: тех, кто выдвигал обвинение в конкретной ереси и тех, кто указывал на подозрительных в ереси. Первые были обязаны доказать обвинение, иначе им как лжесвидетелям полагалось наказание. Вторым это не угрожало, т.к. они выполняли свой долг правоверных сынов церкви (16). В роковые тридцать седьмые годы в нашей стране преобладали доносчики по «долгу». Доносчикам не надо было ничего доказывать. Надо было только донести. Видимо, только в то время могли родиться у нашего народа такие поговорки, как «лучше один раз настучать, чем всю жизнь перестукиваться» или «скорость стука опережает скорость звука».

1937–1938 годы – это время, когда население было не только «донососпособным», но и в высшей мере «доносоактивным». После войны, на волне великой победы и морального сплочения советского народа, заметно сократился размах этого постыдного явления. Но все равно оно было и могло при соответствующем инициировании вновь обрести характер эпидемии. На этот счет, прошедший через лагеря сын Антонова-Овсеенко в своей книге пишет, что когда Н.С. Хрущеву после разоблачения «культы личности» предложили провести широкое расследование преступлений сталинского времени, он ответил: «Нет, этого делать мы не можем: повторится 37 год. Ведь тогда все доносили на всех» (1).

Развязывая политический террор, Сталин и его клика, иначе не назовешь всех тех, кто его окружал и беспрекословно, выслуживаясь перед ним, выполнял его указания, недооценили инициативу местных руководителей и «энтузиазм» народных масс, а потому существовавшая к тому времени судебная система оказалась не готовой «переварить» нарастающее как снежный ком количество осуждаемых. Нужны были срочные решения и их нашли. Были созданы в нарушение только что принятой «Сталинской Конституции» внесудебные органы для быстрого вынесения приговоров, а точнее, для незамедлительной расправы с теми, кто попал в жернова политического террора.

В январе 1937 г. постановлением политбюро была образована комиссия ЦК ВКП(б) по судебным делам, а в апреле утверждается положение об Особом Совещании, причем в сентябре права этого внесудебного органа были расширены по представлению Ежова (НКВД) и Вышинского (Прокуратура СССР). Дальше – больше. В сентябре 1937 г. политбюро принимает решение о создании особых троек, через два дня НКВД своим приказом утверждает порядок работы этого внесудебного органа, а спустя 4 дня направляет разъяснение, как применять этот приказ. В составе троек были местные руководители партийных комитетов, наркомата внутренних дел и прокуратуры. Тут тебе и следствие, и прокурорский надзор, и партийное руководство. И все это на фоне все той же пресловутой 127-й статьи «Сталинской Конституции», гласящей, что «никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора».

Помимо этих троек в мае 1938 г. приказом НКВД были образованы «милицейские тройки», которые имели право без суда приговаривать социально-опасных лиц к ссылке или к заключению на срок в 3–5 лет. В категорию социально-опасных попадали помимо политических также уголовники-рецидивисты, скупщики краденного, нарушители паспортного режима и пр. Эти «милицейские тройки» вынесли приговоры 400 тыс. человек (4). В довершение ко всему в августе 1938 г. было разрешено создавать не тройки, а двойки из работников НКВД и прокуратуры (4).

Зная нынешние полицейские органы и судебную систему, легко представить, какой простор был у двоек или троек в те далекие тридцатые годы. В целом через двойки, тройки, военные трибуналы, особые совещания, военные и специальные коллегии с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. прошло не менее 800 тыс. человек. А.Б. Охотин и А.Б. Рогинский приводят данные о том, что «тройками по кулацкой операции», двойками, особыми тройками по национальным операциям и милицейскими тройками было осуждено 1,1 млн. человек (4).

Помимо создания внесудебных органов расправы над арестованными по политическим преступлениям, для ускорения процесса осуждения были упрощены процедуры рассмотрения дел. Еще в конце 1934 г., как бы предвидя (возможно и планируя) крупномасштабные репрессии, ЦИК СССР принял постановление, упрощающее уголовно-процессуальные процедуры. Постановлением предписывалось внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти: следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней; обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде; дела слушать без участия сторон; кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать; приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

Это постановление определило дальнейшие шаги органов правопорядка в ускорении расправы над арестованными. В январе 1937 г. НКЮ и Прокуратура СССР дали предписание военным трибуналам рассматривать дела об измене родине, шпионаже, диверсиях и терроре, как правило, без участия обвинения и защиты. Повсеместно рассмотрение дел и вынесение приговоров стало проходить без этих двух атрибутов судебных разбирательств. Более того, было разрешено проводить заседания не только без ознакомления с делом, но и без обвиняемого, т.е. заочно, что часто и происходило, причем не по одиночным арестованным, а по спискам. Не возбранялось проводить судебные заседания тайно, т.е. без указания о его времени и месте.

В сентябре 1937 г. были внесены изменения в уголовно-процессуальные кодексы союзных республик, обязавшие судебные органы вручать обвинительные заключения за сутки до рассмотрения дел (это для того, видимо, чтобы арестованные, не зная сути обвинения, не имели возможности защищаться и затягивать про-

цесс). Было запрещено принимать кассационные жалобы. Более того, по отклоненным ходатайствам о помиловании предписывалось высшую меру приводить в исполнение немедленно. Еще в декабре 1934 г. после убийства С.М. Кирова законом были исключены какие-либо проверки правильности судебных решений, т.е. незаконность дополнялась еще и бесконтрольностью. Итак, упрощенное следствие, санкционированное законом от 1 декабря 1934 года, исключало возможность какой-либо проверки выбитых показаний, да она была и не нужна, так как суды и тройки судили и без материалов и без подследственного. Во многих случаях заранее определялось, сколько признаний в сутки должен получить каждый следователь и сколько фамилий членов антисоветских формирований должно быть указано в каждом протоколе допроса обвиняемого. Отсюда повсеместно выявляются разного рода шпионско-террористические, диверсионно-вредительские и им подобные «центры» и «блоки», как правило, возглавляемые первыми лицами региональных партийных организаций. О.В. Хлевнюк пишет о том, что сотрудниками НКВД стали выдумываться всякого рода повстанческие, шпионско-террористические, диверсионно-вредительские и тому подобные «центры», «блоки» и пр. Только в одной Киевской области в 1937 г. было «вскрыто» 87 подобных организаций и еще 365 вредительских групп (7).

Н.Г. Охотин и А.Б. Рогинский сделали подборку количества осужденных различными судебными и внесудебными органами. Согласно этим данным, «тройками» по кулацкой операции было осуждено не менее 436 тыс. человек; «двойками» и «особыми тройками» по национальным операциям – 247 тыс.; Военной коллегией Верховного суда, специальными коллегиями областных судов и военными трибуналами – 41 тыс.; «милицейскими тройками» – не менее 400 тыс. человек. Судами общей юрисдикции было осуждено примерно 2 млн. человек, из которых направлено в лагеря 800 тыс. Правда, в числе этих 2 млн. как и тех 400 тыс., которых «судили» милицейские тройки, были арестованные не только за полити-

ческие преступления, но и за уголовные (4). Кстати, в 1937 г. по «кулацкой операции» среди расстрелянных оказалось 15% уголовников, совершивших кражи. Их осудили как польских шпионов (7).

Очевидно, что для определения доли тех, кому приговоры выносили внесудебные органы в числе всех осужденных за политические преступления, надо привлечь данные за 1937–1938 гг. об общем числе репрессированных. В указанные два года было осуждено за политические преступления 1345 тыс., тогда как внесудебными органами (тройками и двойками) – 683 тыс. Даже не добавляя сюда тех, кого судили различные коллегии и трибуналы, все равно получается, что доля внесудебных органов, состоящих из двух-трех человек и нарушающих все судебные каноны, в общем количестве всех осужденных превысила 50%, а вместе с военными трибунами, военными и специальными коллегиями и особыми совещаниями – даже 3/5. Если привлечь для расчета осужденных обеими тройками и двойками, а они приговорили 1,1 млн. человек, то на их общий счет придется 74,3%. Вместе с остальными внесудебными органами доля осужденных составит 9/10 их общего числа. На судебные органы остается менее 10%.

Анализируя эти данные, сразу же возникает вопрос к защитникам Сталина. Когда одному миллиону двумстам тысячам арестованных приговор выносят 2–3 человека, без защитника, без ознакомления с делом, часто без обвиняемого, которому не разрешено подавать кассацию и тем более запрещено проверять справедливость вынесенного решения, что это политический террор или особый способ соблюдения прав личности, гарантированных «Сталинской Конституцией»? В этом суть террора и его отличие от политических репрессий, при осуществлении которых, хотя бы для видимости, но все же, в большинстве соблюдались процессуальные нормы.

Структура, выносимых приговоров разными инстанциями заметно отличалась. Причем не только в соотношениях между смертной казнью и другими мерами наказания, но и сроками, к которым приговаривали арестованных (табл. 6.1).

Число политических осужденных в 1937 г. по видам наказания*

Виды Наказания	Всего	В том числе этими инстанциями:				
		Военной коллегией	Военным трибуналом	Специальной Коллегией	Особым совещанием	Тройками
всего осуждено**	796613	16279	13113	47118	18158	250322
в т.ч. приговорены: к ВМН	353074	13896	1701	1297	-	58846
к разным срокам	437591	2373	10728	43763	17911	33498
из них на:	16018	6	1876	8560	1592	473
3 года						
5 лет	31706	64	3294	15275	6767	3340
10 лет	379039	1992	4438	15602	7952	33371
15 лет	1825	229	144	1437	-	-
20 лет	337	59	89	183	-	-
25 лет	192	9	28	149	-	-
Иные меры***	8280	3	792	2446	1340	296

* Таблица заимствована из работы В.В. Лунева (49).

** В источнике, из которого взята таблица, суммарные данные по осужденным представлены как по арестованным. В нижней строке исходной таблицы приведены сведения об освобожденных, что естественно уменьшает общее количество осужденных.

*** В иные меры включены высылка из страны (645 человек), ссылка и высылка (1366) и иные меры (6269). Кроме того, от наказания было освобождено 5948 человек, в т.ч. специальными коллегиями 2248.

Из числа всех арестованных от наказания было освобождено 5948 или 0,75%. Больше всего освобождали военные трибуналы и специальные коллегии (5,2 и 4,8% соответственно) и меньше всего военные коллегии и тройки (0,06 и 0,5%). Сроки в 15, 20 и 25 лет выносились в основном специальными коллегиями, а также военными трибуналами и коллегиями, правда, их доля в общем числе осужденных невелика, чуть больше 0,5%.

Помимо произвола судебной системы, в частности создания всякого рода двоек и троек, приговоривших междусобойчиком многие сотни тысяч человек к высшей мере, в то время допускалась чудовищная жестокость во время следствия в отношении аре-

стованных за политические преступления. Только не надо думать, что осуждение арестованных за политические преступления и методы их допроса при обычном судопроизводстве, осуществлялось в соответствии с правовыми нормами. Все то, что рекомендовалось внесудебным инстанциям, в полной мере применялось и там.

По сути, повсеместно практиковалось поголовное избивание арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, длительное лишение сна, содержание арестованных в раздетом виде в холодном карцере и многое другое. Такого рода «допросы» порой приводили к смерти арестованных. Вот несколько примеров. Маршалу В.К. Блюхеру выкололи глаз, и он умер в Лефортовской тюрьме от последствий систематических побоев. Кандидату в члены политбюро Р.И. Эйхе во время допроса был сломан позвоночник (6). Также сломали позвоночник деятелю литовской компартии З.И. Ангаретису. Сотруднику Коминтерна В.Г. Кнориньшу паяльной лампой жгли спину. Существует версия, что будущему руководителю ракетостроения С.П. Королеву до того, как он попал в команду А.Н. Туполева, во время пыток сломали челюсть. От пыток в Тбилисской тюрьме скончался композитор и дирижер Е.С. Микеладзе и т.д. (7). В некоторых случаях пытки конкретных заключенных проводились по прямому указанию Сталина. Так в сентябре 1937 г. Сталин письменно потребовал от Ежова «избить Уншлихта за то, что он не выдал агентов Польши по областям (Оренбург, Новосибирск и т.п.)» (6).

Избивание и пытки в ходе допросов, да и просто во время задержания, – это не явление только 1937 г. Они всегда были в нашей стране: и до советской власти, и во времена Сталина, и после него. Не сталинское время породило эту жестокость, оно только способствовало её расцвету. Следователи и другие работники системы НКВД были уверены в своей безнаказанности, т.к. пытки и жестокость поощрялась сверху. Кстати, полицейский (милицейский) произвол – не редкое явление и в современной России, хотя пытки, избивание и уж тем более убийства арестованных запрещены. И, тем

не менее, такие явления порой становятся достоянием гласности. Так, в Самарской области только в 2009 и 2010 годах осуждено несколько милиционеров за избиение задержанных, оказавшихся к тому же и не виновными. Уже в 2012 г. четверо казанских полицейских избили задержанного и пытали его. В результате он умер. В том же году башкирские сотрудники ФСБ до полусмерти забивают майора полиции. Осенью 2012 г. в г. Туапсе (Краснодарский край) на виду у всех передрались с применением оружия начальник городского отдела полиции со своим заместителем, а в Москве трое полицейских с особой жестокостью убили азербайджанца (нанесли ему свыше 70 ножевых ран) с целью завладения его автомобилем и получением за него выкупа. Уже в конце года в Читинском крае пьяный полицейский обстрелял машину, в которой находились судебные приставы, попав одновременно еще в проезжавший вблизи автомобиль, а в Свердловской области пьяный участковый забил до смерти своего бывшего сослуживца. Эти случаи, благодаря гласности, стали известны общественности, а сколько других осталось неизвестными. Причем все они произошли уже после аттестации милиции в полицию, куда, по идее, должны были попасть лучшие.

Правда, нужно отметить, что все эти случаи не только не санкционированы властью, наоборот, власть, в частности суд, их приговорил или приговорит остальных к уголовным наказаниям. Нынешняя жестокость и бесчеловечность, допускаемая нашими современниками, живущими в условиях демократии, где непрерывно вбивается в голову необходимость соблюдения прав человека, более преступна, чем в те времена, когда, по сути, у вчерашних безграмотных людей, получивших власть, стали с разрешения и даже поощрения властей проявляться звериные повадки. Чтобы их осуждать, надо самим не быть такими.

В отличие от наших дней, в сталинское время такой метод ведения следствия был санкционирован высшей властью государства. Сталин на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г. призвал партию в борьбе с современным троцкизмом применять...

«не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчёвывания и разгрома». И уже в июле 1937 г. политбюро разрешает применять на допросах методы физического воздействия на лиц, арестованных за контрреволюционные преступления. Без такого разрешения со стороны политбюро НКВД не осмелился бы, причем в том же месяце, приказать, чтобы бы при аресте германских подданных работающих на оборонных заводах, работники этого наркомата добивались бы во время допросов «исчерпывающего вскрытия не разоблаченной до сих пор агентуры германской разведки» (74).

Идеологом такого метода ведения следствия как всегда явился Сталин. На это указывает то, что уже по завершении политического террора, в январе 1939 г. в региональные партийные организации за подписью не кого-то другого, а именно Сталина, была отправлена телеграмма, в которой вождь взял под защиту местных работников НКВД, продолжавших применять пытки при допросах. Применение физического воздействия – отмечал вождь – было допущено с 1937 г. И далее он пишет, что ЦК ВКП(б) считает, что этот метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения в отношении явных и не разоружающихся врагов, как правильный метод. Это несчастное исключение, которое почему-то всегда становится правилом. В нашей стране уже со школьной скамьи нам прививают как оспу, что «нет правил без исключения». А потому, все эти «стеклянные», «деревянные» и «оловянные» живут и действуют «в порядке исключения».

Таким образом, массовые избиения и истязания арестованных, изнурительные непрерывные многосуточные допросы и шантаж были узаконены как единственные средства, необходимые для разоблачения «врагов народа», замечает О.В. Хлевнюк (99). Пытки и избиения велись для того, во-первых, чтобы из подследственного выбить признание в том, чего он не совершал, а во-вторых, чтобы он оклеветал других, часто с тем, чтобы из одиночки-контрреволюционера создать организованную группу заговорщиков. Часто под-

следственных принуждали ради пользы страны дать показания, обещая их освободить после того, как они сами себя или себя и других представят в качестве «врагов народа». Многие подследственные, не выдерживая пыток, подписывали все, что им инкриминировалось. Согласно вынесенным на основании таких признаний приговорам, страна была наводнена германскими, японскими и прочими шпионами, а внутренние «враги народа», как докладывал Ежов руководству страны, пролезли во все сферы экономики и органы партийной и советской власти.

Часть арестованных, не выдерживая пыток и избиений, а порой и не дожидаясь их, прибегала к самоубийству, порой выбрасываясь из окон, вскрывая вены и пр. На самоубийство решались и достаточно высокопоставленные деятели государства. Так, А.П. Гамарник, начальник политуправления РККА, застрелился накануне неминуемого ареста, а ближайший друг Сталина, член политбюро, нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе неожиданно умер после ареста и расстрела его старшего брата, причем позже были репрессированы его жена и еще ряд родственников, еще в 1936 г., протестуя против несправедливых обвинений, покончил с собой бывший руководитель ВЦСПС М.П. Томский.. Что уж тут говорить о простых смертных. Не каждый решится на суицид. Это требовало смелости и воли со стороны тех, кто, зная, что он неминуемо будет расстрелян, таким путем избавлялся от унижений и нечеловеческих пыток, лишая палачей удовольствия совершать такие злодеяния. И, конечно, не случайно, уже в октябре 1937 г. прокуратура издает приказ об усилении контроля над заключенными, чтобы исключить самоубийства (отбирались даже пенсне, чтобы устранить возможность вскрывать вены).

Вторая половина 1937 г. и почти весь 1938 г. – это самые жестокие месяцы сталинского правления. Повторимся, в целом за эти два года из 1345 тыс. осужденных было расстреляно почти 682 тыс. человек или свыше 50%, что в пересчете на полтора года (за вычетом тех месяцев, когда к высшей мере приговаривали примерно

столько же, сколько в 1935 или 1936 годах, т.е. менее двух тысяч человек) составляет примерно 680 тыс., причем на вторую половину 1937 г приходится 351 тыс. Среднемесячное число приговоренных к расстрелу во второй половине 1937 г. превышало 58 тыс. Это был конвейер насильственных смертей. В один месяц подлежало уничтожению людей больше, чем в предшествующие 15 лет мирной жизни страны (1922–1936 гг.). Эти расчеты возможно не совсем точны, но они наглядно характеризуют преступную политику сталинской власти по отношению к своему народу, продолжавшуюся примерно 540 дней из тех 11–12 тыс., которые длилось его правление.

Раньше уже отмечалось, что на 1937–1938 гг. пришлось подавляющая часть смертных приговоров, вынесенных в период сталинского правления (за два года было расстреляно свыше 85% всех приговоренных в течение 33 лет). В применении высшей меры наказания, а её осуществляли, как правило, выстрелом в затылок из нагана или пистолета, можно отметить три принципиальных момента. Во-первых, в операциях по репрессированию лиц тех национальностей, которые были титульными для государств, окружающих СССР или как фашистская Германия, к нему враждебно настроенных, в составе осужденных доля приговоров к высшей мере изначально была существенно выше, чем во всех последующих операциях. При среднем удельном весе смертной казни во всем количестве репрессированных в 1937–1938 г., равном 50,7% эта величина среди иностранцев составила 78,7%, причем среди поляков, немцев, эстонцев, финнов, литовцев и (непонятно почему) греков – даже 81–82% (табл. 6.2).

Согласно другому источнику доля иностранцев в числе всех осужденных составляла 73,3%, причем осужденных поляков было 139,8 тыс. и немцев – 54,8 тыс. человек (36). Из числа осужденных первых приговорили к высшей мере 111,1 тыс. (79,5%) и вторых – 41,5 тыс. (75,7%). Не внося существенных изменений в общий вывод о том, что их доля в числе приговоренных к высшей мере заметно превышала долю высшей меры в общем числе осужденных в

1937 г., тем не менее, в этом источнике приводится более значительное количество репрессированных иностранцев (335 тыс. осужденных и 247 тыс. приговоренных к высшей мере).

Таблица 6.2

Количество приговоренных к высшей мере среди лиц не титульных для СССР национальностей (тыс. человек)*

Национальности	Осуждено:		все осужденные	в т.ч. к высшей мере, в %
	к высшей мере	к другим наказаниям		
Поляки	84,5	19,0	103,5	81,6
Немцы	24,9	5,8	30,7	81,1
Латыши, эстонцы, финны	23,8	3,7	27,5	86,5
Греки	9,5	1,6	11,1	85,6
Румыны	4,0	2,1	6,1	65,6
Иранцы, афганцы	1,0	1,6	2,6	38,5
Прочие	5,8	2,5	8,3	69,9
Итого	172,8	46,9	219,7	78,7

* (6).

Во-вторых, в первоначальной разрядке на арест «врагов народа», направленной сверху на места, доля тех, кого надлежало расстрелять, составляла 28% (73 тыс. из 260 тыс.). А вот в просьбах местных начальников о выделении дополнительных квот доля тех, кто подлежал расстрелу, оказалась существенно выше. Так, в ответ на просьбы местных руководителей политбюро ЦК ВКП(б) до конца 1937 г. выделил дополнительный лимит в 39,3 тыс. человек, при этом, доля тех, кого уже приговорили к высшей мере, достигала 57,3% (100). Местные власти, которые за прошедшее время несколько раз подвергались обновлению, стали демонстрировать свое рвение, направляя в ЦК ВКП(б) все новые и новые просьбы, причем с более высоким удельным весом смертной казни. В августе того же года в выделенной дополнительной квоте для Дальнего Востока на репрессирование кулаков, доля высшей меры уже составила 75%. В «Черной книге коммунизма» отмечается, что с конца августа 1937 г. до середины декабря того же года политбюро дополнительно

увеличило квоты на 22,5 тыс., из которых 74,7% составляла высшая мера. В конце января 1938 г. политбюро одобрило предложение НКВД, составленное по просьбам с мест, и увеличило квоту еще на 57,2 тыс. человек, из которых следовало расстрелять 84% (103). В любом случае доля приговоренных к высшей мере в течение 1937–1938 гг. оказалась существенно выше, чем была в исходном лимите.

В-третьих, в приговорах разного рода коллегий, трибуналов и троек доля тех, кого осуждали на смертную казнь, достигала 44,3%. Существенно более высокий процент высшей меры наказания принадлежал только Военной коллегии (85,4%). В течение двух лет (с 1 октября 1936 г. по 30 сентября 1938 г.) Военной коллегией Верховного суда СССР и её выездными сессиями, проведенными в 60 городах страны, было осуждено 36,2 тыс. человек, из которых к высшей мере приговорено 84,4% (47). В отличие от этого органа «правосудия», которому в 1937 г. принадлежало всего 2,0% приговоров к высшей мере в их общем количестве, на такой внесудебный орган, как тройки пришлось 73,7% всех смертных приговоров. В 1937 г. в общем числе всех осужденных тройками смертная казнь была вынесена 42,5% (табл. 6.3).

Таблица 6.3

Доля осужденных в 1937 г. различными судебными и внесудебными органами и удельный вес в их числе высшей меры (в %)*

Название судебных и внесудебных органов	Военная коллегия	Военный трибунал	Специальные коллегии	Особое совещание	Тройки
Доля приговоренных к высшей мере осужденных в общем количестве	2,0	16,3	5,7	2,3	73,7
Удельный вес высшей меры в числе осужденных данной инстанцией	85,4	13,0	2,8	0,0	42,5

* (51). В этом источнике число осужденных в 1937 г. превышает, приводимое, напр., В.Н. Земсковым, И.В. Пыхаловым и др. на 5,9 тыс. человек, хотя числа приговоренных к высшей мере совпадают.

Как уже отмечалось, вынесенные смертные приговоры не всегда исполнялись. Небольшое количество их заменялось длительными сроками заключения. По данным В.В. Лунева из 353,1 тыс. человек, приговоренных в 1937 г. к смертной казни, для 194 человек она была заменена отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях (49). В число тех, кто избежал расстрела, вероятно, попадали те, кто в силу своего профессионализма мог принести стране незаменимую пользу, т.е. «машина смерти» не была слепой, т.к. Сталин просматривал многие списки, приговоренных к высшей мере.

Для счастливых за решеткой создавали необходимые условия. Таким оказался, например, создатель прямооточного котла выдающийся инженер Л.К. Рамзин, высшую меру которому заменили на 10 лет тюрьмы, и др. Некоторых, столь же полезных, как и Л.К. Рамзин, к примеру, А.Н. Туполева, сразу определили на 15 лет, создав ему за колючей проволокой условия для плодотворной работы и, самое главное, разрешили ему заниматься подбором кадров (так к нему попал избежавший смертной казни С.П. Королев).

Вместе с тем, и осужденные на различные сроки лагерного заключения не могли чувствовать себя спокойно, поскольку «сталинское правосудие» имело «обратную силу». Уже в марте 1937 г. вышло распоряжение НКВД о прекращении освобождения из ссылок бывших оппозиционеров (левых и правых), у которых заканчивался срок ссылки. В апреле того же года Прокуратура СССР запретила досрочно освобождать заключенных троцкистов. Более того, в августе 1937 г. для территориальных управлений лагерями были установлены лимиты на отстрел политических заключенных без проведения каких-либо новых следствий. К примеру, муж одной из сестер моей матери, приговоренный в 1934 г. к трем годам, в 1937 г. вместо освобождения был расстрелян. В начале февраля 1938 г. политбюро дало указание расстрелять в исправительно-трудовых лагерях Дальнего Востока 12 тыс. из числа бывших кулаков (4). В тот период не щадили ни здоровых, ни больных. Так, в начале 1938 г. дела инвалидов, осужденных по разным статьям на

8–10 лет лагерей в Московском регионе, пересматривались тройкой, которая приговаривала их к высшей мере (7).

В 1937 г. власть, с одной стороны, проявила «невиданную доброту» и заменила смертную казнь аж шести сотым процента (0,06%) от числа всех приговоренных к этой мере наказания, но, с другой стороны, она же дала указание только в лагерях Дальнего Востока из приговоренных к различным срокам наказания, расстрелять 2,7% от числа всех, осужденных в том году к различным срокам пребывания в ГУЛАГе. Вторая цифра в 45 раз больше первой. А ведь были подобные указания и по другим лагерям.

Избежавшие высшей меры, попадали в различные пенитенциарные учреждения ГУЛАГа, т.е. в его лагеря, колонии и т.д. Помимо унижений, издевательств и нечеловеческих условий, а часто и смерти тех, кто находился в учреждениях этой исправительно-трудовой системы, они подвергались еще и душевному насилию. Власть обрушивала репрессии на самое дорогое, что у них оставалось, – на их семьи. Сталин, который одну жену оставил вместе с сыном, другую довел до самоубийства, вспомнил и о семьях «врагов народа». Тем самым, осужденным, избежавшим смертной казни и находящимся в заключении, были добавлены к физическим еще и душевные страдания. Если это и не была бы его идеей, то она ему бесспорно понравилась.

И уже в мае 1937 г. политбюро ЦК ВКП(б) предписало выслать из Москвы, Ленинграда и Киева всех исключенных из партии за принадлежность к троцкистам, правым и другим антисоветским формированиям, а также все семьи тех оппозиционеров, которые приговорены к высшей мере и на срок выше 5 лет (47). В июне было поручено НКВД выслать семьи арестованных троцкистов и правых из пределов Азово-Черноморского края в один из районов Казахстана. Во исполнение указаний политбюро, НКВД издает приказ, согласно которому, необходимо, начиная с 25 июня 1937 г., выслать из Москвы, Ленинграда, Киева, Ростова Таганрога, Сочи, Сухуми и Гагры не только лиц, «вычищенных из партии», но и семьи

репрессированных. Такое внимание к Сочи, Гаграм и Сухуми, скорее всего, связано с тем, что там поблизости располагались дачи Сталина и других членов политбюро.

Довольно «демократично» высылаемым было дано право выбора областей дальнейшего проживания за исключением мест высылки и пограничных районов. Все семьи репрессированных подлежали постановке на учет и систематическому наблюдению за ними. В начале июля политбюро принимает постановление о заключении жен изменников родины и правотроцкистских шпионов на срок от 5 до 8 лет и организации для их содержания специальных лагерей в Тургайском районе Казахстана и Нарымском крае (север Восточной Сибири). Опять, же, как не вспомнить Сталина с его знаниями географии, он там же поблизости в Туруханском крае отбывал ссылку в дореволюционные времена. В дальнейшем предписывалось всех жён изобличённых «врагов народа» одновременно арестовывать с мужьями.

Карательные органы, понятно с разрешения политбюро, проявляли в отношении жён «врагов народа» и некоторый «гуманизм». В августе 1938 г. вышел циркуляр НКВД, разрешающий находящейся на воле супруге (супругу) в одностороннем порядке разводиться с осужденным (осужденной). Далее, арест жён «врагов народа», если они были беременными, имели на руках грудных детей и тяжелобольных, мог быть временно отложен (74). Сделано также было послабление в трудовой сфере: в январе 1938 г. запретили записывать в трудовую книжку причиной увольнения связь с «врагом народа», как это делалось раньше. Наконец, в октябре 1938 г. НКВД перешел к арестам жён не всех осужденных, а только тех, кто содействовал контрреволюционной работе мужей или в отношении которых имелись данные об их антисоветских настроениях. Сталинский режим проявлял и еще одну «добросердечность» к женам «врагов народа». Было предписано, чтобы женам и другим родственникам расстрелянных, сообщалось, что они осуждены на «десять лет лагерей без права переписки». Им выдавалась об этом

справка, вселявшая слабую надежду на то, что это правда. Подобная практика была юридически оформлена решением НКВД лишь в мае 1939 г.

Не остались без внимания и дети осужденных. Проявилось в полной мере сталинское лицемерие о том, что «сын за отца не отвечает». Июльским постановлением политбюро 1937 г. предписывалось всех детей-сирот до пятнадцатилетнего возраста, оставшихся после осуждения родителей без надзора, взять на государственное обеспечение. Что же касается детей старше 15-летнего возраста, о них решать вопрос индивидуально (47). Дети от 1 до 3 лет направлялись в ясли и детские дома Наркомздрава, а от 3 до 15 лет – в детские дома Наркомпроса. Если дети старше 15 лет признавались «социально-опасными», то их могли направить в лагерь, исправительно-трудовую колонию или детские дома особого режима.

Сразу же с началом 1938 г. от НКВД посыпались новые директивы: О порядке выдачи под опеку родственникам детей, родители которых репрессированы; О порядке направления несовершеннолетних в трудовые колонии из тюрем и приемников-распределителей; Об агентурно-оперативном обслуживании трудовых колоний НКВД для несовершеннолетних и приемников-распределителей; О порядке вывода осужденных несовершеннолетних старше 16 лет из трудовых колоний НКВД в лагеря, тюрьмы и исправительно-трудовые колонии ГУЛАГа. Дети размещались в существующей сети детских домов и закрытых интернатов наркомпросов союзных республик. Эти учреждения должны были быть вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тифлиса, Минска, приморских и приграничных городов.

С.А. Кропачев, отмечает, что в современной исторической литературе даются лишь приблизительные цифры о количестве репрессированных жен и детей осужденных «врагов народа». Он приводит по ним сведения из поданной в октябре 1938 г. руководством НКВД записки на имя Сталина. В записке, подписанной Ежовым и Берия, утверждается, что по неполным данным репрессировано свыше 18 тыс. жён арестованных предателей, в том числе

по Москве свыше 3-х тыс. и по Ленинграду около 1,5 тыс. По состоянию на конец января 1939 года было «изъято» по СССР 25342 ребёнка. Эта же цифра фигурирует в отчете АХУ НКВД. Там приводится и расшифровка её. Из этого количества были направлены в детдома Наркомпроса 22427 детей и передано под опеку или возвращено матерям – 2915 ребенка (74). Таким образом, по мнению С.А. Кропачева, менее чем за полтора года по стране было репрессировано не менее 43 тысяч жён и детей. Он отмечает, что эти данные рассматриваются как ориентировочные. Н.Г. Охотин и А.Б. Рогинский, по сути, приводя те же цифры (арестовали 18 тыс. жен и изъяли 25 тыс. детей), утверждают, что эти данные относятся к периоду, начавшемуся с августа 1936 г., т.е. охватывают 2,5 года (4).

То, что цифры о количестве репрессированных жён и детей осужденных похожи на реальные, говорит их динамика в 1938–1946 гг. При этом надо иметь в виду, что с началом войны было принято решение о запрете освобождения «контрреволюционных элементов», как и уголовников. Но через год последовала уже другая директива, разрешившая освобождать членов семей изменников родины, но всех освобожденных предписывалось оставлять в лагерях на положении вольнонаемных. Их окончательное освобождение наступило только после войны. С учетом этих поправок динамика освобождений выглядит так. Начиная с 1939 г. по 1947 г., количество членов семей «врагов народа» стало сокращаться. При этом, как из-за их смертности (но это не главная причина), так и в силу окончания сроков заключения. У тех, кому давали 5 лет, срок заканчивался в 1942–1943 гг., а со сроком в 8 лет могли выйти в 1945–1946 гг. И действительно число заключенных в ГУЛАГе членов семей «врагов народа» на каждое первое января составляло (тыс. человек): 1939 г. – 13,2; , 1940 г. – 13,0; 1941 – 12,1; 1942 г. – 12,4; 1943 г. – 8,8 (стали заканчиваться сроки); 1944 г. – 6,0; 1945 г. – 5,7; 1946 г. – 2,2 и 1947 г. 1,0 (73).

Освобождавшиеся из мест заключения члены семей «врагов народа» не становились равноправными гражданами страны сове-

тов. Во многих сферах жизнедеятельности для них существовали ограничения. К числу таких дискриминаций относились: ограничения в избирательных правах, проживание в ряде городов, при приеме на работу (отдельные сферы приложения труда были недоступны для лиц с клеймом «члены семьи врагов народа»). Более того, в годы террора членов семей репрессированных принято было выселять из квартир, увольнять с работы, в связи с чем прокуратура СССР издала директиву, что подобная практика как во втором случае недопустима. На этот счет было принято также постановление политбюро (74). Для тех, кто хотел поступать в ВУЗ, не в каждый из них и не по каждой специальности был открыт доступ. Более того, дети «врагов народа» подлежали исключению не только из комсомола, где ковался резерв партии, но и из учебных заведений. В частности, моя двоюродная сестра, после ареста её отца и высылки матери на ст. Зима (Восточная Сибирь) была отчислена из Хабаровского мединститута, который она заканчивала уже в начале 50-х годов. В то время ограничения были даже при призыве в Красную армию, отмененные лишь в 1939 г.

Многое из наследия Сталина: негласная практика ограничений возможностей участия в политической жизни страны, устройстве на работу, поступлении в учебные заведения и пр. бывших осужденных, исключенных из партии, и лиц с пятым пунктом, сохранялось вплоть до развала СССР. Приведу еще факт, затронувший наш клан. Мой старший двоюродный брат в начале 50-х годов не был принят в МГУ им. М.В. Ломоносова на физико-технический факультет в связи с тем, что его отец был репрессирован. Ему удалось поступить на подобную специальность лишь в г. Долгопрудном, а в последующем выезды в заграничные командировки смогли состояться лишь после реабилитации его отца.

А в это же время философы, социологи, политологи и другие представители «исторического материализма», изучая классовую структуру социалистического общества, относили к ней рабочих, крестьян и в качестве прослойки – «гнилую» интеллигенцию.

В семидесятые годы явилось открытием, что в этой структуре формируется новый пограничный слой: рабочих-интеллигентов. Но вся эта теория была далека от жизни. В действительности в советском обществе в сталинское и послесталинское время существовала иная стратификация. Общество делилось, независимо от социального происхождения и статуса, на три группы: коммунистов (больше было дозволено, но и больше спрашивалось), беспартийных (и дозволено, и спрос поменьше) и исключенных из партии (ограничения прав и первые кандидаты в лагеря). В то же время коммуниста нельзя было арестовать, его надо было сначала исключить из партии. Во второй и третьей группах, и как исключение в первой, могли быть бывшие осужденные, что усугубляло их положение. Из второй группы многие хотели попасть в первую, что удавалось максимум одной десятой части, а из третьей группы в первую просачивались лишь единицы. Все эти группы имели разные возможности в общественно-политической и социально-экономической жизни страны.

Обвиняя коммунистический режим, правивший в социалистическом государстве, не следует думать, что ничего подобного не было в капиталистических странах, причем в те же времена. Не говоря уже о том, что, например, в США еще в середине XX века цвет кожи определял гражданские права человека (чернокожим не разрешали селиться в домах вместе с белыми, пользоваться одним и тем же общественным транспортом и пр.), там, в то же время, наблюдался махровый маккартизм. 1953 г., год прихода в Белый дом президента Эйзенхауэра, стал «золотым годом» маккартизма. Последовали обвинения людей в принадлежности к коммунистам, крушили профсоюзы, проводили «чистку» государственного аппарата, увольняли служащих. Только за первые месяцы было уволено 800 человек, еще 600 ушли в отставку сами. В этот период многие прогрессивные деятели подверглись гонениям, а значительная часть из них была уволена, осуждена или занесена в «черные списки». Маккартизм не оставлял без внимания и университеты, где

увольняли профессоров и сжигали книги. В той или иной мере маккартизм проявлял себя в те годы и в ряде европейских стран. Все это говорится не для того, чтобы опорочить США, а для того, чтобы знать меру, когда о том же говорится, но только применительно к Советскому Союзу.

В Советском Союзе много было плохого и того, что было на поверхности и доступно для неприятия населением, и того, что было латентно и о чем знали лишь те, кто с этим сталкивался. Но, вместе с тем, было много и хорошего, о чем до сих пор сожалеет достаточно большой слой российского населения. Мы не говорим уже об отброшенных по условиям своей жизнедеятельности на многие десятки лет назад наших бывших граждан, проживающих в ряде южных государств. Ныне также много хорошего, но мы его порой не замечаем потому, что чаще сталкиваемся с тем, с чем люди, выросшие в других социальных условиях, вряд ли смирятся.

* * *

Итак, основными чертами политического террора в СССР во второй половине 1937 и в 1938 годах были:

– инициирование политбюро вакханалии животных инстинктов: у местной власти энтузиазма в выявлении «врагов народа», а у этого самого народа – доноительства, принявшего массовый характер;

– использование расправы над арестованными помимо судебных в большей мере (9/10) внесудебных органов, процессуальный механизм которых противоречил любым конституционным нормам;

– преобладание в структуре выносимых приговоров смертной казни (свыше 50%), ежемесячное количество которой намного (почти в 100 раз) превышало её годовые числа в предшествующие годы;

- санкционирование властью применения пыток, избиений и издевательств над арестованными, доведение их до самоубийств;
- репрессирование семей расстрелянных и осужденных, высылка их из ряда мест проживания, заключение на 5–8 лет в ГУЛАГе, ограничение у оставшихся на свободе или освободившихся в части прав и возможностей жизнедеятельности в той же мере, в которой она была у остальных граждан страны.

Глава 7

СОЦИАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЫ В НАСЕЛЕНИИ СССР И ИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ГУЛАГЕ

В отличие от информации о количестве заключенных, их составе в зависимости от характера преступлений (политические и уголовные), распределении на категории (высшая мера и срок) и пр., сведений о социальной, национальной, демографической и иных структурах как осужденных, так и ставших обитателями ГУЛАГа, по сути, нет. Исключение составляют лишь данные о национальном составе узников лагерей ГУЛАГа, приводимые В.Н. Земским и повторенные в Википедии по теме «ГУЛАГ», а также информация о половом составе заключенных и их распределении по уровню грамотности, встречающаяся опять же у В.Н. Земскова. Поэтому, располагая сведениями о национальном составе, занятости до заключения, гражданстве, образовании и, что, особенно важно, о возрастной структуре населения ГУЛАГа, нельзя было не посвятить этой теме отдельную главу. Информация о социальном, национальном, возрастном и образовательном составе заключенных получена в Главном информационном центре (ГИЦ) МВД РФ. Поэтому там, где под таблицами нет ссылок, сведения принадлежат этому информационному центру. В полном виде информация ГИЦ помещена в приложении 1.

Рассматривая социальный, как впрочем, и национальный состав заключенных ГУЛАГа, надо представлять, в какой мере он отражал ту классовую структуру советского общества, из которой черпалось пополнение ГУЛАГа. Понятно, что политический спектр лагерей

формировался в первую очередь из представителей уничтоженных классов и тех национальностей, которым не повезло быть представителями стран, граничащих с Советским Союзом, да еще и проживать в приграничных регионах. Помимо этого, лагеря пополняли и представители победивших классов, как и титульных народов СССР.

Прежде чем перейти к анализу статистических данных, напомним основной постулат, высказанный Сталиным в докладе «О проекте Конституции Союза ССР» Вождь с гордостью отметил, что классы капиталистов в промышленности и кулаков в сельском хозяйстве ликвидированы, не стало купцов и спекулянтов в товарообороте, остались только рабочий класс, крестьянство и интеллигенция (87). В отчетном докладе XVIII съезду ВКП(б), состоявшемся в марте 1939 г., Сталин подчеркнул, что к настоящему времени рабочие, крестьяне и интеллигенция составляют советское общество, т.е. ту общность, на основе которой развернулась такая движущая сила как дружба народов СССР (87). Статистика всесторонне подтверждает сказанное вождем, по крайней мере, о происшедших изменениях в социальной структуре советского общества вообще, и социальной структуре лагерей, в частности (табл. 7.1).

Таблица 7.1

**Изменение классовой структуры населения СССР
с 1924 по 1939 г., в %**

	1924 г.	1928 г.	1937 г.**	1939 г.
Все население, включая неработающих членов семьи, в т.ч.:	100,0	100,0	100,0/100,0***	100,0
Рабочие	10,4	12,4	31,2/31,6	33,5*
Служащие (интеллигенция)	4,4	5,2	13,6/14,8	16,7
Колхозное крестьянство и кооперированные кустари	1,3	2,9	38,7/2,3	47,2
Крестьяне единоличники и некооперированные кустари	75,4	74,9	16,5/11,3****	2,6
Буржуазия, торговцы, кулаки	8,5	4,6	-	-

* (40. с.92).

** (11. с. 124–25).

*** первая цифра – самодеятельное население, вторая – все население вместе с иждивенцами.

**** вместе с буржуазией и пр.

В 1937 г. в социальной структуре советского общества уже не было представителей эксплуататорских классов, тогда как еще в 1928 г. их было 4,6%. В дореволюционном 1913 г. среди всего населения помещики, крупная и мелкая городская буржуазия, торговцы и кулаки составляли 16,3%(6). К 1937 г. рабочих, колхозников и интеллигенции в самодеятельном населении страны стало 83,5% (во всем населении 88,7%), а к 1939 г. даже 97,4% по сравнению с 1928 г., когда их доля составляла 20,5%. Представительство этих классов в ГУЛАГе, и динамика их структуры по мере победоносного шествия социалистического строя, даны в таблице 7.2.

Таблица 7.2

**Социальный состав заключенных в лагерях ГУЛАГа
(на начало года)**

	Тыс. человек				в процентах			
	1932 г.	1934 г.	1936 г.	1938 г.	1932 г.	1934 г.	1936 г.	1938 г.
Всего заключенных, в т.ч. из:	268,7	509,8	839,4	996,4	100	100	100	100
Рабочих	38,9	78,4	147,6	231,2	14,5	15,4	17,6	23,2
Крестьян	181,6	322,8	419,9	350,7	67,6	63,3	50,0	35,2
Служащих	22,9	50,3	101,0	135,5	8,5	9,9	12,0	13,6
частников*	7,5	7,8	9,5	9,0	2,8	1,5	1,1	0,9
Служителей культы	4,8	3,3	3,0	4,0	1,8	0,6	0,4	0,4
Прочих**	13,0	47,2	158,4	266,0	4,8	9,3	18,9	26,7

* кустари, ремесленники, владельцы частных предприятий

** учащиеся, пенсионеры, военнослужащие, лица свободных профессий, другие виды деятельности и лица без определенных занятий.

Сопоставляя данные таблиц 7.1 и 7.2, несмотря на то, что в них приводится информация на различные даты, тем не менее, явно просматриваются однонаправленные изменения, происшедшие в обществе и ГУЛАГе в тридцатые годы. В социальной структуре населения Советского Союза существенно возросла доля рабочих и служащих (в 1939 г. по сравнению с 1928 г. примерно в 3 раза) и радикально увеличилась доля колхозного крестьянства и кооперированных кустарей при снижении доли крестьян-единоличников,

некооперированных кустарей, а также ликвидации буржуазии, торговцев и кулаков.

Как и в населении страны в составе заключенных ГУЛАГа возросла доля рабочих и служащих. Так к началу 1938 г. по сравнению с 1932 г. доля рабочих увеличилась в 1,6 раза, в такой же мере повысилась и доля служащих. Но вместе с тем, сократилась доля крестьян с $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{3}$. Удельный вес не кооперированных кустарей, ремесленников и владельцев частных предприятий снизился в 3 раза. К началу 1938 г. число бывших крестьян в лагерях почти не увеличилось (по сравнению с 1934 г. их количество выросло всего на 8,6%, а относительно 1936 г. даже сократилось на 16,5%), но зато численность рабочих увеличилась втрое и служащих в 2,7 раза. К началу политических репрессий, относительно крестьянства они начались намного раньше, в этом самом большом классе произошла дифференциация, главным образом, на две группы: тех, кто волей (читай, чаще принуждением) высшей власти стал колхозником, и тех, кого та же власть «определила» в ГУЛАГ или к высшей мере наказания.

В ходе коллективизации бывшие батраки, бедные и средние единоличники в своей массе вступали в колхозы, которые росли быстрее, чем грибы после дождя. Жить то всем хотелось. К началу 1939 г. доля колхозников и кооперированных кустарей в населении страны выросла в 16,3 раза относительно 1928 г., а их число в ГУЛАГе увеличилось в 41 раз (с 3,5 тыс. человек в 1932 г. до 142,5 тыс. в 1938 г.), соответственно их удельный вес в общем числе заключенных в лагерях изменилась с 1,3% до 14,3%.

На фоне сокращения в Советском Союзе класса кулаков, число представителей кулачества в ГУЛАГе увеличилось с 47,1 тыс. в 1932 г. до 96,6 тыс. человек в 1938 г., т.е. возросло вдвое, хотя их доля в общем составе лагерного населения изменилась незначительно в связи с существенным ростом количества заключенных (в 3,7 раза). Добавим, что примерно 400 тыс. кулаков (по разным источникам, чуть больше или чуть меньше) были приговорены к

высшей мере и еще сотни тысяч выселены в другие местности. А.Н. Дугин приводит данные о количестве кулаков, выселенных в первые годы коллективизации. В 1930 г. число высланных составило 342,5 тыс. человек (25). Переселения репрессированных, в т.ч. и кулаков, продолжались и в последующие годы. Общее (не только кулаков) количество трудовых поселенцев к февралю 1939 г. достигло 1,8 млн. человек. В справке, из которой берутся эти сведения, сказано, что основную массу среди трудовых поселенцев составляли кулаки, выселенные в 1930–1931 гг. из районов сплошной коллективизации (25).

К 1939 г. в составе населения Советского Союза уже не значились буржуазия, кулаки и торговцы, тогда как в лагерях ГУЛАГа в 1938 г. их насчитывалось 9 тыс. Кроме того, было еще 4 тыс. служащих культа. И скорее всего в прочие, т.е. в состав бывших военнослужащих, учащихся, лиц свободных профессий, пенсионеров, лиц с прочими видами занятий и лиц без определенных занятий (в 1938 г. их было среди заключенных 266 тыс. человек) могло затесаться какое-то количество «бывших».

Происшедшие в 30-е годы преобразования в социальной структуре советского общества, и в его «зеркале» тех лет – ГУЛАГе, являются, помимо всего прочего, свидетельством необратимых, по крайней мере, до сих пор, изменений в отношении к аграрному труду и к представителям частной собственности, в данном случае, к малому бизнесу. Уничтожив самый предприимчивый и зажиточный слой крестьянства (кулаков), убили трудолюбие целого класса (массовые отправки горожан на уборочные работы в советские годы, тому лучшее доказательство). В 30-е годы власть также уничтожила малое предпринимательство. В то время, когда строилось бесклассовое общество, отношение к малому предпринимательству обуславливалось идейными соображениями – необходимостью ликвидации частной собственности, независимо от того, в каких бы размерах она не была. Нечто подобное происходит и в современной российской действительности, хотя здесь малый бизнес же-

лаемое явление, правда только в одном случае, если он – дойная корова, без которой ни санинспектора, ни пожарные, ни энергетики, ни, тем более, муниципальные чиновники, не могут существовать. Тут уж не до идейности.

Одновременно с изменением социальной структуры ГУЛАГа (оно шло в ногу со страной), неуклонно повышался и образовательный уровень заключенных. Сведения о распределении заключенных лагерей в зависимости от уровня образования и его динамики в 30-е годы можно использовать из работы В.Н. Земскова и из материалов ГИЦ МВД РФ. Эти данные отличаются, но незначительно. Так. У В.Н. Земскова число заключенных лагерей с высшим образованием на начало 1934 г. составляет 3572 человека, а в материалах ГИЦ – 3565. Это мелочь. В материалах ГИЦ приведены итоговые данные, что позволяет осуществлять проверку, столь необходимую, когда используются статистические ряды. Они охватывают 1932–1940 гг. Однако в них отсутствует 1939 г. а для 1937 г. приводятся сведения по состоянию на 1 апреля. У В.Н. Земскова информация на 1937 и 1939 гг. приведена на 1 января, но при этом отсутствуют данные для 1932–1933 гг. Комбинация сведений, приводимых в обоих источниках, позволяет выполнить необходимые расчеты о структуре заключенных по уровню образования и её изменениях в 30-е годы (табл. 7.3).

Таблица 7.3

Распределение заключенных, содержащихся в ИТЛ НКВД по уровню образования в 1932–1940 гг. (на начало года, в %)

С уровнем образования:	1932 г.	1934 г.	1936 г.	1938 г.	1940 г.
Высшее	1,1	0,7	0,8	1,1	1,8
Среднее	6,6	5,6	7,4	8,3	9,9
Низшее	39,3	39,1	46,4	50,2	49,6
Малограмотные	38,2	42,7	35,8	31,8	30,3
Неграмотные	14,8	11,9	9,6	8,6	8,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Из рядов, представленных в таблице 7.3, видно, что доля неграмотных в составе заключенных сокращалась вместе с ликвидацией неграмотности в стране (с 14,8% к началу 1932 г. до 8,4% к 1940 г. и по данным В.Н. Земскова – до 7,1% – к 1941 г.). Доля малограмотных стала снижаться с 1934 г. и, наоборот, с этого же года начинается последовательный рост удельного веса лиц со средним уровнем образования. Лиц с низшим образованием к 1938 и 1940 годам стало примерно половиной среди заключенных лагерей, а с высшим к началу 1938 г. вновь достигло уровня 1932 г. Доля лиц с высшим образованием ко времени завершения политического террора, т.е. к началу 1939 г., выросла до 1,7% и 2,1% к началу 1941 г. (28). Объяснить увеличение среди заключенных доли лиц с высшим образованием можно триадой: или это произошло в связи с ростом численности населения, получившего высшее образование, или вследствие более высоких темпов роста репрессий в отношении этой категории граждан страны, или, наконец, вследствие того и другого.

Чтобы разрешить эту триаду, нужно привлечь для сопоставлений образовательную структуру населения СССР и её динамику в тот же период. Благодаря труду историков Ю.А. Полякова, В.В. Жиромской и И.Н. Киселева стали доступными сведения об образовательном составе населения СССР по переписи 1937 г. (71). Более того, в 2007 г. опубликован, по сути, весь доступный свод документов и материалов, относящихся к этой «расстрельной» переписи населения (11). Данные этой переписи относятся ко времени начала политического террора в СССР. Кроме этих сведений, нужна также информация на время окончания этой политической вакханалии в СССР. К сожалению, материалы переписи населения, проведенной в январе 1939 г., опубликованы в таком виде, что ими очень сложно пользоваться для сравнений.

В послевоенное время сведения о распределении населения по уровню образования населения в 1939 г. были опубликованы в 1962 г. для сопоставления с ними данных переписи населения 1959 г. Используя то, что весьма дозировано увидело свет, можно получить

некоторые сравнения изменений, происшедших с образовательным уровнем населения страны и заключенных лагерей ГУЛАГа в период политического террора в стране (1937–1938 г.).

Наиболее полная информация об образовательном уровне населения относится к 1937 г. Это сведения о населении, распределенном на возрастные группы, по уровню образования (неграмотные, грамотные, имеющие среднее и высшее образование). Согласно этим данным, в 1937 г. число мужчин (для расчета принята численность мужчин, т.к. их доля среди заключенных составляла в 92–93%, что позволяет пренебречь возможной погрешностью) в стране составляло 75787 тыс. человек. Их распределение согласно переписи 1937 г. выглядит так (в тыс. человек): имевших высшее образование было 630,2 и среднее – 3592,6. Грамотных было 33258,2 и неграмотных – 23585,5. Студенты ВУЗов, имевшие среднее образование, составляли 334,9, техникумов (видимо, тоже со средним образованием, во всяком случае, приходится так считать) – 507,3 тыс. Школьников 1–7 классов насчитывалось 6776,1 и 8–10 классов 377,8 тыс. Таким образом, учащихся всех форм обучения было 14720,5 тыс., тогда на не учащихся приходилось 61066,5 тыс. человек.

Эти данные, чтобы облегчить сопоставление с образованием заключенных, можно представить иначе, если отделить от них лиц моложе 16 лет, поскольку в составе лагерного населения таких возрастов ничтожно мало. В составе неграмотного населения дети в возрасте до 16 лет составляли 1533,7 тыс. (из них в дошкольном возрасте, т.е. до 8 лет – 77,2 тыс.). Отделив эти цифры, получим, что неграмотных было 7408,8 тыс. Подобным образом рассчитаем число грамотных. Их вместе с учениками начальной школы и 1–7 классов, было 32187,4 тыс. Добавив лиц со средним образованием, которых было 4626,2 тыс., в т.ч. взрослых – 3552,2, учащихся 8–10 классов (258,1 тыс.), учащиеся техникумов (481,0 тыс.) и студентов ВУЗов (334,9 тыс.); и лиц с высшим образованием (630,2 тыс.), получим общую численность населения в возрасте 16 лет и старше, включающую неграмотных, грамотных, лиц со средним и высшим

образованием. Она составляла 44852,6 тыс. человек. Полученные таким путем данные позволяют сопоставить уровни образования населения страны и заключенных в лагерях ГУЛАГа на начало 1937 г.

Значительно хуже, если не безнадежно, обстоит дело с переписной информацией для начала 1939 г. Некоторые сведения о распределении населения по уровню грамотности в тот год приводятся в публикации итогов Всесоюзной переписи населения 1959 г. В частности, доля грамотных мужчин среди лиц в возрасте 9–49 лет в 1939 г. составляла 93,5% (в 1926 г. – 71,5%). Опубликованы также сведения о численности всех мужчин, и в т.ч. в трудоспособном возрасте с высшим, а также незаконченным высшим, средним и неполным средним образованием (40). Согласно переписи населения 1939 г., численность мужчин в тот период составляла 91404,5 тыс. человек. Среди них с высшим образованием было 799,2 тыс. человек, с незаконченным высшим, средним и неполным средним – 8053,2 тыс. человек (41). «Демоскоп» разместил информацию о том, что перепись 1939 г. зафиксировала в составе мужчин 21902,7 тыс. неграмотных (20). Если вычесть численность лиц в возрасте до 8 лет, а их было 15503,5 тыс. и 8–15 летних, количество которых составляло 875 тыс., то остается 16378,5 тыс. человек. Вот собственно и все, что можно извлечь из опубликованных данных за 1939 г., необходимых для дальнейших расчетов. Сведем все перечисленные для 1937 и 1939 годов сведения в таблицу 7.4.

Для сопоставления уровней образования заключенных и населения в 1937 и 1939 годы, нужно данные таблиц 7.3 и 7.4 привести в сопоставимую форму, т.е. разбить обе совокупности на лиц с высшим образованием, со средним, на грамотных (низшее и малограмотные) и неграмотных. На основании этих данных можно определить образовательные структуры заключенных и населения, а также вычислить темпы изменения численности обеих совокупностей отдельно по группам в 1937–1938 гг. (табл. 7.5).

Будь возрастные структуры заключенных и населения страны одинаковыми, можно было бы простым сопоставлением удельных

весов лиц, имеющих разное образование, дать ответ на поставленную раннее триаду. Но отнюдь. Заключение – это, в основном, лица трудоспособных возрастов, тогда как во всем населении только детей до 16 лет в 1937 г. было свыше 1/3.

Таблица 7.4

**Уровень образования всего населения СССР (мужчины)
по переписям 1937 и 1939 годов, в %**

Группы по уровню образования	1937 г.			1939 г.***
	Все население	16 лет и старше	в т.ч, без учащихся	Все население
с высшим образованием	менее 0,8	1,4	свыше 1,0*	
с н/з высшим, средним и неполным средним	6,4	10,3	7,9	9,7
остальные грамотные* **	62,1	71,8	60,4	66,3
не грамотные	...	16,5	38,6	24,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

* численность учащихся ВУЗов, как не получивших еще высшее образование, приплюсована ко второй группе.

** эта группа включает всех грамотных, в т.ч. и лиц со средним образованием, студентов ВУЗов и учащихся техникумов учащиеся 1–10 классов, без них цифра равна 62,6%.

*** в 1939 г. приходилось 16 человек, имевших высшее образование в расчете на тысячу занятого населения и 120 с незаконченным высшим, средним и неполным средним. Среди трудоспособных мужчин (16–59 лет) лиц с высшим образованием было 1,4% и со средним – 13,8%.

Таблица 7.5

**Распределение населения СССР и заключенных лагерей
по образовательным группам в 1937 и 1939 годы**

Группы по уровню образования	Заключенные, человек		Население, тыс. человек	
	1937 г.	1939 г.	1937 г.	1939 г.
с высшим образованием	8619	22395	630,2	799,2
со средним образованием	72648	119864	4434,8	8053,2
остальные грамотные	671480	1061976	42156,5	60649,4
неграмотные	68134	112960	28565,5	21902,7
Всего	820881	1317195	75787,0	91404,5

Итак, в 1937 г. во всем населении, взятом без учащихся, доля лиц с высшим образованием была такой же, как и у лагерных заключенных. Если долю неграмотных уменьшить хотя бы на 1/3 (это конечно, завышение, т.к. дети с 8 лет уже учились и должны быть отнесены к грамотным), то все равно получится величина втрое большая, чем доля неграмотных среди заключенных (примерно 25%). При обеих раскладках получается, что заключенные были более образованными, чем остальное население (табл. 7.6).

Таблица 7.6

**Структура населения СССР и заключенных лагерей
в 1937 и 1939 гг. по уровню образования, в %**

Группы по уровню образования	Заключенные			Население		
	1937 г.	1939 г.	1939 г. к 1937 г., в %	1937 г.	1939 г.	1939 г. к 1937 г., в %
с высшим образованием	1,0	1,7	259,8	0,8	0,9	123,6
со средним образованием	8,9	9,1	165,0	5,9	8,8	181,6
остальные грамотные**	81,8	80,7	158,2	55,6	66,4	143,9
неграмотные	8,3	8,5	158,9	37,7	23,9	76,7
всего	100,0	100,0	160,5	100,0	100,0	120,6

Относительно 1939 г. можно с уверенностью сказать лишь одно: у заключенных доля лиц с высшим образованием была выше, чем у остального населения. Но такой вывод не вполне правильный, поскольку доля любой группы по уровню образования зависит не только от абсолютного числа лиц, входящих в эту группу, но и от численности лиц, составляющих другие группы. В частности, сокращение доли грамотных заключенных в 1939 г. относительно 1937 г. на 1,1 процентных пункта обусловило увеличение доли лиц с высшим образованием, которая по сравнению с 1937 г. возросла с 1,0 до 1,7% или на 0,7 пункта.

Видимо, более корректно сравнивать между собой не динамики долей лиц с разным образованием среди заключенных и населения, а темпы изменения их численностей. По сравнению с 1937 г. к 1939 г. численность лиц с высшим образованием возросла на 15,3%.

Количество заключенных с высшим образованием в этот период увеличилось в 2,6 раза. Среди населения численность лиц с незаконченным высшим и средним образованием увеличилась в 1,8 раза, а среди заключенных – чуть больше чем в 1,6 раза.

Данные таблицы 7.6 свидетельствуют, что на фоне роста численности населения, имевшего высшее образование, в 1,2 раза, количество заключенных с таким же образованием увеличилось в 2,6 раза. Сама по себе абсолютная прибавка не велика (13,8 тыс. человек при общем увеличении количества заключенных на 496,3 тыс.), но она – свидетельство пополнения лагерей политическими заключенными. В отличие от высшего образования, в лагерях в меньшей мере возросло количество лиц со средним образованием: в 1,75 раза против 1,8 раза. Тем не менее, в целом число грамотных заключенных увеличилось в большей мере, чем в населении страны: соответственно в 1,6 и 1,3 раза, тогда как динамика неграмотных оказалась противоположно направленной: среди заключенных их численность выросла в 1,6 раза, тогда как среди населения сократилась более чем на 20%. Количество неграмотных в лагерях рекрутировалось из сельскохозяйственного населения (прежде всего, из репрессированных кулаков) и рабочих. К началу 1938 г. по сравнению с 1936 г. число рабочих в лагерях увеличилось на 84 тыс., колхозников – на 47 тыс. и кулаков – на 22 тыс. человек.

Очевидно, что сопоставление динамики уровней образования заключенных и всего населения страны не совсем корректно. Среди заключенных абсолютно преобладали лица трудоспособных возрастов. Так на начало 1937 г. в населении страны лиц в возрасте 20–59 лет было 51,6%, а среди заключенных – 10,6%, т.е. почти в пять раз меньше. Если сопоставить темпы увеличения численности лиц в трудоспособном возрасте, имевших высшее образование, с темпами увеличения количества заключенных с таким же образованием, происшедшим с 1937 по 1939 г., то различия окажутся еще большими. У трудоспособного населения темпы увеличения численности лиц с высшим образованием составили 113,4%, а у за-

ключенных – 259,8%. Соответственно для темпов изменения среднего образования цифры таковы: 156,9 и 165,0%.

В 1937–1938 гг. в Советском Союзе, если судить по динамике численности лиц с разным образованием, продолжалось повышение уровня образованности населения. Это факт, таковы цифры. Одновременно с этим рос и уровень образования заключенных. Но он повышался в большей мере, чем у населения страны. Сопоставление темпов изменения численности лиц, имевших разный уровень образования, среди заключенных лагерей ГУЛАГа и населения страны в целом, дает основание сделать вывод, что на динамику образовательного уровня лагерного контингента влиял и общий по стране рост образованности, и происходящий некий селективный процесс, состоящий в том, что в составе осужденных образованных становилось больше, поскольку именно они составляли те слои общества, из которых рекрутировались «шпионы», «диверсанты», левые и правые отщепенцы и пр. Еще раз подчеркнем, что изменение образовательной структуры лагерного населения происходило одновременно и в связи с повышением образовательного уровня населения страны и вследствие того, что помимо крестьян и рабочих, которыми пополнялся ГУЛАГ, лагерный контингент возрастал за счет лиц с высшим образованием, как правило, осуждаемым за контрреволюционную деятельность.

Несмотря на широкий размах репрессий в отношении лиц тех национальностей, которые являлись титульными приграничных для СССР государств, а также открыто проявлявших враждебное к нему отношение (фашистская Германия и милитаристская Япония), в лагерном контингенте их было сравнительно немного. Существенная их часть была расстреляна и еще большая сослана в Казахстан, Сибирь и т.д. К началу 1940 г. находилось в лагерях 54,8 тыс. лиц не титульных для Советского Союза национальностей, что составляло 4,1%. Годами раньше, например, в 1936–1938 гг. их было немногим более 20 тыс. (на начало 1938 г. – 23,3 тыс. человек). Среди лиц не титульных для СССР национальностей, преоб-

ладающее большинство были его гражданами. К началу 1940 г. граждан других государств чуть больше 4 тыс. человек, среди которых основную массу составляли граждане Китая, Афганистана, Ирана, Греции, Польши и Германии.

Помимо сведений о национальном составе заключенных, опубликованных В.Н. Земсковым для 1939–1941 гг., мы располагаем данными ГИЦ МВД для 1932–1940 гг., что позволяет проанализировать изменение национального состава за годы, предшествующие политическому террору, во время разгула репрессий и по его завершении, т.е. с 1932 г. по 1941 г. Сложность, однако, в том, что в этих источниках перечень национальностей различен. Скорее всего, в материалах ГИЦ он дан таким, каким был в документах ГУЛАГа 30-х годов, а у В.Н. Земскова они приведены к современному виду. К тому же, и некоторые группы национальностей разных лет отличаются их составом. Так для 1939 г. нет сведений по азербайджанцам (даются совместно по тюркам и татарам), для 1940 г. отсутствуют сведения о чувашах, марийцах и др. Изменения национальной структуры заключенных представлены в таблице 7.7.

Таблица 7.7

**Динамика национальной структуры заключенных лагерей
ГУЛАГа в 1932–1940 гг., в %**

Национальности, их группы	1932 г.	1934 г.	1936 г.	1938 г.	1939 г.*	1940 г.
Русские	58,9	59,8	61,2	62,1	63,1	61,0
Украинцы	18,8	19,1	18,0	15,2	13,8	14,6
Белорусы	2,8	4,9	4,8	5,0	3,4	3,7
Среднеазиатские народы, казахи и калмыки	6,4	4,6	4,8	4,3	4,4	
Народы Кавказа	2,0	2,0	1,6	2,4	1,7	2,5
Народы Поволжья	3,1	4,0	4,2	4,7	2,3	2,5
Прочие народы Союза	3,4	2,1	1,4	2,4	5,9	5,4
Евреи	1,1	1,1	1,2	1,3	1,5	1,6
Народы других стран	2,5	2,4	2,8	2,3	3,9	4,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	10,0

Основную массу заключенных составляли «лица славянской национальности», их доля все эти годы превышала 80%. На её динамику влияло эпизодическое увеличение удельного веса украинцев (1934 и 1936 годы), и белорусов (1938 г.), а также постоянный рост доли русских, остановившийся лишь в 1940 г. Причем надо иметь в виду, что повышение доли этой группы народов СССР в составе заключенных происходило в условиях общего роста лагерного контингента (с 509,8 тыс. человек в 1934 г. до 996,4 тыс. к началу 1938 г. и 1344,4 тыс. – 1940 г.). Если к началу 1936 г. русских, украинцев и белорусов насчитывалось 705,2 тыс., то по завершении репрессий к 1939 г. – уже 1057,2 тыс. человек. Прибавка превысила 350 тыс. С незавидным постоянством росла доля евреев: 1934 г. – 1,1%, 1936 г. – 1,2, 1938 г. – 1,3 и 1940 г. – 1,6%. Правда, численность евреев в лагерях была невелика: 10,2 тыс. человек на начало 1936 г. и 21,5 тыс. на начало 1940 г. В таблице 7.8 представлена динамика заключенных разных национальностей в годы политического террора.

Таблица 7.8

**Динамика национального состава заключенных лагерей
ГУЛАГа на начало 1937 и 1939 годов**

Национальности, их группы	тысяч человек			В процентах		
	1937*	1938	1939	1938 г. к 1937 г.	1939 г. к 1938 г.	1939 г. к 1937 г.
Русские	503,6	621,7	830,5	123,5	133,6	164,9
Украинцы	126,4	151,4	181,9	119,8	120,1	143,9
Белорусы	34,5	49,8	44,8	144,4	89,9	129,8
Среднеазиатские народы, казахи и калмыки	42,6	42,4	57,7	99,5	136,1	135,0
Народы Кавказа	15,7	23,6	31,2	150,3	132,2	198,7
Народы Поволжья	33,4	39,1	51,7	117,1	132,2	154,8
Прочие народы Союза	33,1	32,1	47,2	97,0	147,0	142,6
Евреи	11,4	13,0	19,8	113,2	152,5	172,7
Народы других стран	23,0	23,3	52,4	101,2	224,9	227,8
Всего	823,7	996,4	1317,2	121,0	132,2	159,9

Учитывая сделанные уточнения, поскольку состав некоторых групп в приводимых данных не постоянен, динамика не претендует на абсолютную точность. Но она, тем не менее, отражает реальную картину движения лиц разных национальностей в лагерях, хотя и не отражает участия населения разной национальности в пополнении ГУЛАГа. Для этого необходима структура населения страны по национальностям за те же годы, за которые используются данные по ГУЛАГу (табл. 7.9), что позволит осуществить сравнения национальных структур заключенных и населения страны.

Таблица 7.9

Национальная структура населения СССР в 1937 г. и 1939 г.*

Национальности, их группы	1937 г.		1939 г.		1939 г. в % к 1937 г.
	тысяч человек	в % к итогу	тысяч человек	в % к итогу	
Русские	93933,1	58,1	99591,1	58,3	106,0
Украинцы	26421,2	16,3	28111,0	16,5	106,4
Белорусы	4874,1	3,0	5275,4	3,1	108,2
Среднеазиатские народы и казахи	10145,2	6,3	10872,2	6,4	107,2
Народы Закавказья	6111,8	3,8	6678,2	3,9	109,3
Народы Поволжья	8064,7	4,9	9205,3	5,4	114,1
Прочие народы Союза	6959,8	4,3	4395,2	2,6	63,0
Народы Поволжья и прочие народы СССР	15024,5	9,2	13600,5	8,0	90,5
Евреи	2715,1	1,7	3028,5	1,8	111,5
Народы других стран	2528,2	1,6	3400,2	2,0	134,5
Всего:	161753,2	100	170557,1	100	105,4

* (109).

В таблице 7.10 сопоставляются национальная структура населения страны и заключенных лагерей ГУЛАГа на начало 1937 и 1939 годов, т.е. на период осуществления политического террора в СССР. Одновременно рассчитаны темпы изменения численности лиц разных национальностей с начала 1937 г. по начало 1939 г.

Изменения, произошедшие с национальной структурой заключенных лагерей и населения СССР в 1937–1938 гг.

Национальности и их группы	доля национальности в общей численности, %				изменение в 1939 г. в % к 1937 г.	
	1937 г.		1939 г.		заклю-ченные	насе-ление
	заклю-ченные	насе-ление	заклю-ченные	Населе-ние		
Русские	61,1	58,1	63,1	58,3	164,9	106,0
Украинцы	15,3	16,3	13,8	16,5	143,9	106,4
Белорусы	4,2	3,0	3,4	3,1	129,8	108,2
Среднеазиатские народы и казахи	5,2	6,3	4,4	6,4	135,0	107,2
Народы Закавказья	1,9	3,8	2,4	3,9	198,7	109,3
Евреи	1,4	1,7	1,5	1,8	172,7	111,5
Народы Поволжья и другие народы СССР	4,1	9,2	3,9	8,0	148,7	90,5
всего:	100,0	100,0	100,0	100,0	159,9	105,4

Поскольку группы народов не всегда идентичны по своему составу, наиболее точную характеристику происшедшему, можно дать только по отдельным национальностям. За межпереписной период, совпавший, как уже отмечалось, с временем осуществления политического террора в СССР, численность русского населения увеличилась на 6%, а заключенных той же национальности в лагерях – на 64,9%. Отношение темпов роста второй величины к первой составило – 1,56 (1,649:1,06). По украинцам это соотношение равно 1,35, по белорусам – 1,2 и по евреям – 1,55. К сожалению, по другим отдельно взятым национальностям, кроме башкир, расчеты сделать не представляется возможным. У башкир этот показатель составляет 1,33. Таким образом, можно лишь утверждать, что среди заключенных из славянского населения СССР особенно активно отправлялись в ГУЛАГ русские. Примерно таким же вниманием пользовались и евреи.

Авторы «Черной книги коммунизма» утверждают, что в ГУЛАГе евреи составляли очень малый процент узников, их было всего 19758 человек, тогда как русских – 830491 человек (103). Если соотнести количество узников евреев с их численностью в Советском Союзе в 1939 г., то окажется, что первых было 0,65% от общего числа евреев. В это же время доля узников из русского населения достигала 0,83%, из украинцев – 0,65% и белорусов – 0,85%. Средняя цифра для всего населения страны составляла 0,77%. Поэтому, несмотря на более высокие темпы увеличения количества евреев среди узников ГУЛАГа по сравнению с другими национальностями, их число относительно всей численности в стране оставалось меньше, чем у русских и белорусов, которых в лагерях было уже достаточно много ко времени начала политического террора.

С наступлением продолжавшегося более чем 1,5 года периода политического террора, возросло не только количество арестованных, но и изменился их половозрастной состав. По данным В.Н. Земскова на начало 1935–1937 гг. среди заключенных ИТЛ доля мужчин составляла 93,9%, на ту же дату 1938 г. она снизилась до 93,1 и 1939 г. до – 91,6%. К началу 1940 и 1941 гг. она вновь возросла до 91,9 и 92,4% (27, с.23). Снижение доли мужчин среди заключенных ИТЛ в 1937–1938 гг. вызвано, видимо, тем, что женщин среди политических было больше, чем среди уголовных. Составляя 6,1% на начало 1936 и 1937 годов, доля женщин к 1938 и 1940 годам возросла соответственно до 6,9 и 8,1%. К началу 1940 г. относительно 1937 г. численность женщин-заключенных выросла в 2,2 раза, тогда как мужчин – в 1,6 раза.

Сведений о возрастном составе заключенных в работах В.Н. Земскова, А.Н. Дугина и И.В. Пыхалова, да и других авторов мы не нашли и располагаем лишь статистикой ГИЦ МВД на 1937, 1938 и 1940 годы (табл. 7.11).

С началом массовых репрессий увеличился удельный вес лиц старшего возраста: те, кому было более 40 лет, к началу 1937 г. составляли 15,7%, к 1938 г. – 20,7% и к 1940 г. – почти 30%. Основ-

ная доля заключенных в 1937 и 1938 годы приходилась на лиц в возрасте 20–39 лет: соответственно 74,3 и 70,9%. Данные таблицы свидетельствуют о существенном отличии возрастной структуры заключенных и населения страны. Но это различие – следствие сопоставления разных совокупностей: заключенных-мужчин, в основном трудоспособного возраста и всего населения.

Таблица 7.11

**Возрастная структура заключенных в ИТЛ ГУЛАГа
и населения СССР, на начало года, в %**

Возрастные группы	Заключенные			Население	
	1937	1938	1939*	1937 г.	1939 г.
До 20 лет	10,0	10,0	10,0	44,9	44,5
20–29	47,3	47,3	47,3	18,6	18,0
30–39	27,0	27,0	27,0	14,5	15,0
40–49	11,3	11,3	11,3	8,9	9,1
50–59	3,8	3,8	3,8	6,4	6,6
60 и старше	0,6	0,6	0,6	6,7	6,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Найдено как среднее из чисел на начало 1938 и 1940 гг.

К сожалению, сведений о возрастной структуре заключенных, относящихся к мужчинам и женщинам, нет. Но поскольку доля мужчин среди заключенных превышает 9/10, то без большой погрешности возрастной состав всех заключенных можно сопоставлять с возрастным составом мужского населения страны по переписям 1937 и 1939 годов, исключив из того и другого детей в возрасте до 16 лет и тех, чей возраст превышает 70 лет (табл. 7.12).

Из таблицы 7.12 видно, что у заключенных и мужского населения страны нет каких-либо существенных различий в возрастных группах: 16–19 лет (12,3–11,9% и 11,2–11,8%) и 30–39 лет (25,5–24,9% и 25,5–25,4%) Но во всех остальных, особенно старших возрастных группах различия достаточно велики. В таблице 7.13 приводятся приросты численности заключенных и населения СССР.

Таблица 7.12

**Возрастная структура заключенных
и мужского населения СССР в возрасте от 16 лет до 70 лет**

Возрастные группы, лет*	Заключенные на 01.04 1937 г.		Заключенные на 01.01.1938 г.		Мужское население, на начало 1937 г.		Мужское население, на начало 1939 г.	
	тыс. человек	в %	тыс. человек	в %	тыс. человек	в %	тыс. человек	в %
16–19	99,5	12,3	118,6	11,9	4856,1	11,2	5598,8	11,8
20–29	388,8	48,1	441,4	44,3	13551,2	31,2	15033,5	31,6
30–39	206,8	25,5	248,1	24,9	11092,7	25,5	12351,6	25,4
40–49	84,2	10,4	129,5	13,0	6700,0	15,5	7058,2	14,9
50–59	27,0	3,3	46,8	4,7	4410,4	10,1	4610,2	9,7
60–69	3,1	0,4	11,4	1,1	2842,8	6,5	2968,5	6,2
Всего	809,4	100,0	995,8	100,0	43453,2	100,0	47620,8	100,0

* Заключенные в возрасте 16–20 лет отнесены к 16–19-летним и т.д.

Таблица 7.13

**Абсолютный и относительный прирост численности
заключенных и населения**

Возрастные группы, лет	Заключенные		Население
	прирост, тыс. человек	1938 г. в % к 1937 г.	1939 г. в % к 1937 г.
16–19	19,1	119,2	115,3
20–29	52,6	113,5	110,9
30–39	41,3	120,0	111,3
40–49	45,3	153,8	105,3
50–59	19,8	173,3	104,5
60–69	8,3	367,7	104,4
Всего	186,4	123,0	109,6

Если в возрасте до 30 лет темпам увеличения численности мужчин в СССР были близки темпы роста количества заключенных, то уже у лиц в 40 лет и старше темпы увеличения числа заключенных существенно выше, чем у мужского населения страны: в возрастной группе 40–49 лет – в 1,5 раза, в группе 50–59 лет – в 1,7 раза, а в группе 60–69 лет даже в 3,5 раза. Это те возраста, в которых находились жертвы террора, бывшие в прошлом участниками революционного движения, гражданской войны, или выдви-

нувшиеся на руководящие должности в начальные годы советской власти. В 1937 г. Сталину было меньше 58 лет. Столько же или еще моложе были и его жертвы: Томскому и Рыкову было по 56–57 лет, Зиновьеву и Каменеву – по 54 года, Бухарину, Тухачевскому, Блюхеру, Гамарнику, Якиру и др. – менее 45–50 лет. Те, кому было от 30 до 50 лет, занимали руководящие посты областного и районного уровней. Из их среды и шло пополнение лагерей ГУЛАГа. Лица, моложе 20 и старше 60 лет не составляли сколько-нибудь значительной группы, их численность за 1937 г. возросла соответственно на 19,1 и 8,3 тыс. человек, тогда как количество заключенных возрастной группы 20–29 лет увеличилось на 52,6 тыс. и группы 40–49 лет – на 45,2 тыс. человек. Две последние группы в общем приросте составили свыше 52%, тогда как две крайние – 14,7%. Интенсивность участия в пополнении контингента заключенных лицами разных возрастных групп, можно определить, разделив для одинаковых возрастных групп темпы увеличения количества заключенных на темпы роста численности населения (табл. 7.14).

Таблица 7.14

Интенсивность репрессий среди лиц разного возраста

Возрастные группы, лет	Темпы увеличения численности, в %		Возрастная интенсивность
	Заключенные, 1938 г. к 1937 г.	Мужское население, 1939 г. к 1937 г.	
16–19	119,2	115,3	1,034
20–29	113,5	110,9	1,023
30–39	120,0	111,3	1,078
40–49	153,8	105,3	1,461
50–59	173,3	104,5	1,658
60–69	367,7	104,4	3,522
В среднем по всем возрастам	123,0	109,6	1,122

Первые две группы (16–19 и 20–29 лет) менее всего подвергались репрессиям, тогда как показатели интенсивности у тех, кто становился жертвами политического террора, непрерывно возрастали, начиная с группы 30–39 лет: 1,1, 1,5, 1,7 и 3,5. Эти цифры

относятся к тем, кто избегнул высшей меры, т.е. кому выпадала более «мягкая» доля. Но и они попадали под жернова пенитенциарной машины и гибли в большей мере, чем, если бы они оставались на воле.

* * *

Итак, изменение классовой структуры в стране сказалось и на составе заключенных, среди которых возросла доля крестьянства, прежде всего за счет кулаков, судьба которым уготовила помимо высшей меры, заметное представительство в ГУЛАГе и еще большее – в высылке из родных мест. Лагеря также интенсивно пополнялись из среды рабочих и служащих. На фоне ликвидации неграмотности в стране менялся и образовательный уровень заключенных, причем среди них всего быстрее росла доля лиц с высшим образованием, заметно опережая увеличение доли этой категории в населении страны.

Неравномерно в лагерях были представлены и лица разных национальностей, наибольшая интенсивность репрессий наблюдалась среди белорусов, русских, евреев и лиц тех национальностей, которые не были титульными для страны, а их этнические корни были в приграничных или враждебно относящихся к СССР государствах (немцы, поляки и др.). Репрессии наиболее интенсивно охватывали лиц старших трудоспособных возрастов: лица в 40–49 лет репрессировались чаще, чем те, кому было 20–29 лет в 1,4 раза, а в возрасте 60–69 лет – даже в 3,4 раза.

Глава 8

СМЕРТНОСТЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ И НАСЕЛЕНИЯ СССР В ГОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА

В 1937–1938 гг. было осуждено всего 1345 тыс. человек. Из них 49,3% или 663,2 тыс. человек избежали высшей меры и получили тот или иной срок. Но им было не сладко. Они попадали в одно из подразделений ГУЛАГа – Главного управления исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения, о котором уже упоминалось раньше. Созданный в 1930 г., ГУЛАГ к 1934 г. стал одним из пяти главных управлений в образованном в то же время НКВД. Его система состояла из территориальных управлений (отделов) мест заключения (ИТУ), которые в разные годы включали спецпоселения (места ссылок), исправительно-трудовые колонии (ИТК) для осужденных на небольшие сроки (до 3-х лет), исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), в которых находились в основном политические заключенные, тюрьмы (до 1938 г.) и бюро исправительных работ (БИРы) для осужденных к принудительным работам без лишения свободы. С их заработка вычитался определенный процент. Перед началом войны в БИРах находилось около 1,3 млн. человек (42).

В 1934 г. насчитывалось 34 территориальных управления. В 1935–1936 гг. было образовано еще 5 управлений и одно упразднено. Эти 38 территориальных управлений обеспечивали содержание заключенных вплоть до 1937 г. К концу 1937 г. их уже стало свыше 60, причем десять из них находились в Сибири и на

Дальнем Востоке (19). Тем не менее, мест содержания заключенных при таком размахе политических репрессий не хватало, и потому в 1938 г. к ним прибавилось еще 5 управлений. В последующем, в 1939–1940 г., когда количество политических осужденных пошло на спад, было образовано всего 3 ИТУ. К началу 1939 г. самые крупные лагеря с числом заключенных свыше 100 тыс. человек находились на Дальнем Востоке. В Бамлаге и Севвостлаге содержалось свыше 400 тыс. человек (почти одна треть). Остальные наиболее крупные ИТУ размещались в Сибири и на Северо-Западе России (Коми и Архангельская область).

Трудом заключенных ГУЛАГа создавались протяженные каналы (Беломорско-Балтийский, Москва-Волга и пр.), строились железные дороги, прежде всего, в экстремальных условиях Сибири и Севера, возводились крупные промышленные предприятия (Норильский, Нижнетагильский металлургические комбинаты и т.д.), заготавливался лес, добывались уголь и руда, осуществлялись сельскохозяйственные работы. Появление на карте целого ряда городов (Комсомольск-на-Амуре, Советская Гавань, Дудинка, Воркута, Находка и пр.) – это всецело заслуга заключенных, их непосильного труда и нечеловеческого лагерного содержания. Правда говорить об этом нельзя было не только в тридцатые, но и в послевоенные годы. В частности, считалось, что г. Комсомольск-на-Амуре, в котором еще в сороковые годы многочисленные «зоны» перелесками отделялись одна от другой, являлся детищем комсомольцев. В школе можно было, в лучшем случае, взыскание получить, если сказать об этом вслух. Это относилось и к другим поселениям – детищам заключенных. Основным местом содержания политических заключенных были лагеря, в меньшей мере – колонии и тюрьмы (табл. 8.1).

Среди заключенных, содержащихся в лагерях, примерно треть составляли те, кто был осужден за контрреволюционные преступления. В начале апреля 1940 г. эта группа вместе с перебежчиками, социально вредными и социально опасными элементами составляла 652,1 тыс. человек. В её составе тех, кого квалифицировали как

троцкистов, зиновьевцев и правых (бухаринцев), к апрелю 1940 г. осталось 4,2%, террористов, диверсантов и шпионов – 8,4%. Больше всего было отбывающих наказание за прочие контрреволюционные преступления (32,0%) и за антисоветскую агитацию, читай за несдержанность языка (42,9%). На долю семей изменников Родины приходилось 3,2%, и еще было 1,1% тех, кого обвинили в качестве руководителей контрреволюционных организаций. Последних было 4,5 тыс. человек, стало быть, страна «кишела контрреволюционными организациями», они были в каждом регионе, следователям оставалось только выбить показания из арестованных.

Таблица 8.1

**Численность заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах
в 1935–1940 гг., на начало года***

Годы	Всего тыс. человек	В том числе, тыс. человек:			То же в процентах:		
		ИТЛ	ИТК	тюрьмы	ИТЛ	ИТК	тюрьмы
1935	965,8	725,5	240,3**	...	75,1	24,9**	...
1936	1296,5	839,4	457,1**	...	64,7	35,3**	...
1937	1196,4	820,9	375,5**	...	68,6	31,4**	...
1938	1881,6	996,4	885,2**	...	53,0	47,0**	...
1939	2004,9	1317,2	335,2	352,5	65,7	16,7	17,6
1940	1846,3	1344,4	315,6	186,3	72,8	17,1	10,1

* (74)

** вместе с находившимися в тюрьмах.

Если принять 1936 г. в качестве базового для определения динамики преступлений в последующие годы, то получится, что к 1940 г. количество контрреволюционных преступлений выросло в 4,2 раза, тогда как всех остальных преступлений – только в 1,2 раза. Именно поэтому доля тех, кого обвинили в контрреволюционных преступлениях, в общем составе осужденных с 11,7% в 1936 г. увеличилась до 18,5% в 1938 г. и 32,7% в 1940 г.

В 1937–1938 гг. не только существенно возросло число политических заключенных в лагерях, но изменились в худшую для них сторону сроки заключения. В марте 1937 г. ужесточается режим в

тюрьмах особого назначения НКВД и прекращается освобождение из ссылок бывших оппозиционеров, а в апреле политбюро разрешило Особым совещаниям при НКВД заключать в тюрьму на срок 5–6 лет вместо ссылки тех, кого не уличили, а только «заподозрили в шпионаже, диверсиях и вредительстве». Ну чем не инквизиция, при которой подозрения в ереси, было достаточно, чтобы обречь человека на страдания.

В августе НКВД запретил выпускать из тюрем содержащиеся в них наиболее активные контрреволюционные элементы. В октябре того же года срок наказаний за шпионаж, вредительство и диверсии, составлявший до этого 10 лет, был увеличен до 25 лет (4). И уже до конца года (см. табл. 6.1) 25 лет получило 192 человека, 20 лет – 337 человек и 15 лет – 1825 человек. Тем не менее, основным сроком остались 10 лет, их в 1937 г. было вынесено 379 тыс. (51). В апреле 1938 г. НКВД запретил освобождать из ссылок лиц, у которых закончился срок, из числа тех, кто был выслан из Москвы, Ленинграда и др. городов. НКВД затребовал прислать списки находящихся в ссылке на предмет продления срока, а в феврале запретил освобождать из лагерей закончивших срок заключенных польской национальности, осужденных за шпионаж, а также перебежчиков. Наконец в сентябре 1938 г. поступила директива НКВД, требующая укрепить режим в трудовых поселениях и разгромить имеющееся там подполье.

Как уже говорилось, одновременно с усилением режима в лагерях прокуратура запретила производить зачеты рабочих дней заключенным-троцкистам, исключив тем самым право на досрочное освобождение, затем запретили зачеты рабочих дней всем категориям политзаключенных. По инициативе Сталина вообще отменили практику условно-досрочного освобождения (4). В довершение ко всему запретили свидания с заключенными, получение ими передач, выдачу справок об их местонахождении. Администрации пенитенциарных учреждений было приказано не вступать в разговоры и переписку с родственниками отбывающих наказание.

Частичное повторение условий, в которых находились те, кто провел часть своей жизни в ГУЛАГе в те далекие времена, понадобилось для того, чтобы нагляднее представить, каково было находиться в застенках ГУЛАГа. Бывшими заключенными об окружающей среде, отношении к ним лагерной администрации сказано хотя и не все, но достаточно много. Наиболее ярко эпизоды жизни за колючей проволокой показаны писателем В. Шаламовым, Героем Советского Союза, генералом армии А.В. Горбатовым, народным артистом СССР Г. Жженовым. К ним можно добавить книгу воспоминаний В. Туманова, второе издание которой вышло совсем недавно, уже в XXI веке (94). Ими описаны картины безысходной тоски по воле, массового унижения заключенных со стороны лагерной администрации, голодного существования и изнурительного труда. В частности, Георгий Жженов приводит, описание выпавшего на его долю жуткого «водопоя» в переполненном трюме парохода «Джурма», перевозившего заключенных из Владивостока в Магадан (26). О подобном же пишет и В. Туманов (94). Столь же жуткие картины лагерной жизни рисует в своих воспоминаниях командарм А.В. Горбатов (14). Превращение лагерей в ад осуществлялось такими же советскими людьми, как и заключенные, причем часто дирижерами этого превращения выступали руководители лагерей. Об одном из таких колымских извергов, Никишёве и его еще большей зверюге – его жене повествует В. Туманов. Об этих нелюдях «Дальстроя» я слышал, будучи еще мальчишкой в конце сороковых годов.

Но не надо думать, что Никишёвы и им подобные – это явление 30-х годов. Они встречаются не столь уж редко и сегодня, спустя 75 лет. И дело не во времени, и не в социальных или политических системах, а в человеческих натурах. Конечно, и среди тех, кто охранял, и тех, кто ими руководил, были и нормальные люди. К тому же, не надо думать, что в ГУЛАГе было все дозволено. Так, охранник, применивший оружие против заключенного с нарушением инструкции (предупреждение окриком, затем выстрел в воздух) привлекался к уголовной ответственности. Об этом и многом другом можно уз-

нать, прочитав книгу А.Н. Дугина, где приводится масса подлинных документов, регламентирующих лагерную жизнь (25).

И на воле, и в лагерях все люди смертны. Но очевидно, что жизнь в ИТЛ повышала шансы умереть. Условия, в которых находились заключенные, особенности их труда, специфика лагерной жизни в ГУЛАГе, общий социально-психологический климат в стране, все это должно было вести к сверхсмертности людей, изолированных от общества. За колючей проволокой были не только трудно переносимые условия существования, но и жестокое обращение с заключенными со стороны следователей, охраны, конвоиров, надзирателей и др. Кстати, добавлю то, что когда-то сам видел. Еще в сороковые годы в составе лагерной службы достаточно много было охранников, не владевших русским языком, что исключало возможность их общения с заключенными. Этот феномен очень точно подметил В. Шукшин в своей картине «Калина красная», где во время исполнения заключенными песни «Вечерний звон», на выходах из храма просматриваются лица охранников отнюдь не русской национальности.

Приведенный факт – это мелочь по сравнению с теми ужасами, которые должны были пережить люди, избежавшие высшей меры, с тем, чтобы попасть на многие годы в адские условия ГУЛАГа. Хуже других было политическим. Все те, кто пишет об этом трагическом времени, утверждают, что к политическим отношение было намного хуже, чем к уголовным. Это отмечает уже упоминавшийся генерал армии А.В. Горбатов, проведенный 30 месяцев на Колыме. Он саркастически замечает, что политические – это «враги народа», а уголовники – «друзья народа», уточним – друзья лагерной администрации. Им предоставлялись «блатные» рабочие места, такие как приготовление пищи, ее раздача и др. Они, будучи хорошо организованным сообществом, живущим по определенным законам, безнаказанно обирали политических. Политические в отличие от уголовных были к тому же и мало приспособленными к этапной и лагерной жизни, к тяжелому физическому труду (добыча

руды, повал леса и пр.), к экстремальным природным условиям (зимние температуры зашкаливали за 40–45 градусов). К тому же, надо иметь в виду, что в годы террора расстрелять или довести человека до могилы «на зоне» было почти одним и тем же. Не все это выдерживали. Одни шли на самоубийства, что было редкостью, другие – на побег. Поэтому уже в декабре 1937 г. НКВД издал директиву беглецов расстреливать и об этом объявлять заключенным в лагерях. В августе 1938 г. снова поступила директива НКВД о строжайших мерах борьбы с побегами, которых были не десятки, не сотни, а тысячи. В 1937 г. бежало из лагерей 58,3 тыс. (73). Это к среднему числу заключенных равно почти 6%, тогда как доля умерших за тот же год не превышала 3%.

Существует устойчивое мнение об огромной смертности в годы политических репрессий в учреждениях ГУЛАГа. Но, говоря о смертности заключенных, порой масштабы гибели заключенных, вольно или невольно, многократно преувеличивают, более того, пытаются представить учреждения ГУЛАГа как «фабрики смерти», подобные гитлеровским концентрационным лагерям, создававшимся для того, чтобы уничтожать миллионы людей. Так в утверждении уже упоминавшейся в первой главе О.Г. Шатуновской в лагерях погибло 7–10 млн. человек. Также упоминавшееся писательница В. Чистякова сообщила, что только в 1936–1950 гг. в лагерях умерло 12 млн. заключенных. Известный российский архивист В.В. Цаплин, внесший существенный вклад в изучение проблем, связанных с репрессиями, непонятно в каком архиве нашел данные о том, что в 1927–36 гг. в местах заключения погибло 1,5 млн. человек и кроме того еще 1,3 млн. умерли там от голода.

Не удержался от преувеличений и известный демограф А.Г. Вишневский, по подсчетам которого число убитых и умерших только в местах заключения и ссылки составили 4–6 млн. человек (74). Следует сразу же напомнить, что в ГУЛАГе вместе с политическими отбывали наказания и уголовные, которых почти всегда было больше, поэтому даже столь огромные цифры, которые приводят

указанные авторы, надо сокращать, по крайней мере, втрое. А потом, опять же, полуторакратная точность: 7 или 10, 4 или 6 млн.!

Приходится повторяться, что благодаря исследованиям В.Н. Земскова, А.Н. Дугина, И.В. Пыхалова, В.П. Попова, В.З. Роговина и ряда других авторов стала доступной для всех желающих информация о количестве заключенных, умерших, прежде всего, в лагерях ГУЛАГа. В частности В.Н. Земсков, критикующий О.Г. Шатуновскую за её фантастические цифры, пишет, что за 20 лет (с января 1934 г. по январь 1954 г.) в ИТЛ ГУЛАГа умерло всего 1053,8 тыс. человек (30), причем в 1934–1947 в лагерях умерло 963,8 тыс. человек (6). В другой публикации В.Н. Земсков резюмирует, что в период 1934–1953 гг. в лагерях, колониях и тюрьмах умерло примерно 1,6–1,7 млн. заключенных и добавляет, что в это число входят не только «враги народа», но и уголовные, которых было больше (24). И еще, им же приводится цифра умерших в местах заключения в 1930–1953 гг. 1,76 млн. человек (6).

Говоря о смертности заключенных, надо с информацией об этом обращаться аккуратно, чтобы не спутать умерших во всей системе ГУЛАГа и, например, только в лагерях. Причем, даже цифры умерших в лагерях в один и тот же период, порой хотя и не существенно, но все же отличаются у разных авторов. Так, число умерших в лагерях с начала января 1934 г. до окончания декабря 1947 г. у В.Ф. Некрасова составляет 962,1 тыс. человек, а у И.В. Пыхалова, как и у В.Н. Земскова – 963,8 тыс. человек (74). Неточности случаются потому, что исследователи, извлекая из архивов информацию по разным аспектам политических репрессий, порой не утруждают себя тем, чтобы выверить правильность сделанных на её основе расчетов в те далекие тридцатые годы. Вот пример. В одной из справок ГУЛАГа приводятся цифры среднего числа заключенных и количества из них умерших в те же годы, но рассчитанные по ним относительные показатели никак не могут быть такими, какие представлены в справке. Так, в 1937 г. среднегодовое число заключенных в лагерях составляло 908,6 тыс. человек, из них умерло 25,4 тыс., но,

190

вместо 2,79% умерших приводится цифра в 2,42%. Для 1938 г. первая цифра составляет 7,83%, а вторая – 5,35% (17, 74).

В.З. Роговин для этих лет приводит среднюю величину смертности в 5,5–5,7% (80). Эта цифра соответствует исходным данным. Среднегодовое число заключенных для того периода составляет 1032,8 тыс., а число умерших в среднем за год у него – 58 тыс. (25,4 тыс. в 1937 г. и 90,5 тыс. – в 1938 г.). Другие данные о числе умерших заключенных приводит И.В. Пыхалов. У него среднегодовое число умерших равно 53,2 тыс. И соответственно числа умерших в расчете на сто заключенных в лагерях ГУЛАГа составляют – 5,2%, тогда как у В.З. Раговина – 5,6%. Различия возникли из-за исходных чисел умерших. К сожалению, те, кто в далекие тридцатые годы, да и после войны, составляли отчеты и писали справки для своего руководства, не думали о нынешних ученых, прежде всего историках, которые в исследованиях репрессий 1937–1938 гг., будут опираться на эти документы, в частности о смертности заключенных.

Заключенные отбывали сроки в лагерях, колониях и тюрьмах. Многие не дождались освобождения, умирали за колючей проволокой. Опубликованная статистика для воссоздания целостной картины об умерших во всех учреждениях ГУЛАГА для интересующих нас тридцатых годов отсутствует. Возможно, её нет и в архивах. Указанную трудность можно частично преодолеть сравнительным методом, используя для этого подборку количества умерших заключенных в лагерях, колониях и тюрьмах, сделанную И. Пыхаловым. Он же рассчитал для этих учреждений относительные величины смертности, правда, для 1949–1951 годов (других не оказалось). Воспроизведем эти цифры, изменив лишь проценты на промилле, поскольку интенсивность демографических явлений принято представлять не в процентах, а в расчете на 1000 (табл. 8.1).

В среднем за это трехлетие в лагерях, колониях и тюрьмах смертность составила 10 промилле. Добавим, что в 1950–1951 гг. смертность всего населения страны была 9,7 промилле. Как видно

из расчетных данных сколько-нибудь существенных различий в смертности заключенных, содержащихся в лагерях и колониях не было (средние цифры для 1949–1951 г. 10,4 и 10,3 промилле соответственно). Другое дело тюрьмы, с ними различия достаточно велики (в лагерях и колониях показатели смертности больше в 2,8 раза). Сведения об умерших в лагерях, колониях и тюрьмах относятся к 1949–1951 годам. Для более ранних лет данные весьма отрывочны. Так, Н.Г. Охотин и А.Б. Рогинский утверждают, что в 1939 г. в лагерях смертность держалась на уровне 3,29% годового числа заключенных, тогда как в колониях – на уровне 2,30%. И далее считают, что, исходя из того, что в колониях в 1935–1953 гг. содержалось примерно вдвое меньше заключенных, чем в лагерях, а смертность там была ниже, то в эти годы в колониях умерло не больше 0,5 млн. человек. И затем делается вывод, что в лагерях и колониях в 1934–1953 гг. умерло примерно 1,6–1,7 млн. человек.

Таблица 8.1

Численность заключенных в различных учреждениях ГУЛАГА и их смертность в 1949–1951 гг.*

Годы	Лагеря	Колонии	Тюрьмы	Всего
Численность заключенных, человек				
1949	1316331	1142688	214896	2673915
1950	1475034	1069715	181712	2726461
1951	1622485	893846	158647	2674978
Итого	4413850	3106249	555255	8075354
Количество умерших заключенных, человек				
1949	15739	13966	982	30687
1950	14703	9983	668	25354
1951	15587	8079	424	24090
Итого	46029	32028	2074	80131
Смертность в промилле (на тысячу человек)				
1949	12,0	12,2	4,6	11,5
1950	10,0	9,3	3,7	9,3
1951	9,6	9,0	2,7	9,0
в среднем	10,4	10,3	3,7	9,9

* (74)

Эта цифра близка к той, которой придерживается И.В. Пыхалов, а он в данном случае опирается на работы В.Н. Земскова и А.Н. Дугина. И.В. Пыхалов приводит сведения об умерших заключенных в лагерях в 1934–1952 гг. Их количество немного больше одного миллиона человек, так что выше приведенная экстраполяция вполне допустима. Не вызывают сомнений и общие коэффициенты смертности заключенных лагерей, приводимые И. Пыхаловым. Они относятся к 1931–1952 гг. У него указанный коэффициент для 1939 г. составляет 3,79% или 37,9‰.

До начала политического террора, на январь 1935, 1936 и 1937 годов в ИТЛ содержалось соответственно в 3,0, 1,8 и 2,2 раза больше заключенных, чем в ИТК и тюрьмах вместе взятых. Но уже в 1938 г. в лагерях было больше чем в колониях и тюрьмах всего на 12–13%. Пенитенциарная система в первые месяцы политического террора не была готова к такому наплыву «врагов народа», и их значительную часть пришлось содержать в более «мягких» условиях, в колониях. Но с этим быстро справились и уже к началу 1939 г. заключенных в лагерях было в 4 раза больше, чем в колониях (в 1940 г. – в 4,2 раза). Спустя десять лет, в 1949–1951 гг. в тюрьмах было 6,9% заключенных, в колониях – 38,5% и в лагерях – 54,6%. В целом на лагеря и колонии приходилось свыше 93% всех заключенных. Учитывая такие соотношения между числами заключенных, содержащихся в разных пенитенциарных учреждениях, можно для расчетов интенсивности смертности принимать информацию по заключенным лагерей, по которым она имеется для интересующих нас лет, без вероятности существенной погрешности. Поскольку, смертность в лагерях была выше, чем в колониях, а тем более, чем в тюрьмах, и количество заключенных в них превышало их числа во всех остальных местах заключения, то использование данных по лагерям никак не снизит смертность, отбывающих срок в учреждениях ГУЛАГа, скорее, её завысит. Сведения о смертности заключенных в лагерях, представлены в таблице 8.2.

**Численность умерших в лагерях ГУЛАГа в 1935–1940 гг.
(тыс. человек)**

Годы	Число умерших	Среднегодовая численность	Умерло в расчете на 1000 заключенных
1935	28,3	782,5	36,2
1936	20,6	830,2	24,8
1937	25,4	908,6	28,0
1938	90,6	1156,8	78,3
1939	50,5	1330,8	37,9
1940	46,7	1422,5	32,8

В чем причина такой заоблачной смертности заключенных в лагерях ГУЛАГа в 1938 г. остается загадкой, за исключением лишь того, что политический террор продолжался почти весь этот год, тогда как в предшествующем 1937 г. его кульминация приходилась лишь на август–декабрь. Лица, приговоренные во второй половине 1937 г. к отбыванию наказаний в лагерях, должны были еще добираться до мест назначения. Это длилось многие месяцы: сперва их везли в антисанитарных условиях товарных вагонов, затем, как это было с теми, кого этапировали на Колыму, они коротали время в ожидании пароходов, на которых по Охотскому морю (об адском испытании во время такого путешествия пишут Шаламов, Туманов и др.) добирались до Магадана, а оттуда по колымской трассе к местам дислокации. Такое путешествие в зимнее время года, в сорокаградусный мороз для не подготовленных, по тем временам уже в возрасте людей, привыкших жить и работать в сравнительно комфортных условиях, – прямой путь в могилу.

Не надо забывать также, что в тридцатые годы отсутствовали те медикаменты и медицинские технологии, благодаря которым в послевоенный период было достигнуто существенное увеличение продолжительности жизни населения, сокращение смертности от непреодолимых в прошлом причин и изменение структуры последних. В частности, значительный прогресс был достигнут в борьбе с инфекционными болезнями, среди которых туберкулез, простудными

заболеваниями (пневмония, грипп) и пр. Еще в тридцатые годы люди с подобными болезнями, находящиеся к тому же в экстремальных условиях и без надлежащей медицинской помощи, были обречены.

В 1938 г. была не только самая значительная доля приговоров к высшей мере среди осужденных (59,3%), но и смертность заключенных была в 2–3 раза выше по отношению как к предшествующим, так и к последующим годам. В СССР в этот год общий коэффициент смертности снизился на 7,4%. Это свидетельствует о том, что в 1938 г. в стране не происходило каких-либо негативных медико-санитарных событий, которые могли бы повлиять на уровень смертности (например, массовые заболевания каким-то экзотическим гриппом и т.д.). Поэтому вполне можно допустить, что рост смертности заключенных в 1938 г. в 2,8 раза к уровню 1937 г. и в 3,2 раза – к 1936 г. – это результат сверхсмертности политических заключенных. Ориентировочно на их счет можно отнести 3/5 всей сверхсмертности, т.е. 50–60 тыс. человек. Конечно, и в другие годы смертность была предельно высока, составляя 25–38 промилле по сравнению с 10,4 промилле, которые были в лагерях, и 10 промилле в целом по ГУЛАГу в 1949–1951 годы.

Очевидно, что оценку смертности заключенных в годы политического террора следует давать лишь через призму общей смертности населения для тех же лет в Советском Союзе (табл. 8.3).

Таблица 8.3

**Численность населения и числа умерших в СССР
в 1935–1940 гг., тыс. человек***

Годы	Расчеты ЦСУ СССР в 1964 г.		Оценки А.Г. Волкова и др. в 1990 г.	
	Численность населения на начало года	Число умерших	Численность населения на начало года	Число умерших
1935	159796	3118	158167	3282
1936	161566	3144	160134	3223
1937	163772	3126	162500	3557
1938	167051	2961	165492	3483
1939	170557	2975	188794	3829

* (109. с.56, 69).

Смертность населения СССР все тридцатые годы была крайне высокой не только за колючей проволокой, но и у всего населения страны. По разным данным, в частности, по расчетам ЦСУ СССР, выполненным в 1964 г., и по оценкам НИИ ЦСУ СССР, полученным спустя четверть века, во второй половине 30-х годов ежегодно умирало 3–3,5 млн. человек

Для сопоставления показателей смертности заключенных, содержащихся в лагерях ГУЛАГа, с аналогичными коэффициентами у населения СССР в 1935–1940 годы, сведем информацию, приведенную в таблицах 8.2 и 8.3 в таблицу 8.4.

Таблица 8.4

**Смертность заключенных в лагерях и населения СССР
в 1935–1939 г.**

Годы	Число умерших в расчете на 1000 человек		
	заключенные лагерей*	Население СССР	
		расчеты ЦСУ СССР, 1964 г.	Оценка А.Г. Волкова и соавторов, 1990 г.
1935	36,2	19,6	20,6
1936	24,8	19,3	20,0
1937	27,9	18,9	21,7
1938	78,3	17,5	20,9
1939	37,9	...	20,1

Динамика относительных показателей смертности по оценкам А.Г. Волкова и его соавторов выглядит более логично, чем ряды, полученные в результате расчетов ЦСУ СССР, согласно которым в 1938 г. смертность была ниже, чем в 1940 г. Наоборот, у А.Г. Волкова и его соавторов в 1938 г. общий коэффициент смертности составляет 20,9‰, в 1939 г. – 20,1 и в 1940 г. – 18,0‰. Очевидно, что показатели смертности заключенных относительно аналогичных показателей, рассчитанных ЦСУ СССР, выглядят намного хуже, чем в сравнении с оценками А.Г. Волкова и его соавторов.

Смертность заключенных в лагерях по сравнению со смертностью населения страны в те годы, согласно данным ЦСУ и оцен-

кам А.Г. Волкова и его соавторов, была в 1937 г. выше в 1,5–1,3 раза и в 1938 г. – в 4,5 и 3,7 раза. В среднем за 1937–1938 гг. доля заключенных, содержащихся в лагерях ГУЛАГа, в численности населения страны, согласно расчетам ЦСУ СССР тех лет, составляла 0,6%, тогда как в общем числе умерших доля заключенных равнялась 1%. Эти цифры говорят о том, что в лагерях, да и в ГУЛАГе в целом смертность заключенных, особенно в годы политического террора была выше, чем у населения страны. Это тот факт, который никто не отрицает, да и бессмысленно это делать. Лагеря это – не санатории, тем более в годы политического террора, когда жестокость поощрялась властью.

Стоит добавить, что не только смертность среди заключенных и политических и уголовных была выше, чем среди остального населения страны, но и у населения она в тридцатые годы была крайне высокой. Так, в среднем в 1930–1939 гг. в СССР на тысячу населения умирало 23,7 человек, тогда как в Великобритании – 12,2, Германии – 11,4, Франции – 15,8 и соседних, когда то бывших российских – Польше – 14,5 и Финляндии – 13,4.

Сравнение показателей смертности заключенных и населения страны в целом, не позволяет, тем не менее, дать сколько-нибудь точный ответ, в какой мере смертность обитателей ГУЛАГа превышала даже такую по сравнению с западными странами высокую смертность населения СССР в те годы. Этот вопрос остается за кадром, по крайней мере, по двум причинам.

Первая причина состоит в том, что половая и возрастная структуры тех, кто находился с разных сторон колючей проволоки, были различны. Прежде всего, принципиальное различие состояло в том, что, заключенные в своем абсолютном большинстве – это мужчины (их доля среди обитателей лагерей была выше 90–95%), тогда как население страны состояло по данным переписи 1939 г. на 48% из мужчин и 52% – из женщин. Примерно такое же соотношение между полами было и по переписи 1937 г. Еще более существенными, как уже об этом говорилось ранее, были различия в воз-

растных структурах населения и заключенных. В приводимой ниже таблице 8.5 представлены заключенные-мужчины и все население страны мужского пола, находящееся в трудоспособном возрасте,

В лагерях ГУЛАГа в среднем в течение 1937–1939 гг. доля лиц нетрудоспособного возраста была менее 0,05%, тогда как в мужском населении СССР согласно переписи 1939 г. она достигала 37,7%, в то же время доля лиц, вышедших за пределы трудоспособного возраста, в первом случае была 1% и во втором – 5,3%. В это же время среди заключенных мужчин лиц, находящихся в трудоспособном возрасте, было почти 100 процентов, тогда как в населении страны их доля составляла 57%. Согласно переписи 1937 г., на долю лиц в возрасте до 15 лет среди мужчин приходилось 37,9%, лиц старше 59 лет – 5,4% и на остальных (лица в возрасте 15–59 лет) – 56,7%.

Таблица 8.5

Возрастная структура трудоспособных мужчин СССР и заключенных лагерей ГУЛАГа в 1937–1939 гг., в %

Возрастные группы	Доли возрастных групп в трудоспособном населении СССР		Доли возрастных групп в составе трудоспособных заключенных		
	Перепись 1937 г.	Перепись 1939 г.	01.04. 1937 г.	01.01. 1938 г.	01.01. 1939 г.*
16–19	12,0	12,5	12,3	12,1	9,6
20–29**	33,4	33,7	48,3	44,8	40,8
30–39	27,4	27,7	25,7	25,2	28,2
40–49	16,3	15,8	10,4	13,2	15,3
50–59	10,9	10,3	3,3	4,7	6,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Во всем населении, в %	53,5	54,7	99,6	98,8	98,7

* рассчитано как полусумма из чисел заключенных на начало 1938 и 1940 гг.

** для заключенных 21–30, 31–40, а также все последующие группы

Вторая причина, исключающая использование для сравнений, не говоря уже об абсолютных числах умерших в лагерях, но и общих коэффициентов смертности, состоит в существенных различиях

ях в смертности лиц разного пола и особенно возраста. Так у женщин ожидаемая продолжительность жизни во второй половине тридцатых годов была на 6 лет больше, чем у мужчин и соответственно были ниже показатели смертности. Подобное было и в последующие периоды с тем лишь добавлением, что разрыв в продолжительности жизни и показателях смертности мужчин и женщин заметно возрос: в 1958–1959 г. общий коэффициент смертности для мужчин составлял 8,1‰ и для женщин – 6,8‰, т.е. был в 1,2 раза выше. В целом в шестидесятые годы это превышение составляло 1,13–1,18 раза.

Еще большие различия в повозрастных показателях смертности. В частности, в 1938–1939 гг. смертность детей в возрасте 0–4 года составляла 75,8 промилле, лиц в возрасте 70 лет и старше – 78,9, а тем, кому было 20–29 лет, – в среднем 4,5 промилле. В 1958–1959 гг. у лиц моложе 15 лет повозрастные коэффициенты смертности составляли 5,3, а всех тех, кому было больше 60 лет – 43,7 промилле.

Различия половых и возрастных структур у заключенных и населения страны, а также в половых и возрастных показателях смертности, требует специальных приемов для корректных сравнений смертности заключенных и населения страны в годы политического террора. Для этого могут быть использованы следующие сведения, доступные в настоящее время:

1. половозрастной состав населения СССР по данным переписей населения 1937 и 1939 гг. (11, 12, 70, 71 и 109);
2. возрастные показатели смертности всего населения в 1939 г. (61);
3. общие коэффициенты смертности заключенных лагерей и других учреждений ГУЛАГа (74, 80 и др.);
4. половозрастные показатели смертности населения СССР в 1958–1959 гг. (63).

Для сопоставления смертности населения страны со смертностью обитателей ГУЛАГа, нужно, прежде всего, исключить из общего числа умершего населения страны в 1937 г. (то же сделать и

для 1938 г.) ту их часть, которая приходится на лиц в возрасте до 15 лет и тех, кому 60 лет и старше, оставив лишь часть, относящуюся к трудоспособному населению (лица 15–59 лет). Для этой цели используем повозрастные коэффициенты смертности населения в 1939 г. Для других лет того времени данных просто нет, за исключением найденных В.А. Исуповым в архивах отрывочных и к тому же противоречивых сведений о смертности населения некоторых территорий СССР в 1933 г. Используя повозрастные коэффициенты смертности 1939 г., можно рассчитать по возрастному составу населения 1937 г. и 1939 г. сводные показатели смертности для трех его групп: в возрасте от 0 до 14 лет, от 15 до 59 лет включительно и для лиц в 60 лет и старше. Результаты расчета представлены в таблице 8.6.

Таблица 8.6

**Удельный вес и показатели смертности населения
до трудоспособного, трудоспособного и после
трудоспособного возрастов в СССР**

Возрастные группы	Общий для группы коэффициент смертности, в ‰		Доля возрастной группы в общей численности населения, в ‰	
	1937 г.	1939 г.	1937 г.	1939 г.
От 0 до 14 лет	25,8	29,1	36,24	36,05
От 15 до 59 лет	6,5	6,9	57,14	57,39
60 лет и старше	46,1	46,2	6,62	6,56
Все население	...	17,4	100,0	100,0

Согласно переписи 1937 г., численность населения СССР на начало года составила 162039 тыс. человек (из общей суммы исключены лица, не указавшие свой возраст). Исходя из того, что доля лиц в возрасте 15–59 лет в 1937 г. была 57,14%, численность этого контингента населения составит 92589,1 тыс. человек. При повозрастной смертности этой группы населения в 6,5 промилле на ее счет придется 602 тыс. умерших. Аналогично, при доле лиц в возрасте от 15 до 59 лет равной 57,39 промилле и численности населения 170527 тыс.,

численность этого контингента для 1939 г. равно 97865,4 тыс. Суммарная повозрастная смертность этой группы населения равна 6,9 промилле. В результате число лиц умерших в трудоспособном возрасте в 1938 г. должно быть не менее 675 тыс. человек.

Напомним, что общие показатели смертности в 1939 г., согласно оценкам А.Г. Волкова и его соавторов, составляют 20,1 промилле, тогда как по данным, опубликованным в справочнике под редакцией Б.Ц. Урланиса и В.А. Борисова, этот показатель для 1939 г. определен в 17,4 промилле. Оценки, сделанные А.Г. Волковым, представляются более верными, у них больше логики в динамике этого показателя в 1937–1940 гг., тогда как показатель в 17,4‰ оказывается даже меньше того, который приводится в расчетах ЦСУ СССР (табл. 8.4). Его следует откорректировать, для чего цифру 20,1 делим на 17,4 и получаем поправочный коэффициент, равный 1,155. На этот поправочный коэффициент увеличиваем количество умерших лиц в возрасте 15–59 лет для 1938 г. и для 1937 г. Итоговые данные о вероятных числах умерших лиц в возрасте 15–59 лет для 1937 г. составляют 695 тыс. человек и для 1938 г. – 780 тыс.

Полученные таким путем числа можно было бы соотнести с численностью населения страны в трудоспособном возрасте в рассматриваемые годы и определить общие коэффициенты смертности этой категории населения в 1937 и 1938 годы. Но это не дало бы окончательных для сравнения данных. Дело в том, что заключенные, о чем уже не однократно говорилось, – это не просто лица в трудоспособном возрасте, а это более чем на 9/10 трудоспособные мужчины. Смертность у мужчин больше, чем у женщин, а их продолжительность жизни, о чем также уже упоминалось, в 1939 г. была меньше на 6 лет, чем у женщин. Поэтому надо общее число умерших лиц трудоспособного возраста как для 1937 г., так и для 1938 г. откорректировать еще на один поправочный коэффициент. Он представляет собой меру превышения мужской смертности над женской, причем в трудоспособных возрастах.

Решить эту задачу можно, если привлечь к расчетам половозрастные коэффициенты смертности населения тех лет, для которых они имеются. Наиболее ранние относятся к первой послевоенной переписи 1959 г. Понятно, что за 20 лет показатели смертности населения существенно сократились, и видимо не одинаково в разных возрастах, в результате увеличился разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин. Все это так. Но другого нет. Поэтому для расчетов приняты половозрастные показатели смертности в 1958–1959 гг. и возрастно-половая структура населения по переписи 1939 г. Расчеты представлены в таблице 8.7.

Таблица 8.7

Смертность мужчин и женщин до трудоспособного, трудоспособного и после трудоспособного возрастов в 1939 г. по возрастным коэффициентам смертности в 1958–1959 гг.

Возрастные группы	Численность на начало 1939 г., тыс. человек	повозрастные показатели смертности в 1958–1959 гг.	расчетное число умерших, человек
<i>Мужчины</i>			
0–14 лет	30825	5,3	162942
15–59 лет	46520	4,6	214824
60 лет и старше	4326	43,7	189027
Итого	81671	X	X
<i>Женщины</i>			
0–14 лет	30633	4,4	134945
15–59 лет	51358	2,4	124372
60 лет и старше	6859	30,8	211039
Итого	88850	X	X
Всего	170521	x	X

Несмотря на некоторую условность полученные коэффициенты смертности основных возрастных групп, тем не менее, достаточно красноречиво показывают на различия в смертности мужчин и женщин в разных группах населения. В возрастной группе 0–14 лет показатели смертности у мужчин превышают подобные у женщин в 1,2 раза, в группе 60 лет и старше у первых они выше,

чем у вторых на 42%, тогда как в трудоспособных возрастах коэффициенты смертности у мужчин почти вдвое больше, чем у женщин (в 1,92 раза).

Следующим шагом будет исключение из полученных для 1937 и 1938 годов чисел умерших лиц в возрасте 15–59 лет долю, приходящуюся на мужчин. Для этого вначале найдем удельные веса мужчин и женщин в составе трудоспособного населения ($46520+51358=97878$ тыс. человек). В 1939 г. на долю мужчин в возрасте 15–59 лет приходилось 47,5 % и на долю женщин – 52,5% (напомним, что во всем населении первых 48 и вторых 52%). На эти веса взвесим показатели смертности мужчин и женщин в трудоспособном возрасте. Затем найдем соотношение между полученными числами. Тогда в составе умерших лиц трудоспособного возраста на долю мужчин придется 63,4%. По сути, вследствие существенного превышения смертности мужчин над смертностью женщин, в составе умершего населения в возрасте от 15 до 59 лет их доля в 1,5 раза с лишним больше, чем у женщин. В 1937 г. в общем числе умерших (3557 тыс., оценка А.Г. Волкова с соавторами) на долю лиц трудоспособного возраста приходилось 695 тыс. человек. Из этого числа 63,4% составляет 440 тыс. человек. Соответственно в 1938 г. в общем числе умерших (3483 тыс.) на долю трудоспособных приходилось 780 тыс., из которых мужчинам принадлежало 495 тыс.

Остается рассчитать коэффициенты смертности мужчин в возрасте 15–59 лет для 1937 г. и 1938 г. Для этого нужна среднегодовая численность населения для этих лет. Вначале рассчитаем численность населения на начало 1938 г. Она может быть принята как среднее значение из данных переписей 1937 и 1939 годов. На начало 1937 г. число мужчин в возрасте от 15 до 59 лет включительно составляло 44034 тыс., а на начало 1939 г. их было 46520 тыс. Тогда средняя величина из этих двух чисел составляет 45277 тыс. Для того, чтобы найти среднегодовую численность населения 1937 г., надо сложить 44034 и 45277. Разделив на два, получаем искомую вели-

чину, равную 44656 тыс. человек. Аналогично для 1938 г. средняя численность населения равна 45899 тыс. Разделив числа умерших мужчин трудоспособного возраста в 1937 г. на среднегодовую численность этой группы населения, получаем искомый коэффициент смертности мужчин в возрасте 15–59 лет для 1937 г. Он составил 9,9 промилле. Также находится показатель для 1938 г., равный 10,8 промилле.

То, что эти данные близки к реальным цифрам, говорит их динамика, рассматриваемая совместно с динамикой смертности всего населения. Коэффициент смертности мужского населения составлял в промилле: в 1958–1959 гг. – 8,1; в 1960–1961 г. – 7,8; в 1962–1963 г. – 7,9; в 1964–1965 г. – 7,6; в 1966–1967 г. – 8,0 и в 1968–1969 г. – 8,6. Общий коэффициент смертности всего населения был равен в 1958 г. 7,2 и в 1959 г. – 7,6, сохраняя порядок цифр все 60-е годы. В свою очередь показатели смертности заключенных ГУЛАГа тоже колебались от 9,2 промилле в 1951 г. до 6,9 – в 1954 г. Полученные данные, конечно примерные, оценочные, но тем не менее, они позволяют получить ответ на два вопроса: а) в какой мере смертность в ГУЛАГе отличалась от смертности населения того же возрастно-полового состава, остававшегося на воле; б) какова в общей смертности заключенных ГУЛАГа доля, приходящаяся на сверхсмертность? Ответ на эти два вопроса дают данные, сведенные в таблице 8.8.

Данные таблицы 8.8 показывают, что в 1937 г. показатели смертности заключенных учреждений ГУЛАГа превышали аналогичные для свободных мужчин в возрасте 15–59 лет в 2,4 раза, а в 1938 г. – почти в 5 раз! Эти цифры в отличие от общих коэффициентов смертности (для всего населения страны и для всех заключенных) при всех принятых условностях характеризуют все же более реальные соотношения между показателями смертности тех, кто находился внутри колючей проволоки, и тех, кто был с её другой стороны. Сравнение же показателей смертности заключенных с общими коэффициентами смертности всего населения страны в

высшей степени дезавуирует ситуацию со смертностью, бывшей в учреждениях ГУЛАГА в период политического террора.

Таблица 8.8

Расчет сверхсмертности заключенных в учреждениях ГУЛАГа в 1937–1938 гг.

Годы	Численность умерших заключенных, тыс. человек	общий коэффициент смертности заключенных, в ‰	Коэффициент смертности мужчин в возрасте 15–59 лет в СССР, в ‰	Число умерших мужчин 15–59 лет, тыс. человек*	сверхсмертность заключенных, тыс. человек**
1937	31,1	24,2	9,9	12,7	18,4
1938	108,7	53,5	10,8	22,0	86,7
Итого	139,8	X	X	34,7	105,1

* найдено по расчетным коэффициентам смертности, равным 9,9 и 10,8‰.

** в общем коэффициенте смертности заключенных в 1937 г. сверхсмертность составляет 59,1% ($24,2 - 9,9 = 14,3$ и $14,3 : 24,2$) и 20,2% в 1938 г. – 79,8%.

Другой вывод заключается в том, что в годы террора сверхсмертность заключенных существенно превышала обычную нормальную смертность. В 1937–1938 гг. общее число умерших в учреждениях ГУЛАГа составило почти 140 тыс. человек, из которых на нормальную, соответствующую показателям для свободного населения, приходилось всего 34,7 тыс. человек (при условии, что на тысячу умирало 10–11 человек), тогда как сверхсмертности принадлежало 105,1 тыс.

К сожалению, невозможно сколько-нибудь точно рассчитать, какая часть сверхсмертности этих умерших в неволе 105 тысяч человек приходится на политических заключенных. Едва ли таким учетом занимались в учреждениях ГУЛАГа. Можно лишь, исходя из доли политических в общем числе заключенных, выделить их удельный вес в сверхсмертности. Их доля в 1937 г. среди всех обитателей лагерей составляла 12,6%, в 1938 г. – 18,6% и в 1939 г. – 34,5%. В начале главы говорилось об отношении лагерной администрации к политическим и уголовным, так что процент умерших среди политических явно был выше, чем их доля в составе заключенных.

То, что смертность среди политических была выше, чем среди уголовных, свидетельствуют также такой факт. В лагерях заметно выше были коэффициенты смертности заключенных, чем во всей системе ГУЛАГа. В частности, в 1937 г. в учреждениях ГУЛАГа общий коэффициент смертности составлял 24,2 промилле, тогда как в исправительно-трудовых лагерях он был 28,0 промилле. Более того, в 1938 г. в первом случае он достигал 53,5 промилле, тогда как во втором – зашкаливал за 78,3 промилле (выше, чем на воле в 7,3 раза). А ведь именно в лагерях и находились преимущественно политические заключенные.

В приведенных расчетах, конечно, много условностей и неточностей. В частности, вызывает сомнение общий коэффициент смертности населения в 1939 г., приводимый в справочнике под редакцией Б.Ц. Урланиса и В.А. Борисова. То же можно сказать и о показателях смертности, рассчитанных ЦСУ СССР, которые также занижены относительно оценок НИИ ЦСУ. Для расчетов в 1937–1938 гг. используются данные о населении в 1939 г., а показатели по возрастной смертности – в 1958–1959 г.

Очевидно, что использование в расчетах смертности мужчин трудоспособного возраста для 1937 и 1939 годов данных, относящихся к 1959 г., искажает результаты, поскольку к 1959 г. резко сократилась младенческая смертность (с 181,5 в 1940 г. до 40,6 в 1959 г.), что уменьшило смертность лиц в возрасте до 15 лет в целом, а увеличение по возрастных показателей смертности мужчин относительно аналогичных у женщин (разрыв в продолжительности жизни полов возрос до 8 лет), наоборот, увеличило долю мужчин в общем числе умерших. Но это превышение ожидаемой продолжительности жизни женщин по сравнению с мужчинами составляет не разы, а всего 1/3. Тем не менее, это все те условности, которые могут повлиять лишь на точность цифр, но отнюдь, не на их порядок. Возможные ошибки могут находиться в пределах одного–двух десятков процентов, но не более.

И еще надо учесть одно немаловажное обстоятельство. Суть в том, что политические заключенные умирали более интенсивно, чем уголовные. В.Н. Земсков полагает, что на одного уголовного умирало 2 политических. Скорее всего, расчет должен быть таким. Доля политических в общем числе заключенных лагерей в 1937–1938 гг. составляла 16% (табл. 2.4). В эти два года в учреждениях ГУЛАГа умерло 139,8 тыс. человек. Расчет по формуле В.Н. Земскова (на одного умершего уголовного приходится 2 политических) дает общее число политических заключенных, умерших в ГУЛАГе в 1937–1938 гг., в 93,2 тыс. человек. Эта цифра явно завышена. Если исходить из того, что политические умирали вдвое интенсивнее, чем уголовные, то на их долю придется 38,6 тыс. человек. Прибавив величину сверхсмертности политических заключенных (39,6 тыс.) к тем, кого приговорили к высшей мере, получим общее число погибших от политического террора. Оно превысит 720 тыс. человек. Это относится лишь ко времени политического террора, т.е. к 1937–1938 гг.

Завершая, заметим, что ряд исследователей предложили свои оценки общей гибели политических заключенных, как от высшей меры, так и смертности тех, кто оказался в ГУЛАГе. Такие попытки предпринял Д.А. Волкогонов, В.Н. Земсков, авторы обстоятельного труда «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» и некоторые другие. Д.А. Волкогонов считал, что общие потери от репрессий составили 800–900 тыс. человек (9), у В.Н. Земскова сказано, что от карательной деятельности государства потеряно около 1 млн. человек (28), у авторов указанного труда говорится, что массовый террор 1937–1938 годов унес более одного млн. человеческих жизней (18). Даже при некотором завышении это все же не 7 млн. расстрелянных, погибших в лагерях и на этапах, как утверждали Н. Хрущев и О. Шатуновская и т.д.

* * *

Итак, помимо 680 тыс. расстрелянных, в лагерях, колониях, тюрьмах и на этапах погибло еще несколько десятков тысяч политических заключенных (это помимо нормальной, соответствующей той, которая была на воле смертности населения). Цифра эта превышает 0,7 млн. человек или 1,5% трудоспособных, в основном мужчин. За этими полутора процентами скрываются трагически оборвавшиеся жизни, в большинстве своем, ни в чем не повинных советских людей. Вообще, судьбы миллионов – это статистика, это политическая арифметика и тех, кто совершал репрессии и тех, кто их осуждает в настоящее время. Но жизнь отдельных людей, были ли они виновны или нет, – это личные, семейные трагедии, потому что погибает не статистическая единица, а близкий тебе человек.

Глава 9

ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА: ВИНОВНЫЕ И НЕВИННЫЕ

Проблема виновности и безвинности лиц, попавших под жернова политического террора, для современного общества крайне актуальна, для многих миллионов людей она чрезвычайно болезненна. Более того, объективная оценка состава осужденных в зависимости от степени их виновности, в которую могут поверить если не все, то хотя бы большинство населения, – самая трудно разрешимая задача. По сравнению с ней, две другие, рассмотренные раньше, – определение количества репрессированных и роль Сталина в осуществлении политического террора в 1937–1938 гг., – кажутся намного проще, т.к. первая зависит от качества (достоверности) извлекаемой из архивов информации, т.е. возможностей, включая и профессионализм исследователей, а вторая – от жизненных позиций тех, кто берется оценивать участие вождя в этом историческом злодеянии.

Политический террор 1937–1938 гг. в той или иной степени затронул все слои общества, все национальности, все поколения советских людей. При наличии поводов или без них (а для того времени это было одинаково), приоритетно репрессиям подлежали: а) «бывшие», т.е. представители свергнутых классов (царские офицеры, в т.ч. белогвардейцы, жандармы, купцы, буржуазия, мещане, «церковники» и пр.), среди которых были или могли быть те, кто не считал новый общественный строй, власть большевиков законной;

б) представители поверженных партий (эсеры, меньшевики, анархисты и т.д.), после использования потенциала которых, они оказались за бортом истории; в) исключенные из рядов ВКП(б) как левые (троцкисты и зиновьевцы), так и правые (бухаринцы) уклонисты, которые вместе с остальной партией большевиков боролись против царизма и защищали советскую власть (их насчитывалось примерно 1,5 млн. человек); г) лица тех национальностей, которые были титульными для граничащих с СССР или открыто враждебных ему государств, хотя абсолютное большинство из этих лиц во многих поколениях являлись гражданами страны, неважно как она называлась, Российской империей или Советским Союзом; д) кулаки, вчерашние зажиточные крестьяне, которые вследствие начавшегося процесса ликвидации последнего эксплуататорского класса, были объявлены врагами советской власти, которая собственно и сделала их таковыми.

Представители этих и других слоев общества, независимо от того, кем они были раньше или кем были в роковые годы, в силу своего характера (безалаберности, безответственности, неумеренного поведения в пьяном виде и пр.) становились соучастниками разного рода аварий, хищений и других антиобщественных поступков. Уже в августе 1937 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) в телеграмме «О борьбе с клещом и ликвидации последствий вредительства в деле хранения зерна» потребовали привлечь виновных к ответственности «как вредителей и врагов народа», в сентябре обязали местные органы проводить показательные суды над этими «врагами народа», приговаривать их к высшей мере. В октябре подобное решение принято по борьбе с вредителями в животноводстве. В то же время принимаются решения по фактам проявления безалаберности и разгильдяйства в других сферах деятельности. В частности, в ряде процессов по делам о вредительстве выдвигались такие обвинения как саботаж наблюдения солнечных затмений, подготовка неверных отчетов о финансовом положении СССР, саботаж в развитии текстильных фабрик, недостаточная поставка запчастей для

механизации сельского хозяйства, неравномерное распределение товаров по районам и т.д. И все это якобы делалось по заданиям иностранных разведок и т.д. (6). Более того, в ноябре 1937 г. Прокурор СССР дал указание проверить дела прошлых лет о пожарах, авариях, выпуске недоброкачественной продукции и т.д. с целью выявления контрреволюционной вредительской подоплеки этих дел и привлечении виновных к строгой ответственности (86).

Не отличающаяся дисциплинированностью и ответственностью категория людей всегда была и всегда воспроизводилась в нашем обществе. Но в те далекие годы подобные поступки квалифицировались как вредительство со всеми вытекающими последствиями. Можно представить, что было бы с людьми, окажись они участниками таких эксцессов, которыми кишит нынешняя российская действительность (аварии со спутниками и грузовыми космическими кораблями, события на Саяно-Шушенской ГЭС, бушующие пожары, ежегодно охватывающие тысячи гектаров лесов, гибель и аварии на подводных лодках, наводнения, подобные тем, что случились с г. Крымске, брак при строительстве дороги на остров Русский, взрывы боеприпасов, крушения на железных дорогах, падение самолетов, гибель туристических судов и т.д., и т.п.). В то время все это относилось к диверсиям врагов народа. Отсюда показательные процессы в регионах над вредителями по хранению зерна, в животноводстве (падение скота) и пр. Гребли всех – ветеринаров, зоотехников, лаборантов биофабрик, работников аграрного сектора и пр. Не случайно, вызванные халатностью, разгильдяйством и расхлябанностью бесчисленные мелкие аварии и другие нарушения на производстве позже были переведены в разряд наказываемых удержанием 25% зарплаты в течение 1–2 лет. Ныне и этого нет. А борьба с опозданиями, прогулами и т.д.? Видимо, у Сталина в те времена была навязчивая идея: сделать русских такими же законопослушными и аккуратными в делах, как немцы. Не получилось.

Помимо всякого рода упущений, связанных с природными чертами русского характера и более широко – советских людей,

поводом для репрессий служила неумная страсть к разговорам о политике, власти, окружающей жизни, причем откровенно, в пьяном виде. В июле 1937 г. Прокуратура СССР специальным циркуляром предписывает «обеспечить, чтобы хулиганские действия, сопровождавшиеся или конкретно выраженные в контрреволюционных либо шовинистических выпадах», квалифицировались по статьям «антисоветская пропаганда» и пр. Но этого показалось мало. И уже в октябре того же года прокуратура издала приказ об ужесточении наказаний за разговоры, осуждающие советскую власть. Было предложено их квалифицировать как высказывания террористических намерений в отношении вождей партии и советского правительства, т.е. привлекать за пособничество террору. В результате к апрелю 1940 г. за антисоветскую пропаганду (проще, высказываний недовольства разными сторонами жизни) в исправительно-трудовых лагерях содержалось 179 тыс. политических заключенных (74). На роль кандидатов в лагеря явно подпадали герои И. Ильфа и Е. Петрова, рассуждавшие о том, что Бриан – это голова, а Гувер и Гинденбург – это две головы.

Надо сказать, что борьба советской власти вообще и сталинского режима в частности с вредными разговорами (высказыванием недовольства властью) – это не изобретение большевиков. Так в США еще с конца XVIII века существовал закон, запрещавший писать, говорить или публиковать любое «ложное или злобное сочинение» о правительстве, президенте и Конгрессе. В 1917 г. был принят закон, предусматривающий заключение до 20 лет тюрьмы (строже, чем при Сталине) за распространение ложной информации о вооруженных силах США. Чуть позже к вооруженным силам добавили Конституцию и правительство. И уже в 1940 г. (время Сталина) принят акт, определявший преступником любого, кто защищает, подстрекает, «консультирует» о необходимости свержения правительства США. Закон был направлен против коммунистов и троцкистов и применялся вплоть до 1961 г. Так что практика преследования «за разговорчики» формировалась не только в тоталитарном

литарном СССР, но и демократических США. И что особенно важно подчеркнуть, и в США, и в СССР преследование за антигосударственные разговоры регламентировалось нормативными актами.

Политические репрессии в 1937–1938 гг., да и в другие периоды существования Советского Союза, осуществлялись не только как реакция на нарушение существующих законов, но и как противодействие возможным рецидивам на проводимые социально-экономические преобразования, как правило, связанные с экспроприацией собственности. В частности, репрессирование кулаков регламентировалось не законами государства, а политическим решением политбюро ЦК ВКП(б), осуществлявшим руководство социальными преобразованиями общества. В частности в январе 1930 г. было принято постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Подобные действия власти имели место не только на стыке 30-х годов, они были и в первые послереволюционные годы, более того они происходили и в начале 90-х годов XX столетия. При отсутствии законов (вместе с СССР рухнула и его правовая база) приватизация, т.е. перераспределение собственности, ее преобразование из общественной в частную, происходила вне нормативных актов, а лишь во имя идеи (прикрытие интереса личной наживы) формирования капиталистической, стыдливо называемой рыночной, экономики. Эксцессов не последовало, т.к. не было необходимости ликвидации прежнего собственника, который был далек от «своей» собственности и представлял все общество за исключением тех, кто осуществлял приватизацию и получал ее плоды. В такие периоды обычно те, кто против преобразований и реформирования, репрессируются. Правда, если это происходило в царское время, в частности, в период столыпинских реформ, отправивших на виселицу не одну сотню крестьян, это приветствуется теми, кто осуществлял реформирование в начале 90-х годов. И не важно, что это реформирование увеличило за 2–3 года число суицидов на 65%, а число умерших на 610 тыс., важно, что задуманное успешно осуществилось. Совсем другое дело большевики.

То, что в числе жертв политического террора были невинные люди, говорят и пишут не только в настоящее время. Скорее всего, это понимали и сами организаторы репрессий. Достаточно напомнить, уже упоминавшееся высказывание Сталина о том, что Ежов «загубил многих невинных людей». В период террора второе лицо в государстве председатель СНК СССР Молотов позже говорил, что массовые репрессии были «профилактической чисткой» без определенных границ. Главное в ней было не упустить врагов, тогда как количество безвинных жертв – вопрос второстепенный. «Сталин, по-моему, продолжает Молотов, вел очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после войны» (99). Судя по решениям, которые Берия, возглавив объединенный МВД СССР, стал принимать, он тоже не очень то, верил, что репрессировали только виновных. В начале 1953 г. Л.П. Берия одним из первых своих приказов создал комиссии и следственные группы по пересмотру дел, находящихся в производстве МВД. В апреле дела многих были пересмотрены и они освобождены. Видимо, понимая, что многие невинные стали виновными под пытками, он в том же месяце издал приказ, запрещающий применение к арестованным мер принуждения и физического воздействия (6). Более того, можно думать, что и Хрущев не заблуждался на счет невинности тех, расстрельные списки которых он визировал вместе с Молотовым и другими подельниками Сталина. Иначе трудно было бы объяснить его шаги, предпринятые спустя 3 года после смерти вождя, когда он явился инициатором разоблачения сталинских репрессий и осуждения «культы личности».

Конечно Сталину, Молотову и др. далеко до «антисталинистов», которые стали вообще всех осужденных и не только в 1937–1938 гг. а за весь период сталинского и даже советского правления относить к невинно пострадавшим. В эти годы, когда антисоветская риторика была узаконена, замечает С.Г. Карамурза, перестали говорить о необоснованных репрессиях (42). А зачем говорить? Ведь все репрессированные – не виновны.

Во-первых, далеко не все политические заключенные были невиновны. Среди осужденных по политическим причинам были и те, кого в любом государстве каким бы демократическим оно не было, все равно держали бы за решеткой или отправили на виселицу, электрический стул и пр. Наивно думать, что в страну, находившуюся в капиталистическом окружении, притом враждебном, в страну, на которую готовилась агрессия, не засылались шпионы, не вербовались бы в ней предатели. Согласно данным А.Б. Мартиросяна, с 1921 г. по 1941 г. было задержано 932 тыс. нарушителей границ, свыше 30 тыс. шпионов, диверсантов и террористов, 40 тыс. вооруженных бандитов (54). Понятно, что не все нарушители границ пополняли лагеря, но вот шпионы и диверсанты без внимания не оставались.

Более того, были и те, кто выступал против существовавшей власти. Их нынешние толкователи истории берут под защиту. Вместе с тем, после того как российский народ в 1990-е годы был «раскулачен» и за его счет возник новый слой богатых людей, стали убеждать обнищавшее большинство, что не надо выступать против происшедшего, что «приватизаторов» надо априори реабилитировать. И вообще, не надо бунтовать, ибо это новая кровь и могут пострадать невинные люди. Словом выступать против сложившихся порядков – это не законно и подсудно. Но ведь и большевики боролись с теми, кто выступал против существовавшей власти. Двойной стандарт, да и только!

Во-вторых, не все население «любило» советскую власть и готово было за нее умереть. Об этом свидетельствует достаточно масштабный переход на сторону врага в 1941–1942 гг. военнотрудовых, как правило, пленных, участие в оккупационной администрации (старосты, полицейские, бургомистры и т.д.) гражданского населения. Не надо забывать, что на оккупированной территории находились сотни тысяч сельских и городских поселений, в которых проживало 75–80 млн. человек. Во все годы Великой отечественной войны огромное число советских граждан находилось на службе во

вспомогательных частях Вермахта и непосредственно в воинских, в т.ч. и карательных, подразделениях. Так к 1944 г. на стороне немцев было 200 пехотных батальонов из русских, украинцев и других народов Советского Союза. Сюда можно добавить 20 тыс. крымских татар, казачий и калмыцкий кавалерийские корпуса и т.д. Только в армии Власова насчитывалось 800–900 тыс. человек (81).

Откуда они взялись? Часть населения изначально была против советской власти. Откуда могла взяться любовь к так называемому пролетарскому государству у тех, у кого эта власть экспроприировала собственность. Определенный вклад внесла коллективизация, часть тех, у кого советская власть отобрала собственность, нажитую тяжелым крестьянским трудом, также могла обратить ненависть в предательство. Таким образом, к 1937 г., а от совершения Октябрьского переворота прошло всего 20 лет, в советском обществе еще было немало тех, кто был недоволен новой властью. Поэтому в кругу семьи и друзей могло быть всё, включая и антисоветские высказывания, и анекдоты, и обидные стихи о вождях и т.д. Ныне, подобное стало обыденным, за это не репрессируют, хотя и сегодня, спустя 20 лет после развала СССР, еще немало тех, кто не просто сожалеет о содеянном в те годы неосознанной романтики, но и не против возврата старых времен.

В-третьих, среди политических заключенных были и те, кто совершил уголовное преступление, но по ряду обстоятельств был квалифицирован как «враг народа». Если в рядовой пьяной драке кто-то убил (ударил ножом) не такого же обычного гражданина как он сам, а стахановца, то 58 статья была ему обеспечена. Словом, среди политических были лица, совершившие уголовные преступления. Между прочим, пребывание в лагерях спасало людей от политических репрессий. Уже отмечалось, что в одной из справок, подготовленных в МВД и обнаруженных В.Н. Земсковым, говорилось, что в число политических осужденных (примерно 3 млн. человек) в 1921–1938 гг. попало 30% уголовников. Это не 100, не 200 тысяч, а свыше одного миллиона человек.

И все же, среди репрессированных преобладали невинные жертвы, о чем свидетельствуют различные официальные цифры, приводимые многими авторами, которые опираются на эти цифры в своих суждениях. Эти цифры характеризуют факт невинности большей части репрессированных. С одной стороны, об этом свидетельствуют амнистии и освобождения некоторых категорий, осужденных теми, кто осуществлял репрессии, а с другой стороны, массовые реабилитации невинно пострадавших в периоды «оттепели» и «перестройки» в стране. Можно выделить четыре периода, во время которых у жертв ГУЛАГа или прижизненно или посмертно менялся их юридический статус.

Первый период. В 1939–1940 гг. было проведено массовое освобождение заключенных. Оно охватило 837 тыс. человек, в числе которых 13 тыс. командиров, которые после освобождения были восстановлены в Красной Армии. В первые месяцы Великой отечественной войны на основании указов Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 г. из мест лишения свободы было освобождено около 600 тыс. человек (74). Согласно другому источнику (54), в 1939 г. из заключения было освобождено 381,2 тыс. человек и еще 130 тыс. в 1940 г. По отчетам ГУЛАГа, утверждает О.В. Хлевнюк, в 1939 г. из лагерей было освобождено 223,6 тыс. человек, большинство из которых, продолжает он, отбывали наказания за уголовные преступления. Кроме того, он приводит данные о численности заключенных, отбывавших срок за контрреволюционные преступления в ИТЛ на начало января 1939 и 1940 гг. и делает вывод, что число политических сократилось всего на 10 тыс. человек. (99). Историк Н.В. Петров считает, что в 1939–1940 гг. из мест заключения были выпущены от 100 до 150 тыс. человек, причем в основном из числа тех, кого не успели осудить до 17 ноября 1938 г. (6). Наконец, С.Г. Кара-Мурза утверждает, что с начала войны было передано в армию 975 тыс. бывших заключенных (42). Независимо от приведенных разных цифр, понятно, что они относятся не только, а возможно, не столько, к политическим, сколько к уголовным заключенным.

Второй период. Освобождение заключенных продолжалось сразу же после смерти Сталина. В частности, в конце марта Берия направил в Президиум ЦК КПСС записку об амнистии. В ней предлагалось освободить осужденных на срок до 5 лет, осужденных за хозяйственные, должностные и некоторые воинские преступления, а также всех женщин, имеющих детей в возрасте до 10 лет, беременных, несовершеннолетних, пожилых и неизлечимо больных. Уже в конце марта 1953 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которым было освобождено 1,2 млн. человек, в основном за уголовные преступления (74). К концу 1954 г. в тюрьмах и лагерях еще находилось почти 468 тыс. политических заключенных. Примерно 62,5 тыс. были еще в ссылке (80). В то же время после устранения Берии и укрепления позиции Хрущева, в 1954–1955 гг. из лагерей и колоний досрочно было освобождено 88,3 тыс. политических заключенных, в числе которых 32,8 тыс. из числа тех, кто сотрудничал с оккупантами во время войны (74). За исключением последних цифр, все остальные в большей мере относятся к осужденным за уголовные преступления.

Третий период. Время массового освобождения политических заключенных наступило на волне разоблачения «культы личности» Сталина. Вместе с теми, кто был освобожден уже в первое время после смерти вождя, т.е. с 1954 г. вплоть до 1961 г. было реабилитировано 737,2 тыс. человек. В тот период примерно 209 тыс. осужденных за государственные преступления было отказано в реабилитации. К началу 1959 г. в местах заключения оставалось всего 11 тыс., осужденных по политическим мотивам. (80).

Четвертый период. По приводимым В.Н. Земсковым данным в 1987–1989 гг. было реабилитировано 838,6 тыс. и отказано 21,3 тыс. человек. Согласно другому источнику в этот период было реабилитировано 844,7 тыс. человек, включая и всех осужденных деятелей ВКП(б). Было отказано – 11,9 тыс. (74). Уже в июне 1992 г. в «Известиях» было опубликовано сообщение министерст-

ва безопасности России, в котором сообщалось о том, что с 1987 г. по 1992 г. было реабилитировано 1073,8 тыс. человек и вместе с тем, отказано в реабилитации 56,3 тыс.

Амнистии и освобождения заключенных в предвоенные и первые военные годы, охватывали как политических, так и уголовных. Установить числа тех и других по соотношению в ГУЛАГе, вряд ли возможно. Можно лишь констатировать, что в числе освобожденных были и политические, и притом достаточно известные, такие как будущий маршал К.К. Рокоссовский, генерал армии Горбатов и др. В командирах Красной Армии, да еще такого уровня была острая потребность, которой никак не было в отношении партийных функционеров и им подобных. Они продолжали добывать столь необходимые в то время драгоценные и редкоземельные металлы на рудниках Колымы и других мест.

Небольшое количество политических было освобождено сразу же после смерти Сталина, хотя уголовных вышло на свободу примерно в 15 раз больше. Поэтому, видеть в Берии, который в то время возглавлял карательную систему, борца с несправедливостью вождя, которому он верой и правдой служил, это большое заблуждение. Авторитет Берия успел заработать лишь у уголовников, среди которых были и опасные рецидивисты. Вместе с тем, Берия явился инициатором освобождения из лагерей заключенных, если так можно выразиться, «группы риска» – беременных, женщин с малолетними детьми, пожилых и лиц неизлечимо больных. Кстати, он еще раньше, при Сталине, предлагал освободить всех неизлечимо больных. Это он инициировал уже после смерти вождя и запретил пытки, о чем уже говорилось. И вот тут то и возникает вопрос: кем был Берия? Пока ясно лишь одно, а именно, что до вступления Берии в должность главы МВД подобное не делалось – это факт.

Численность политических заключенных, реабилитированных с 1954 г. по 1961 г. в хрущевскую оттепель и в 1987–1992 гг. в период горбачевской перестройки, превысила 1,8 млн. человек. Добавив сюда то, что к моменту распада СССР во вновь образованных на

постсоветском пространстве государствах осталось не рассмотренными еще 1,5 млн. дел, получим исходные данные для распределения политических заключенных на виновных и невинных. Сразу же при этом заметим, что деление политических заключенных на эти две группы не совсем верно.

В достаточно политизированном Законе РФ от 18 декабря 1991 года, считающим началом политических репрессий 25 октября 1917 г. (главный лейтмотив – революцию нельзя было делать, поскольку она без репрессий не бывает) в статье 4 перечислены категории осужденных, не подлежащие реабилитации. К ним относятся осужденные за измену Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода на сторону врага, совершения террористических актов, диверсий, осуществлении насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны. Сюда же отнесены организация бандитских формирований, совершавших убийства, грабежи и другие насильственные действия, а также принимавших личное участие в совершении этих деяний в составе бандформирований, военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия и т.д. (69).

Помимо этих категорий осужденных в 5 статье Закона указаны также те, кто не представлял уже общественной опасности, это: антисоветская агитация и пропаганда; распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй; нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви; посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов; побег из мест лишения свободы, ссылки, спецпоселений и т.д.

Таким образом, в Законе, в котором нашли отражение веяния новых революционных преобразований начала 90-х годов XX в. (замена общественной собственности на частную, такая же рево-

люция, как и замена второй на первую) и одновременно осуждалась прежняя, Октябрьская революция 1917 г., просматриваются три категории осужденных:

а) те, кто совершил преступления против государства (шпионаж, диверсии, участие в бандформированиях, предательство и т.д.)

б) те, кто выступал против общественного строя (антисоветская агитация и пропаганда, распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный строй и т.д.)

в) невинные, прежде всего дети, жены арестованных и другие невинно пострадавшие.

Следуя логике указанного Закона, всех осужденных за политические преступления можно распределить на три группы: виновных в связи с посягательством на безопасность государства (шпионаж, измена родине и пр.), виновных, которые реально противодействовали или подозревались в противодействии общественному устройству (несогласие с курсом ВКП(б), антисоветские высказывания и т.д.) и невинные, т.е. пострадавшие вследствие различно мотивированных интересов тех, кто формировал контингент репрессированных и тех, кто им в этом содействовал (выслуживался перед вышестоящим начальством, из боязни обвинений в «мягкотелости», доносительство из-за корысти или любви к этому искусству и пр.).

Деление всех осужденных на эти три группы, не может быть сколько-нибудь точным, оно очень и очень приблизительно. Причем любой способ деления может быть оспорен. Для нашего расчета примем следующие предпосылки:

– в сталинский период (1921–1953 гг.) было осуждено 4,1 млн. человек;

– осталось 1,5 млн. не рассмотренных дел во вновь возникших государствах на постсоветском пространстве;

– было репрессировано детей 25,4 тыс. и жен 18 тыс., т.е. всего 43,4 тыс. человек;

– на осужденных по политическим причинам приходится, скорее всего, небольшое количество из числа освобожденных в предво-

енное время и в начале войны (в этот период было освобождено и передано в армию св. 1–1,4 млн.), что требует определенной корректировки, основанной на интуиции и здравом смысле. Добавим, что если принять в качестве исходной цифру политических заключенных, освобожденных в 1939 г., а она, по данным О.В. Хлевнюка, равна 10 тыс. человек (99) и увеличить её для последующих военных лет в 3–5 раз, то и тогда она будет не столь уж велика, чтобы радикально повлиять на последующие расчеты.

Тогда, из 2,6 млн. человек, в отношении которых осуществлялось рассмотрение дел (1,5 млн. осталось за пределами России), были реабилитированы с теми, кого освободили перед войной и в ее начале, по-видимому, 2 млн. человек. Эта цифра может быть немного больше или меньше, во всяком случае, не выходящая за пределы 1,9–2,1 млн. человек. В этом случае на долю виновных остается 0,5–0,6 млн.

Расчеты можно выполнить и по-другому. В 1954–1961 гг. было рассмотрено 945,6 тыс. дел, из них реабилитировано 737,2 тыс. и отказано в реабилитации 208,4 тыс., т.е. 28,3%. В то время, скорее всего, тех, кого обвиняли в выступлениях против общественного строя (к примеру, за антисоветскую пропаганду) не реабилитировали. В советские годы, даже когда осуществлялась реабилитация, за подобное продолжали привлекать советских граждан к ответственности (заклучение, высылка из страны и пр.). Фамилии некоторых из пострадавших до сих пор «на слуху».

В более либеральный период нашей истории, в 1987–1992 гг. согласно сообщению министерства безопасности России было рассмотрено 1073,8 тыс. дел. При этом отказано в реабилитации 56,3 тыс., что дает 5,2%. Остальные были реабилитированы, это 1017,5 тыс. человек. Исходя при расчете из данных о реабилитации в 1954–1961 гг. и данных, относящихся к 1987–1992 гг., получается, что всего было рассмотрено 2020 тыс. дел (2019,4). В результате было реабилитировано 1745,7 тыс. человек и отказано в реабилитации – 264,7 тыс. человек. В составе тех, кому отказано в реабилита-

ции в 1954–1961 гг., находятся те, кто был бы оправдан в 1987–1992 гг., поскольку они составляют группу осуждавшихся за так называемые антисоветские действия (высказывания и пр.).

Опираясь на выше приведенные данные, можно выделить в составе репрессированных три группы: тех, кто был справедливо осужден за государственные преступления; тех, кого осудили за проявление инакомыслия, антисоветские высказывания и прочие деяния, которые в современном понимании прав человека никак не являются преступлениями; тех, кто вообще невинно пострадал, потому, что они просто попали в разрядку, стали жертвами доноса и т.д. Если из общего числа репрессированных отделить тот процент, кому было отказано в 1954–1961 гг. (это первая и вторая группы), то их получится 572 тыс. человек ($2020 \text{ тыс.} \times 0,283$). Но, если из этих же 2020 тыс. исключить тот процент репрессированных, которым было отказано в реабилитации в 1987–1992 гг., то получится число осужденных за реальные, а не надуманные государственные преступления. Число входящих в эту первую группу составит 105 тыс. ($2020 \text{ тыс.} \times 0,052$). Отняв от 572 тыс. это число, получаем численность второй группы. Теперь вся совокупность репрессированных, дела по которым были рассмотрены в 1954–1961 и 1987–1992 годы, может быть распределена следующим образом (тыс. человек): а) кто был справедливо осужден за государственные преступления – 105 (5,2% от общего числа репрессированных); б) осужденные за антисоветские высказывания и т.д. – 467 (23,1%); в) невинно пострадавшие – 1448 (71,7%). Две последние группы превышают 1,9 млн. человек (1915 тыс.) или почти 95%.

Очень прикидочно можно посчитать, сколько виновных и безвинных относятся к 1937–1938 гг. В среднем за годы, предшествующие политическому террору (1935–1936 гг.) и за годы, следовавшие за ним (1939–1940 гг.), число политических осужденных составляло 170 тыс. человек. Из них лишь 28,3% (5,2+23,1) по меркам того времени могут быть отнесены к виновным. Их – 48 тыс. человек. Если допустить, что и в 1937–1938 гг., т.е. в течение двух

лет, было такое же число виновных, а именно 96 тыс., то тогда количество невинных для двух лет составит примерно 1250 тыс. человек. Это, конечно, грубая прикидка, но прикидка, говорящая о том, что в годы политического террора свыше 90% было осуждено невинных людей. Страна принесла граждан в жертву ненасытному Молоху, считай Сталину и его клике.

Трагедия 1937–1938 гг. не только в том, что 1,2–1,3 млн. ни в чем не повинных людей были репрессированы, причем больше половины из них расстреляны. Политический террор в большей или меньшей степени затронул миллионы и миллионы советских семей. В тот период с каждой семьей в родстве и свойстве состояли десятки человек, поскольку в дореволюционные годы, да и довоенный советский период вследствие высокой рождаемости у каждого было по 5–7, если не больше братьев и сестер. Добавьте сюда их жен и мужей, сватов, шуринов и пр., и получается сообщества в десятки связанных между собой в разной степени родства людей. В каждом из таких сообществ были репрессированные. Что там говорить, уже упоминалось, они были и в семьях Орджоникидзе, Кагановича, Калинина и даже Сталина. Конечно, обрушившаяся на Советский Союз кровопролитнейшая война, в которой страна потеряла 27 млн. человеческих жизней (13–14% предвоенного населения страны) и исковеркала судьбы нескольким десяткам миллионов советских семей, существенно сгладила последствия событий 1937–1938 гг. Тем не менее, они продолжают кровоточить и, хотя со временем они забудутся, но скорее всего не очень скоро.

* * *

Итак, в сталинское, как впрочем, и в остальное советское время репрессировались лица, совершавшие государственные преступления. Это повсеместная практика, необходимый ответ на внешние и внутренние угрозы государству. Но во время политического террора (1937–1938 гг.) и в значительно меньшей мере в другие пе-

224

риоды советской истории в жернова репрессий попадали люди, не совершавшие никаких преступлений, либо те, проступки которых в условиях демократии и соблюдения прав человека никак не являются преступлениями.

В периоды 1954–1961 гг. и 1987–1992 гг. было рассмотрено 2020 тыс. дел о государственных преступлениях. Из них примерно 5% относятся к тем, кого репрессировали бы в любое время, в любом государстве, 23% – это те, кто пострадал из-за отсутствия в Советском Союзе демократии, в частности соблюдения прав личности, несмотря на провозглашение этого принципа и в сталинской, и в брежневской конституциях, и 72% репрессированных – это невинно пострадавшие граждане страны победившего социализма.

Самое страшное время в советской истории – это 1937–1938 гг., когда в общем числе репрессированных, составляющем 1345 тыс. человек, почти один миллион был невинных, а каждые 9 из 10 были невинны по правовым нормам нашего времени (это примерно 1250 тыс.). Больше половины репрессированных были расстреляны, еще несколько десятков тысяч погибли именно потому, что попали в лагеря. Абсолютное большинство тех и других – это люди, не совершавшие никаких преступлений. К сожалению, в то время не было невинных людей, были лишь еще не привлеченные, т.е. те, кого еще не успели репрессировать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политические репрессии, осуществлявшиеся в советском государстве, накал которых приходится на годы правления Сталина – это те драматические события в жизни всех народов, населявших Советский Союз, которые оставили кровавый след в истории России, Украины и других некогда братских союзных республик. Наиболее масштабные политические репрессии приходятся на 4 периода советского времени:

1918–1921 гг. – Гражданская война и иностранная интервенция:

1930–1933 гг. – коллективизация и ликвидация кулачества как класса;

1937–1938 гг. – террор власти по отношению к собственному народу;

1942–1947 гг. – военные и первые послевоенные годы.

Всего в течение 1918–1958 гг., т.е. за 40 лет, было репрессировано по политическим мотивам примерно 4,2 млн. человек. В этой цифре указанным четверем периодам (суммарно это 16 лет или половина срока правления Сталина) принадлежит 2,8 млн. осужденных за контрреволюционные преступления. Более того, всего за 2 года политического террора (1937–1938 гг.) репрессиям было подвергнуто 1345 тыс. человек, т.е. почти столько же сколько за 14 лет Гражданской войны, коллективизации, военного и первого послевоенного времени, когда шло массовое осуждение тех, кто сотрудничал с фашистами.

За исключением 1937–1938 гг., во все это время (1918–1958 гг.), доля лиц, приговоренных к смертной казни, всегда была много меньше той, что приходилась на осужденных к другим мерам нака-

заниям (лагеря и т.д.). В годы Гражданской войны она составляла 36,1%, в годы коллективизации – 46,4% и в военные и первые послевоенные годы – 6,7%. В остальные, сравнительно мирные годы доля высшей меры в общем числе осужденных составляла: в 1922–1929 гг. – 7,9%, в 1934–1936 гг. – 0,7%, в 1948–1953 гг. – 5,1% и после смерти Сталина в 1954–1958 гг. – 1,0%.

В отличие от всех перечисленных периодов, в годы политического террора, т.е. в 1937–1938 гг. доля приговоренных к высшей мере в общем числе всех осужденных превышала 50% (50,7%). На эти два года политической вакханалии пришлось 682 тыс. смертных приговоров, тогда как на остальные 38 лет – 146 тыс. человек. Доля приговоренных к высшей мере в 1937–1938 гг. в их общем числе за эти 40 лет превышает 82%. При таких цифрах, едва ли кто-нибудь рискнет отрицать, что 1937–1938 гг. были временем инициированного, организованного и контролируемого властью, которую возглавлял Сталин, массового политического террора против собственного народа.

Поставив задачами: уничтожить во имя построения социализма не только в городе, но и деревне последний «эксплуататорский» класс – кулачество; обезопасить государство от капиталистического окружения для чего репрессировать в массовом порядке лиц тех национальностей, которые были титульными для стран приграничных с Советским Союзом или враждебно к нему настроенных; ликвидировать опасность со стороны тех групп лиц, которые были повержены в ходе межпартийной и внутрипартийной борьбы, а проще, устранить возможных соперников в борьбе за власть, Сталин и его подельники развязали этот кровавый террор.

Для его проведения были задействованы все доступные средства. Люди подвергались аресту не за совершенные преступления, а по формальным признакам («бывшие», кулаки, нетитульные национальности, лица, исключенные из партии, состоявшие раньше в других партиях и пр.). С помощью узаконенного и поощряемого властью и лично тов. Сталиным физического воздействия на под-

следственных, проще говоря, пыток, из них и выбивались показания на себя и на других, кого предлагал следователь, и на этой основе фабриковались многочисленные террористические, повстанческие и иные подобные организации. Для ускорения расправы были созданы внесудебные органы, когда 2–3 человека в отсутствие защиты, обвинителя, а часто и подследственного выносили приговоры невиновным, которых, если они приговаривались к высшей мере, без промедления лишали жизни. Репрессии обрушились также на жен и детей осужденных за так называемые политические преступления. В результате, в числе репрессированных оказалось не менее 75% людей, не совершивших никаких преступлений и еще до 20% среди осужденных было тех лиц, которых приговорили на основе антигуманных законов, – за антисоветские разговоры, упущения в хозяйственной деятельности и др.

Истребление невинных людей в период политического террора как в общем-то и в другие годы – это не только проблема людских потерь и жестоких испытаний для миллионов семей. Это и неизгладимый след в правовой культуре советских, да и теперешних российских людей. Обвинить невинного ради рапорта о раскрытии преступления, подбросить подозреваемому наркотики или оружие, выбить показания официально запрещенными пытками – это все реалии нашего времени. В наследие от того времени досталось и почти полное отсутствие оправдательных приговоров, когда суд почти повсеместно выступает на стороне обвинения, забывая, что еще есть и сторона защиты. Повсеместно распространенное телефонное право, существовавшее не только в сталинское, но и во все остальное советское время, в основе которого лежал административный (читай – партийный) ресурс. Оно не исчезло, а, наоборот, приобрело еще одну детерминанту – деньги, не просто деньги, а большие деньги. В довершение ко всему, доведенный в свое время Вышинским до универсализма принцип «признание – царица доказательства» также не исчез, особенно если он сопровождается пытками. И как это не печально, но боль утрат пройдет раньше, чем

исчезнет этот правовой нигилизм, и те, кто призван стоять на страже закона, перестанут его сами нарушать. Вот уж точно, дважды преступник тот, кто призван следить за соблюдением законов и сам их нарушает. Для таких преступников и мера наказания должна быть двойная.

ИСТОЧНИКИ

1. Антонов-Овсеенко Антон. Портрет Тирана. Изд. «Хроника». Нью-Йорк. 1980.

2. «Архипелаг ГУЛАГ»: глазами писателя и статистика.// АиФ. №45, 1989.

3. Беспалов В.В. Национальный состав кадров органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР в 1917–1938 г. (Краткая историческая справка). г. Ленинград, октябрь 1998 г.
<http://mrk-kprf-spb.narod.ru/bespal.htm>

4. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. Составители Охотин Н.Г., А.Б. Рогинский. <http://ru.wikipedia.org/wiki>

5. «Вечерняя Москва» 1990 14 апреля.

6. Википедия – свободная энциклопедия
<http://ru.wikipedia.org/wiki/> статья «Сталинские репрессии».

7. Википедия – свободная энциклопедия
<http://ru.wikipedia.org/wiki/> статья «Большой террор»

8. Вишневский А.Г. //Демоскоп. №313-314, 2007 г.
<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/tema05.php>

9. Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Изд. АПН. М, 1989

10. Вопросы истории 1990 № 3

11. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сб. документов и материалов. М, 2007.

12. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М.1992.

13. Голенков А.Н.. Предлагаю «объяснить» Сталина. Изд.2. М. АВИТИ, 2005.

14. Горбатов А.В. «Годы и войны». М, 1989.

15. Гордон Л., Клопов Э., «Форсированный рывок конца 20-х и 30-х годов: исторические корни и результаты». // Полит. образование. №15, 1988

16. Григулевич И.Р. Инквизиция. Изд. 2-е. Политиздат М. 1976.

17. ГУЛАГ – Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/ГУЛаг>
http://perpetrator2004.narod.ru/Great_Terror.htm
18. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт на Майне. Москва. 2001
19. Джекобсон М. и Смирнов М.Б. Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930.
<http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/articles/Chapter2.htm>
20. Демоскоп № 515-516, июнь–июль 2012.
<http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/index.php>
21. Демосфен. Речи. Изд. АН СССР. М. 1954.
22. Документы трагического времени: архивы открывают тайны. //Аргументы и факты №35, 1990
23. Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей». М., "Книжная палата", 1990. <http://lib.ru/PROZA/DOMBROWSKIJ/faculty.txt>
24. «Дружба народов». 1988 №9
25. Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ. Документы и факты. М, 1999.
26. Жженов Г.С. Саночки, рассказы и повесть. М.2001.
27. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект)// Социологические исследования. 1991, №6 и №7
28. Земсков В.Н., ГУЛАГ (Историко-социологический аспект).// Социологические исследования №6, 1991
29. Земсков В.Н. Заключенные в 30-е годы: социально-демографические проблемы.//Отечественная история. 1997, №4.
30. Земсков Виктор. Политические репрессии в СССР (1917–1990). <http://ccsr-revivel.blogspot.ru/2011/05/19171990.html>
31. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР). http://ecsocman.hse.ru/data/680/927/1216/1_Zemskov.pdf
32. Земсков В.Н. и Нохотович Д.Н. Статистика осужденных за контрреволюционные преступления в 1921–1953 гг.// Аргументы и факты. 1990, №5
33. «Известия». 20 декабря 1988.
34. «Известия». 12 июня 1992
35. «Известия» 1996 3 июня.
36. «Исторический архив». 1994, №2
37. История России. 1917–2004: Учеб. Пособие для студентов вузов. //А.С. Барсенков, А.И. Вдовин. М. Аспект Пресс, 2005.
38. «Источник» №1, 1995.
39. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000

40. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. М, 1962.
41. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. СССР. т.3. М. «Статистика», 1972.
42. Кара-Мурза С.Г. http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a97.htm
43. КГБ СССР сообщает. Реабилитация.// Правительственный Вестник. №7, 1990.
44. Коллективизация: как это было. «Правда». 16 сентября 1988
45. «Комсомольская правда». 29 сентября 1989 г.
46. Конквест Р. Жатва скорби. «Новый мир». №10, 1989
47. Кропачев С.А. Хроники коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 1. 1917 – 1940 гг. Краснодар, 1995.
48. «Литературная Россия». №8, 22 февраля 1991.
49. «Литературная газета». №41, 22 октября 1988
50. «Лубянка, Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД». Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938, под ред. А.Н. Яковлева. М, 2004.
51. Лунев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд.2-е. М. «Волтерс Клувер», 2005
52. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб, 1995.
53. Манштейн Э. Утерянные победы. Воениздат. М, 1957 (вне продажи)
54. Мартиросян А.Б. Сталинские репрессии». Навсегда развеянные мифы. <http://delostalina.ru/?p=1249>
55. Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. Исторические очерки. <http://lib.rus.ec/b/376685/read>
56. Медведев Р. Наш иск Сталину.//Московские новости, 1988, 27 ноября.
57. Мелия А.А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. -: Альпина Бизнес Букс, 2004. http://militera.lib.ru/research/melia_aa/index.html
58. «На боевом посту». 27 декабря 1989 г.
59. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Стат. ежегодник. М, 1987.
60. Народное хозяйство СССР.1922.1982. Стат. ежегодник М, 1982
61. Народонаселение стран мира. Справочник. Под ред. Б.Ц. Урланиса и В.А. Борисова. М, 1984.

62. Население мира. Справочник. Под ред. Б.Ц. Урланиса М, 1965
63. Население СССР 1987. Статистический сборник. М, 1988
64. Население СССР 1973. Статистический сборник. М, 1975
65. Население СССР. 1988. Статистический ежегодник. М, 1989
66. Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М, «Версты» 1995.
67. «Новый мир» 1990, №3.
68. «Огонек» №15, 1989
69. “О реабилитации жертв политических репрессий”. Закон РФ от 18 октября 1991 года, № 1761-1
70. Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Полвека молчания: всесоюзная перепись населения 1937 г.//СОЦИС.1990, №6
71. Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Полвека молчания: всесоюзная перепись населения 1937 г.//СОЦИС.1990, №7
72. Полян П., Жертвы двух диктатур. М. «Ваш выбор ЦИРЗ». 1996.
73. Попов В.П.. Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг.: источники и их интерпретация. //Отечественные архивы. 1992, №2.
74. Пыхалов И. Время Сталина: факты против мифов. Ленинград, 2001.
75. Пыхалов И. Воевал ли Сталин на стороне Гитлера? <http://www.zastalingrad.ru/lib/article.pl?id=11>
76. Пыхалов И. Каковы масштабы сталинских репрессий?» <http://stalinism.narod.ru/docs/repress/repress.htm>
77. Радзинский Эдвард, Сталин. Изд. «Вагриус». М, 1997.
78. Реабилитация. Политический процесс 30-50 годов. М, 1991.
79. Роговин В.З.. 1937. М, 1996
80. Роговин В.З. Партия расстрелянных. http://krotov.info/lib_sec/17_r/og/ovin_00.htm
81. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М, 2001
82. Семенов Ю.И., Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М, 2008.
83. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения.//Знамя. 1988, №3

84. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. «Новый мир». №10, 1989.

85. Солженицын А.И. – Размышления по поводу двух гражданских войн: Интервью испанскому телевидению в 1976 г.// Комсомольская правда. 4 июня 1994 г.

86. Снитковский В. <http://club.berkovich-zametki.com/?p=927>

87. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. одиннадцатое. Госполитиздат. М, 1952.

88. Суворов В. Очищение. М, 2001

89. Суэта сует. М. Изд. «Руссико», 1996

90. Тарле Е.В. Наполеон, М, 1957

91. Тартаковский Жозеф. Евреи в руководстве СССР (1917–1991). <http://kaz-volnoe.narod.ru/page242.html>

92. Толстой А.К. История государства российского от Гостомысла до Тимашева. Собр. соч. т.1. М, 1963

93. Трагедия без грифа « секретно»./Труд. 2001.

94. Туманов В. Все потерять и вновь начать с мечты. Изд.2. ОАО типогр. «Новости». М, 2011

95. Традиция-Русская энциклопедия. «Сталин и евреи» <http://tralitio-ru.org/wiki/>

96. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.//СУ РСФСР.1926.№80

97. Феномен Сталина. Москва-Краснодар, 2003.

98. Фурманов. Чапаев. М, 1984.

99. Хлевнюк О.В. Государственный террор в 1930-е гг. // Книга для учителя. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М., 2002.

100. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/hist058.html>

101. Хрестоматия по истории России.1927–940.М, 1994.

102. Харенберг Бодо. Хроника человечества. Изд. Второе. М. Слово/Slovo», 2000.

103. Черная книга коммунизма. Глава 10. Большой террор (1936–1938).М.1999. http://www.goldentime.ru/nbk_10.htm

104. Чуев Феликс, Ветер истории, http://www.patriotica.ru/history/chuev_veter.html

105. Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы.//Вопросы истории. 1989, №4.

106. Шаламов В. Колымские рассказы. С-Петербург, 2002.

107. Шипунов Ф. «Великая замятня». //Наш Современник. №3, 1990
108. Шатуновская О. Фальсификация. //Аргументы и факты. №22, 1990
109. Экспресс-информация. Серия «История статистики». Выпуск 3–5 (часть I). История населения СССР 1920–1959 гг. М, 1990
110. Экспресс-информация. Серия «История статистики». Выпуск 3–5 (часть II). Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. М, 1990
111. Эрлихман В. Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М.»Русская Панорама», 2004.
112. Яковлев А.Н. Омут памяти от Столыпина до Путина. М, 2001

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1.1.

Социальный состав заключенных, содержащихся в лагерях НКВД ГПУ (на начало года, человек)

	1932	1933	1934	1935	1936	1938
Общее количество заключенных	268716	334413	509768	725483	839406	996367
В том числе:						
Рабочие	38910	49058	78351	113248	147567	231157
Крестьяне, в том числе	181571	213924	322836	401409	419871	350721
Батраки	4058	5584	9176	11535	10660	
Колхозники	3547	13209	52965	68340	95860	142480
Бедные единоличники	40522	50129	77944	106936	104086	111593
Середняки-единоличники	86365	96578	122140	145096	134556	
Кулаки	47079	48424	60611	69502	74709	96647
Служащие	22948	31301	50263	74072	100980	135505
Учащиеся	376	435	561	870	1763	3985
Военнослужащие		769	2396	3047	3609	3900
Лица свободных профессий	645	803	561	1161	839	1992
Кустари и ремесленники	4299	6688	4741	6239	5708	5978
Владельцы частных предп.	3171	3979	3109	3917	3777	2989
Служители культа	4864	4983	3263	2974	3022	3985
Пенсионеры		100				996
Прочие виды занятий	4837	5685	7341	15380	12507	23913
Без определенных занятий	7095	16688	36346	103166	139763	231246

Таблица 1.2

**Образовательный состав заключенных,
содержащихся в ИТЛ НКВД
(на начало года, человек)**

Годы	1932	1933	1934	1935	1936	1937**	1938	1940
Общее количество	268716	334413	509768	725483	839406	823717	996367	1344408
Высшее	3090	3043	3565	4933	6799	8937	10960	24199
Среднее	17789	20934	28700	47084	62284	68763	82698	133096
Нисшее*	105417	128816	199371	317907	388813	409393	500176	666826
Малограмотные	102569	129585	217264	270097	300675	257659	316844	407355
Неграмотные	39851	52035	60868	85462	80835	64524	85689	112932

* правописание рассматриваемого периода

** на 01.04

Таблица 1.3

**Национальный состав заключенных, содержащихся в ИТЛ НКВД
(на начало года, человек)**

Годы	1932	1933	1934	1935	1936	1937*	1938	1940
Общее число заключенных	268716	334413	509768	725483	839406	823717	996367	1344408
В том числе:								
Русские	158516	201149	305199	437321	513465	503568	621733	820089
Украинцы	47778	55546	97519	124855	151261	126384	151447	196283
Белорусы	7578	10902	24877	38958	40375	34504	49818	49743
Народн. Средней Азии	11474	18493	14070	26045	27113	29275	39854	61842
тюрки и татары	10695	10668	12795	23723	25014	28816	33876	28232
Казаки, калмыки, киргизы	5616	6889	9431	12695	13179	13727	2989	
Евреи	3036	3712	5760	8125	10325	11439	12953	21510
Кавказские национальн.	5481	6722	9431	14436	13851	15689	23590	33654
Башкиры	833	1672	2090	3700	3526	3241	3985	5380
Буряты								2700
Чуваши, марийцы, мордва, Зыряне	2042	3043	5404	7182	6379	7985	8951	
Молдаване	403	401	817	2757	1091	1099	993	
Карелы	134	334	817	943	1511	1604	1993	
Прочие народности Союза	8518	5618	9176	6892	9066	9226	20708	70139

Окончание таблицы 1.3

Годы	1932	1933	1934	1935	1936	1937*	1938	1940
наrodnости других стран	6612	9264	12382	17851	23250	23028	23309	54836
В том числе:								
Немцы							9963	18822
Поляки							6975	16133
Финны							997	2750
Латыши							1991	5400
Литовцы							997	1344
Эстонцы							195	2720
Румыны							160	270
Иранцы							40	134
Афганцы								280
Монголы								70
Японцы								80
Китайцы							995	4033
Корейцы							996	2800
Без указания национ.						14132		

* на 01.04

Таблица 1-4

**Гражданство заключенных, содержащихся в лагерях ГУЛАГа
(на начало года)**

гражданство	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1940 г.
СССР	837102	808886	993378	1340375
Другие страны	2304	2391	2989	4033
в том числе:				
Германия	29	35		130
Польша	229	258	450	270
Финляндия	141	102		120
Китай	940	1329	1400	1210
Корея	284	86		
Япония			200	50
Иран	102	201		807
Афганистан				134
Другие европейские страны				978
из них:				
Австрия				138
Греция				403
прочие				309

Таблица 1.5

**Возрастно-половой состав заключенных,
содержащихся в ИТЛ НКВД
(на начало года, человек)**

Годы	1932	1933	1934	1935	1936	1937*	1938	1940
Общее количество	268716	334413	509768	725483	839406	823717	996367	1344408
В том числе:								
мужчин	257457	319164	479542	680358	788286	771667	927618	1235510
женщин	11259	15249	30226	45125	51120	50503	68749	108898
Возраст (лет), в том числе:								
до 16						163	575	134
до 18	5186	3545	6015	9359**	6547**	5119***	11956***	6990***
18–20						94415	106611	
18–21				92281	120455			129063
22–30								467585
21–24						184612	209237	
19–24	52185	68120	120918					
22–25				149885	181563			
25–30	58741	74674	133050	173608	196337	204178	232153	
31–40	71263	88318	143905	190149	217826	206802	248095	402919
41–50	51728	64174	81971	86623	90656	84208	129527	224381
51–60	25582	31100	22889	21837	24427	26950	46829	93839
Старше 60	4031	4482	1020	1741	1595	3139	11384	19497

* на 01.04

**исключая 18-летних

*** 16–18 лет

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 2-1

**Число осужденных за контрреволюционные
и другие особо опасные государственные преступления
в 1921–1953 гг. (человек).***

	Всего осуждено	Высшая мера	Лагеря, колонии и тюрьмы	Ссылка и высылка	Прочие меры
1921	35829**	9701	21724	1817	2587
1922	6003	1962	2656	166	1219
1923	4794	414	2336	2044	-
1924	12425	2550	4151	5724	-
1925	15995	2433	6851	6274	437
1926	17804	990	7547	8571	696
1927	26036	2363	12267	11235	171
1928	33757	869	16211	15640	1037
1929	56220	2109	25853	24517	3742
1930	208068	20201	114443	58816	14609
1931	180696	10651	105863	63269	1093
1932	141919	2728	73946	36017	29228
1933	239664	2154	138903	54262	44345
1934	78999	2056	59451	5994	11498
1935	267076	1229	185846	33601	46400
1936	274670	1118	219418	23719	3015
1937	790665	353074	429311	1366	6914
1938	554258	328618	205509	16842	3289
1939	63889	2552	54666	3783	2888
1940	71806	1649	65727	2142	2288
1941	75411	8011	65000	1200	1210
1942	124406	23278	88809	1070	5249
1943	78441	3579	68887	7070	5249
1944	78441	3579	68887	4787	1188
1945	75109	3029	70610	649	821
1946	123248	4252	116681	1647	668
1947	123294	2896	117943	1498	957

Окончание таблицы 2-1

	Всего осуждено	Высшая мера	Лагеря, колонии и тюрьмы	Ссылка и высылка	Прочие меры
1948***	78810	1105	76581	666	458
1949***	73269	-	72552	419	298
1950***	75125	-	64509	10316	300
1951	60641	475	54466	5225	475
1952	28800	1612	25824	773	951
1953, 1 полу- годие****	8403	198	7894	38	273
Итого	4060306	799455	2634397	413512	215942

* Составлено по отчетам ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ—КГБ СССР, приводятся в работах В.П. Попова, В.Н. Земскова, И.В. Пыхалова, В.В. Лунева и др.

** У В.П. Попова в итоговых сведениях для 1921 г. допущена опечатка, вместо 35,8 тыс. дано 25,8 тыс.

*** У В.В. Лунева в 1948 г. и 1949 г. высшая мера отсутствует, о чем указано в таблице 2.2, у В.П. Попова и И.В. Пыхалова тоже самое указано для 1948 г., а в 1949 г. высшая мера была для 8 человек. Наконец, в В.Н. Земскова в 1948 г. к высшей мере приговорено 1105 человек, а для 1949 г. и 1950 г. даны прочерки. Эти расхождения невелики.

**** У И.В. Пыхалова приводимые данные относятся не к 1953 г., а к его первому полугодю, в 1953 г. общее число осужденных было 12,7 тыс. человек (см. В.В. Лунев, 51)

Таблица 2.2

Сведения о контрреволюционной преступности (1918–1958 гг.)

Год	Привлечено к уголовной ответственности		Осуждено		
	Всего	в том числе арестовано	Всего	в том числе	
				к лишению свободы	к высшей мере
1918	58762	58762	20689	14504	6185
1919	69238	69238	25478	22022	3456
1920	65751	65751	16064	-	16068
1921	96584	96584	35829	21724	9701
1922	62887	62887	6003	2656	1962
1923	104520	104520	4794	2336	414
1924	92849	92849	12425	415	2550
1925	72658	72658	16481	6851	2433
1926	69479	69479	17 804	7547	990

Окончание таблицы 2.2

Год	Привлечено к уголовной ответственности		Осуждено		
	Всего	в том числе арестовано	Всего	в том числе	
				к лишению свободы	к высшей мере
1927	84615	84615	26036	12266	2363
1928	98 263	98263	33757	16211	869
1929	219862	162726	56220	28460	2109
1930	378539	331544	208069	114443	20201
1931	479065	363945	33539	14915	1481
1932	499249	410433	141919	73946	2728
1933	634429	505256	239664	138903	2154
1934	336003	205173	78999	59451	2056
1935	293681	193083	267076	185846	1229
1936	175752	131168	114383	86976	1118
1937	945268	936750	790665	412392	353074
1938	641762	638 509	554258	205509	328618
1939	47422	44731	66627	56806	2601
1940	137019	132958	75126	68316	1863
1941	209015	209015	111384	87598	23726
1942	197329	191045	119445	78 463	20193/26510
1943	143578/263837	141253/261513	96809	78315	3877/12569
1944	104271	103532	82425	75417	3110
1945	121674	121122	91526	86861	2308
1946	91385	91008	105251	100282	2273
1947	77212	76803	73714	71400	898
1948	74619	74273	72017	70993	Отменено
1949	73359	73103	74778	63980	Отменено
1950	59790	59630	60908	53197	468
1951	47735	47621	55738	50061	1602
1952	18143	17747	30307	27157	1611
1953	12675	12448	12807	11998	300
1954	1616	1495	3077	2779	79
1955	1455	1369	1739	1218	40
1956	1130	1026	1010	781	31
1957	3536	3318	2879	2488	50
1958	2498	2325	2233	1857	83
Итого:	7024936	6280281	4806427	839772	

Источник: отчеты ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ—КГБ СССР (В.В. Лунев, 51)

**Смертность заключенных в системе ГУЛАГа
с 1930 по 1956 гг.***

Годы	Число умерших	% умерших к среднесписочному составу	Годы	Число умерших	% умерших к среднесписочному составу
1930**	7980	4,2	1944	114481	9,2
1931**	7283	2,9	1945	81917	5,95
1932**	13197	4,8	1946	30715	2,2
1933**	67297	15,3	1947	66830	3,59
1934**	25187	4,28	1948	50659	2,28
1935***	31636	2,75	1949	29350	1,21
1936***	24993	2,11	1950	24511	0,95
1937***	31056	2,42	1951	22466	0,92
1938***	108654	5,35	1952	20643	0,84
1939****	44750	3,1	1953*****	9628	0,67
1940	41275	2,72	1954	8358	0,69
1941	115484	6,1	1955	4842	0,53
1942	352560	24,9	1956	3164	0,4
1943	267826	22,4	Итого	1606742	

* Подготовлено по материалам ОУРЗ ГУЛАГа (ГАРФ. Ф. 9414). Данные приводятся в работах В.З. Роговина (80), И.В. Пыхалова (74) и др.

** Только в ИТЛ.

*** В ИТЛ и местах заключения (НТК, тюрьмы).

**** Далее в ИТЛ и НТК.

***** Без особых лагерей.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
<i>Глава 1. Домыслы и вымыслы о масштабах репрессий в СССР .....</i>	<i>11</i>
<i>Глава 2. Информация о репрессиях в Советском Союзе, её достоверность.....</i>	<i>35</i>
<i>Глава 3. Причины политического террора: объективные условия и социальные интересы .....</i>	<i>53</i>
<i>Глава 4. Политический террор, его периодизация и сопутствующая ситуация в стране .....</i>	<i>87</i>
<i>Глава 5. Сталин как вдохновитель и организатор политического террора в Советском Союзе.....</i>	<i>109</i>
<i>Глава 6. Политический террор в 1937–1938 годы, его основные черты.....</i>	<i>131</i>
<i>Глава 7. Социальные и национальные страты в населении СССР и их представительство в ГУЛАГе.....</i>	<i>161</i>
<i>Глава 8. Смертность заключенных и населения СССР в годы политического террора.....</i>	<i>183</i>
<i>Глава 9. Жертвы политического террора: виновные и невинные.....</i>	<i>209</i>
Заключение.....	227
Источники.....	231
<i>Приложения 1 (информация Главного информационного центра МВД РФ) .....</i>	<i>237</i>
<i>Приложение 2 (Информация из опубликованных работ).....</i>	<i>241</i>

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Л.Л. Рыбаковский

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР
1937–1938 гг.**

(К 75-летию сталинских репрессий в СССР)

Проект «Аргументы истины»

Подписано в печать 26.02.2013 г. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,5. Заказ 2160. Тираж 200 экз.

Отпечатано ЗАО «Экон-информ»
129329, Москва, ул. Ивовая 2. Тел. (499) 180-9305
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru